

КРИМИНАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Юлия ВОЛКОВА

ШОК-Н-ШОУ

ВЕСТИГОС

«КРЫЛОВ»

Во время телесъемок грандиозного реалити-шоу «Звездолет» совершено жестокое преступление. Убит муж руководительницы проекта, автор многих эстрадных хитов Вениамин Молочник. Участники проекта в шоке, но... show must go on — шоу должно продолжаться!

А через несколько дней найден убитым следователь прокуратуры, которому было поручено расследование.

Подозрение падает на известного московского шоумена. Но не причастна ли к убийству одна из участниц проекта, восходящая поп-звезда, с которой постоянно общался убитый автор хитов?

Юлия Волкова

ШОК-Н-ШОУ

«Если звезды зажигают, тушите свет».

Реплика зрителя, пришедшего на концерт «Фабрики звезд»

«Ну, как, явилась нынче эта странность?»

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 1

Пампушка и Ласточкина постучались в комнату Глории без четверти двенадцать. Глория от стука вздрогнула и только потом вспомнила, что они договаривались встретиться именно в это время. Натягивая куртку прямо на пижаму, она приоткрыла дверь. Девчонки переминались с ноги на ногу от нетерпения.

— Мы за тобой. Готова? — зашептала Пампушка. — Спишь, что ли? Или забыла?

Ласточкина же стояла молча и только выжидающе посматривала на Глорию с высоты своих ста девяноста.

— Я все помню, — сердито сказала Глория. — Но мне кажется, зря все это.

— Чего? — наконец подала голос Ласточкина. Голос у нее был низкий и слегка гнусавый и плохо сочетался с ее ампула куклы Барби. — Это как?

— Как-как! — вскрикнула Пампушка. — Не верит она нам, вот что. Не видишь, что ли?

— Конечно, не верю, — решительно прошептала Глория. — И не орите. Хотите, чтобы остальные из комнат повылезали?

— Не *повылазят*, — сказала Ласточкина. — Они заперлись на сто замков и трясутся от страха под одеялом.

— Нельзя говорить *повылазят*, — проворчала Глория. Ласточкиной она замечания делать не стеснялась — та воспринимала критику спокойно, не то, что Пампушка, которой слова было нельзя сказать — сразу обижалась.

— Не повылазят, — послушно поправила себя Ласточкина и заискивающе улыбнулась. — Так правильно?

— Так правильно, — кивнула Глория. — И куда вы предлагаете идти?

— Сначала на крышу, на площадку, где телескоп стоит, — задыхаясь от волнения, сообщила Пампушка. — А потом — в хозблок.

— А туда зачем? — удивилась Глория, но дверь заперла, и они, крадучись, двинулись по коридору.

— Потому что он в этих двух местах появляется, — сказала Пампушка, ужасно топая — даже мягкий ковер не смог заглушить ее шагов. — Давайте быстрее. Скоро полночь стукнет.

Ласточкина хихикнула.

— Кого стукнет?

— Да ну вас! — обиделась Пампушка. — Это выражение такое.

— Никогда не слышала, — сказала Глория сердито. — Это тебе восемнадцать стукнуло, а еще когда-то что-то стукнуло тебя по голове. Теперь вот и мерещится всякая галиматья, и выражаешься ты странно. Можно сказать: «часы пробили полночь». Или: «московское время ноль часов ноль минут». Как ты интервью будешь давать на заключительной пресс-конференции — ума не приложу.

— Нормально буду интервью давать, — Пампушка аж запыхтела от обиды, ибо, как известно, не переносила критики в свой адрес. — А ты не верь, не верь! Я посмотрю на тебя, когда ты его своими глазами увидишь и разговаривать станешь.

— Не стану я разговаривать с привидением, — засмеялась Глория. — Ну, о чем с ним

говорить?

— Как о чем? — возмущенная Пампушка даже вскрикнула. — Например, о том, кто его убил.

— О Господи! — Глория глубоко вздохнула. — Что творится в твоей голове! Почему же ты его об этом не спросила?

— Я и спросила! — проговорила Пампушка удивленным тоном — как это Глория не понимает? — Он же русским языком мне вчера сказал: об этом я буду говорить только с Глорией. То есть с тобой.

— Почему? — идущая впереди девушка резко обернулась, и Пампушка тоненько взвизгнула, налетев на подругу.

— Когда тормозишь, включай огни, — недовольно прошипела она. — А говорить он будет только с тобой, потому что... Потому что...

На выручку ей пришла Ласточкина:

— Потому что вы были с ним близки.

— Ага! — Глория, не сдержавшись, закричала во весь голос. — Вот вы и попались. Это вы думаете, что мы были с ним близки. А на самом деле — ничего подобного! Не были мы близки! Даже не целовались ни разу! Вам меня не провести!

— О мама миа! — воскликнула Пампушка. — Да Нюся совсем не про то сказала. То есть, не про это. Не про ту близость, в общем. Но вы же с ним дружили? Этого ты не будешь отрицать?

— Мы... — Глория на секунду задумалась. — Мы общались.

— Ну вот, — энергично кивнула Пампушка. — Это тоже называется близость. Только, как это?... Духовная.

— Не знаю... — пробормотала Глория, мгновенно растерявшись. О том, что простое общение можно назвать духовной близостью, она как-то не думала.

— А я знаю, — отрезала Пампушка. — Вот со мной он почему-то не общался и стихов своих не читал. И Ласточкиной не читал. И даже мертвый не хочет с нами разговаривать. А с тобой хочет. Пошли уже! — и она решительно затопала по ковру к лестнице...

Глория нехотя двинулась следом. И с какой стати она поддалась на уговоры этих двух дурочек? Ведь кошке понятно, что они либо ее разыгрывают, либо еще хуже — окончательно спятили, вот им мертвый Молочник и привиделся. Дурдом! Хотя если разобраться, после всего, что произошло, не удивительно, что ребята и девчата пошли вразнос. Кто-то тайком от организаторов проекта алкоголем балуется у себя в комнате — «сухой закон» нарушает, кто-то на все замки запирается и дрожит от страха, кто-то, как Ласточкина и Пампушка, начинают во всякие чудеса верить. Одна только Глория не запирается и разной дрянью себя не травит, чтобы хоть на некоторое время выпасть из реальности. Не хочет она из этой реальности выпадать, вот что! Хотя боится не меньше других, а по Молочнику тоскует, наверняка, больше. А скорее всего, только она и тоскует. Остальные его и не замечали вовсе и думать о нем не думали, а если и вспоминали когда, то только как о муже главного продюсера Марфы Король. Насчет их союза многие посмеивались: «Молочник и Король — ха!» Но даже если у них и фамилии были бы обыкновенные, все равно было над чем смеяться. Вениамин Молочник, писавший для участников проекта «Звездолет» тексты песен, был маленького роста очкариком, он никогда не повышал голос и всегда смотрел на мир доверчиво и близоруко. Марфа же Король... Ух! У Глории даже дух захватило, когда она вспомнила продюсершу и представила ее воочию. Марфу боялись все. Даже Барчук, а уж

ему-то чего... Красивая, высокая женщина с мягкими чертами лица и добрым, все понимающим взглядом, она превращалась в жестокую, властную фурию, когда ей что-то не нравилось. А не нравилось ей многое и почти всегда. Особенно ее раздражали лень и профессиональная беспомощность участников проекта. Голос ее раздавался на всех пяти этажах пансионата, арендованного под съемки, когда она решала провести воспитательную беседу с каким-нибудь бедолагой. И супруг ее исключением не был. Его стихотворные опусы, которые казались Глории, да и многим ребятам, очень даже приличными, она раздраковывала так, что камня на камне, рифмы на рифме не оставалось. И ведь почти всегда она оказывалась права. Ребята после ее разносов собирали свою волю в кулак и работали как проклятые. А Веня Молочник после ее критики еще лучше стихи писал.

А потом тонкого, доверчивого Веню, с которым было так интересно общаться, который был так хорош, когда умолкал в задумчивости, который умел слушать и, казалось, все понимал, песни которого распевали не только участники проекта, но и многие именитые певцы, убили. Его нашли с простреленным затылком в его рабочем кабинете. Убили его в тот момент, когда он набирал на компьютере какое-то стихотворение...

И теперь Пампушка — то есть Лена Петрухина, приехавшая из Казани, и Ан Ласточкина из Москвы утверждают, что вчера мертвый поэт Вениамин Молочник явился к ним собственной персоной, когда они прогуливались по открытой площадке на крыше здания, и даже разговаривал с ними о том, о сем. Конечно, сначала они страшно напугались, а потом немного пришли в себя и начали беседовать с убиенным в свое удовольствие. Позднее в тот же вечер Пампушка видела его в хозблоке. Они почти убедили Глорию в том, что все рассказанное ими — чистая правда. Нет, у Глории, конечно, в голове все в порядке и со здравым смыслом она дружит, как любила говорить ее учительница литературы. Девушка допускала, что ее подруги-конкурентки по проекту действительно видели Веню Молочника. И даже с ним разговаривали. Но теперь она должна им доказать, что видение это было вызвано чрезмерным употреблением чего-то крепкого и помножено было на неумное воображение, которым обе обладали в полной степени. Если только, конечно, они ее не разыгрывают. Ведь разыгрывали же ее поначалу все, кому не лень...

На съемках программы «Звездолет» она оказалась случайно. Во всем верная подруга Галка была виновата. Что с ней было, когда она афишу на стене Дома культуры увидела! Аж задрожала вся. «Лорка, — говорит, — это ж какая пруха привалила! Конкурс на «Звездолет» в нашем городе будет проходить. Ехать никуда не надо и бабки тратить. Вот это шанс!» Глория тогда ее почти не поняла. Какой-такой звездолет, какой шанс? Афиша изображала пятерых молодых людей с микрофонами, широко улыбающихся и вытягивающих вперед руки. Она подумала, что это какая-то группа приезжает. Оказалось, не группа. Оказалось, отбор артистов в их маленьком городке, вернее, поселке городского типа намечается. И Галка этому обстоятельству безумно обрадовалась. Она ведь, сколько Глория ее помнила, всегда артисткой хотела быть. И в прошлом году даже в Москву ездила — в театральное поступала. Да только таких Галок несколько тысяч оказалось. Провалилась подруга на каких-то там турах. Но в родные края вернулась королевой, и все рассказы только о Москве и были. Какие там клубы, а в клубах — тусовки, известные артисты запросто по улицам ходят... С одним из них, совсем молодым парнем, который в известном сериале главную роль играет, Галка даже познакомилась, и он ей много советов надавал насчет репертуара экзаменационного и в Москву на будущий год звал. «В первый раз многие пролетают, —

взахлеб говорила подруга. — Зато я теперь ученая. Басню-то не Михалкова надо было читать, а Крылова. И с танцем я промахнулась. В моем амплуа — «цыганочка», а не «яблочко». Глория засомневалась насчет «цыганочки». Она вообще была не уверена, что из Галки хорошая артистка выйдет. Нет, она, конечно, симпатичная, и фигура что надо — ноги от шеи и бюст как у Памелы Андерсон, не то, что у нее, у Глории — подростковая конституция, как иногда выражалась, вздыхая, бабушка. Но ведь артист еще кое-чем должен обладать, даром, что ли, особенным, когда смотришь и глаз не отвести. А Галка была обыкновенной, ничем от прочих девчонок не отличающейся. Правда, характер пробивной. С таким характером горы свернуть можно, не то, что в театральное поступить. И уговаривать Галка умела, кого хочешь уболтать могла. Вот и ее уболтала: пойдём, да пойдём на прослушивание. «Чего ты теряешь? — почти кричала она на Глорию. — Постоишь, поглазеешь. А мне не так стремно будет, когда я твое надежное плечо рядом ощущать буду». Наверное, Глория на это и купилась. На то, что ее «подростковое» плечо лучшая подруга считает надежным. И вместе с Галкой отправилась в назначенный час в Дом культуры.

Когда они вошли в просторный холл, где вдоль стен в деревянных ящиках росли пожухлые от недостатка внимания цветоводов экзотические растения, Глория непроизвольно ахнула. Ей и в голову не могло прийти, что на прослушивание соберется столько народу. Октябрьск — поселок маленький, с населением около трех с половиной тысяч человек. Здесь же собралось, наверное, не менее четверти населения. Совсем юные школьницы и школьники — даже первоклашки, ребята постарше и множество вполне солидных субъектов. Сначала девушка подумала, что взрослые пришли со своими чадами, дабы поддержать их в нелегком испытании. Но чем больше они с Галкой толкались среди шумной, волнующейся толпы, тем больше становилось ясно: взрослые дяденьки и тетеньки тоже намереваются испытать судьбу в веселом деле шоу-бизнеса. Одна дама особенно поразила воображение Глории. Выглядела она лет на пятьдесят, а нарядилась, как девочка с не очень хорошим («неустоявшимся», как говаривала бабушка) вкусом — короткая юбка-плиссе бордового цвета, розовая кофточка с запыленным декольте, по краям которого желтели неопределенного вида цветочки. Дама была нарумянена сверх меры (Глория сразу вспомнила Марфутку из фильма «Морозко»), а тени вокруг век лежали толстым изумрудным слоем. Великовозрастная конкурсантка приплясывала, не переставая, нервно вскидывала руки и «пробовала» голос, который напоминал звук бензопилы.

Глории отчего-то стало грустно, она почувствовала жалость ко всем пришедшим, а Галка, наоборот, повеселела.

— Похоже, у нас здесь конкуренции не имеется, — бодро толкнула она Глорию в бок. — Кстати, какую песню ты собираешься исполнять?

— Галк, — мрачно буркнула Глория. — Какую-такую песню? Я же с тобой за компанию пришла, забыла ты, что ли?

— Ну да, — кивнула подруга. — Но за компанию ты обещала пройти прослушивание. Это ты забыла, о чем мы договаривались.

Глории стало неловко. Она вовсе не собиралась участвовать в прослушивании. Об этом и разговора не было. Но энергия и сила убеждения Галки была так велика, что она устыдилась и поверила — именно так они и договаривались: Глория тоже должна исполнить что-то. Она стала судорожно вспоминать песни. Какую она может спеть? Как назло, кроме оперных арий, которые любила слушать бабушка на их стареньком проигрывателе «Юность», ничего в голову не приходило. Ария Татьяна, ария Гремина, ария Кармен... Нет,

вряд ли это подходило для такого рода экзамена. «Миллион алых роз»? У Глории совсем нет такого голоса и такой раскованности, как у Пугачевой. Что-нибудь из репертуара Ильи Лагутенко, которого боготворила Галка? Но в его песнях ни нот, ни гармонии совсем нету. Петь это невозможно. Из современных групп Глории нравилась «Любэ». Однако странно было бы ей исполнять «Давай за...» или «Атас». Кое-что про амплуа, то есть соответствие внешности и исполняемого материала, она все-таки понимала — Галка просветила. Под горящим и требовательным взглядом подруги и от суеты в мозгах Глория взмокла. Буквально. Ай, была не была! Классический репертуар еще никогда не производил плохого впечатления на профессиональных музыкантов. А то, что в жюри собрались профессионалы, Глория не сомневалась. Сомневалась в одном — вытянет или не вытянет арию Татьяны. Но, в конце концов, она же не претендует на выигрыш в этом конкурсе. Исполнит номер — Галка успокоится. А Глория пойдет на подготовительные курсы в педучилище. А потом — корову Багиру доить. Спасает Багира Глорию с бабушкой. Ой, как спасает материально. За ее молоком со всего Октябрьска приходят. Самое, между прочим, жирное молоко в поселке...

От мыслей о рогатой кормилице Глорию отвлек распорядитель — молодой человек в белоснежной футболке и такой же белоснежной бейсболке с аляповатым логотипом. Она присмотрелась к рисунку — ярко-красная комета на синем фоне устремляется вверх, а на хвосте кометы сидит и ножками болтает какой-то человечек. Наверное, победитель конкурса. Распорядитель торжественным и чуть сипловатым голосом выкрикнул ее фамилию и еще несколько фамилий, и девушка поняла, что назад ходу нету. Галка в который раз толкнула ее локтем в бок и потащила в зал, где проходили испытания. С ними в зал отправились еще восемь человек, в том числе и дамочка в бордовом плиссе. С удивлением Глория обнаружила, что в их «десятке» находится бывший их с Галкой одноклассник Сережка по прозвищу Ежик — нелепый, смешной мальчик с вечно торчащими во все стороны русыми волосами, оттопыренными ушами, восторженным взглядом и постоянно отвисшей нижней челюстью. Ежик с первого класса выглядел гораздо моложе своих сверстников — ну, сущее дите, бормотала бабушка, когда он встречался ей на пути где-нибудь в магазине или около почты — и был славен тем, что, даже достигнув совершеннолетия, так и не начал бриться. Впрочем, он еще кое-чем был славен. Например, длительной и безнадежной влюбленностью в Глорию...

— Ой, Еж! — воскликнула Галка, проталкиваясь к дверям, около которых отчего-то образовалась небольшая пробка. — А тебя каким ветром сюда задуло?

Ежик смутился и покраснел. И не столько от вопроса, сколько от небрежного Галкиного движения телом, в результате которого ее пышные формы выше талии впечатались в тощую грудную клетку юноши. Возможно, Галка «впечаталась» в Ежика ненамеренно, и виновато в этом было легкое столпотворение у входа в зал, но Глория почему-то была уверена в обратном. Подруга любила ставить лиц мужского пола, даже таких, как Ежик, в непростые или неловкие ситуации.

— А... — прерывисто выдохнул Ежик. — А я так... Прогуляться решил. Афишку увидел. Дай, думаю, зайду.

— Зачем?

— Ну... — Сережа-Ежик смутился окончательно. — Просто так.

— Напрасно, — наставительно заявила Галка. — Каждый должен заниматься своим делом. Ты у нас в компьютерах мастак? Вот в них и ковырайся. А на сцене тебе делать нечего. Уж поверь моему опытному глазу.

— Ха... — тихо вымолвил Ежик, спорить с Галкой не стал, но в зал вошел вместе со всеми.

— Прибабахнутый, — проворчала подруга Глории, обиженная на то, что ее советам не вняли. — Наверняка увидел, что мы сюда направились, и увязался. Воспользовался моментом и обрадовался возможности лишний раз на тебя безнадежно повздыхать. Надеюсь, он тебе предложение еще не сделал?

Глория покраснела. Она вообще не любила обсуждать с подругой «личное». Ежик ей в качестве потенциального жениха, конечно, и в страшном сне не снился, но мальчишка он был неплохой, и язвительные подколки Галки насчет Ежиковых влюбленных, «безнадежных вздохов» ее изрядно раздражали.

— Нет, — сухо проговорила она. — И не сделает. Он видит, как я к нему отношусь.

— А как ты к нему относишься? — иронически хмыкнув, спросила Галка.

— Он мне нравится по-человечески. Не больше. И давай не будем больше все это обсуждать.

Галка презрительно сморщилась и пожала плечами. Глории иногда казалось, что подруга немного ревнует Ежика к ней. Потому что такими влюбленными глазами, как у Ежика, на Галку почему-то никто не смотрел. Хотя вокруг многие крутились и замуж безостановочно звали.

Когда претенденты на участие в шоу вошли в зал, их сразу же пригласили на сцену. Всю «десятку». Глория удивилась — она до последнего момента надеялась, что прослушивание будет индивидуальным. В одиночку не так страшно позориться. А тут все увидят, какая она неумеха — и Галка, и Ежик, и странная дама в бордовом плиссе. Об отборочной комиссии она и вовсе старалась не думать. Кто там в этой комиссии?

На этот вопрос сразу нашелся ответ.

— Ой, ой! — горячо зашептала Галка прямо ей в ухо. — Ты посмотри, кто в комиссии сидит! А-а-атпа-а-д!

Глория ничего не видела. Софиты, направленные прямо на кандидатов в «звезды», нещадно слепили глаза. И как это Галка кого-то разглядела? Вот что значит опыт актерских экзаменов!

— Сам Хаос! — Галка аж задохнулась от восторга.

— Кто? — сквозь зубы буркнула Глория.

— Хаос! Ну, Димочка Недюжев. Который в «Братве» играл Хаоса.

Глория «Братву» не смотрела. Вернее, посмотрела несколько минут первую серию и сразу же переключилась на канал «Культура». Сериалы она не могла смотреть. Ей физически становилось плохо от сериалов, что от наших, что от мексиканских — начинала кружиться голова, и хотелось куда-нибудь бежать без оглядки. Уж так вот странно был устроен ее организм. Потом она узнала из газеты «Комсомольская правда», что «Братва» — самый популярный сериал года. И портреты исполнителей главных ролей видела. Да, кажется, там был и Недюжев. Ладно, перед этим парнем не так страшно в лужу упасть. Сам-то он — не бог весть какой талант. Для того чтобы играть «братка» в «Братве», много способностей не требуется — так она понимала.

— Ой, а вон Арсен Мирзоян! — продолжала восторгаться Галина. — Самый главный съемщик клипов в столице. И Андрюша Махалов из «Большой терки» здесь! Ну, надо же Такой занятой человек, а в нашу дыру приехал. Теперь понимаю, дело у них затеяно серьезное, раз такие люди в комиссии собрались. Не абы кого прислали.

Она хотела еще что-то сказать, но тут распорядитель звонко хлопнул в ладоши, от чего нарумяненная дама взвизгнула, подпрыгнула и нелепо взмахнула руками. Глории показалось, что сделала она это нарочно, чтобы привлечь к себе внимание. Ей это удалось: все, кто находились на сцене, нервно расхохотались, а в зале кто-то нецензурно выругался хриплым тенорком. Похоже, Махалов...

— Слушать сюда! — безо всяких преамбул и церемоний выкрикнул распорядитель, чем возмутил Глорию донельзя. — Первое испытание — пение хором. Поем всем известную песню «Бабушки, дедушки, по домам...» Надеюсь, слова знают все.

— Что это еще за песня? — испуганным шепотом поинтересовалась Глория у Галки. Она и слыхом не слыхивала про сие произведение.

Но шепот ее был услышан в зрительном зале.

— Кто не знает слов, пусть помычит! — раздался глуховатый басок. — И подвигайтесь маненько. Мы не в камерный хор отбираем. Времени у вас в обрез — проявите себя оптимально.

У Глории «дыханье сперло». Она не видела говорящего, но басок узнала. Это был Григорий Барчук, который ей очень нравился. Ему она могла простить даже съемки в сериале «Неженские дела», и сам сериал смотрела не по одному разу, вопреки своим привычкам. И тошноты не было, когда она его смотрела. Из-за него, из-за Гришеньки... Так она его про себя называла, хотя «Гришеньке» было, кажется, лет сорок. Ну и что? Когда человек тебе нравится, всегда его ласково-уменьшительно называешь. Про себя... Глория прищурилась и углядела милую сердцу лысину Барчука. Внутри что-то всколыхнулось, и ей искренне захотелось «оптимально» себя проявить.

— Какие там слова? — она толкнула Галку в бок локтем. — Быстро говори.

— «Бабушки-дедушки, по домам, внуки и внучки — на выход, — прошептала подруга. — Потанцуем во дворе, на улице дождь, в голове полный бедлам, оттянемся пацанки и пацаны...»

— Что за бред! — возмутилась Глория.

— Прикольная песня, Лорка, — не согласилась Галка. — Ее Хищник исполняет.

— Какой хищник? — поразилась Глория.

— Солист группы «Хищники» — Рома Хищник, — пояснила Галка и смолкла, потому что в динамиках раздался страшный скрежет, а затем полилась музыка. Впрочем, сказать про это «полилась» было нельзя. Обрушилась она, вот что. Глория на несколько минут оглохла. И от грохота, и от внезапного разноголосого исполнения стоящих рядом. Начали петь кто во что горазд. Она попыталась подхватить мелодию, но ей это не удалось — каждый исполнял свою, а из технически несовершенной фонограммы ни гармонии, ни нот уловить было невозможно. Да и были ли они в этой песне?

Как ни хотелось ей «показаться» Барчуку, здравый смысл оказался сильнее. Такое испытание было ей не по зубам. Глория оставила попытки попасть в такт мелодии и боком начала продвигаться к кулисе. Зато остальные участники все больше входили в раж. Особенно старалась нарумяненная дама. Ее исполнение было зрелищем поистине шокирующим. Великовозрастная конкурсантка, вероятно, была уверена, что может составить конкуренцию самой Алле Пугачевой. Вульгарной походкой великой примы времен «Арлекино» она обходила сцену по периметру, разводила руки в стороны, словно делала утреннюю зарядку, кривлялась изо всех сил и орала слова «прикольной» песни дурным фальцетом. Проблемы со слухом были у нее, как и у прочих участников сего незабываемого

процесса, которые тоже старались, как могли. Длинноволосый парень в кожаной куртке и кожаных брюках, выкрикивая текст в стиле «рэп», пытался исполнить «верхний брейк», другие парни, пытаясь скрыть смущение, гоготали между строчками песни и изображали вовсе непристойные па. Галка пробилась к авансцене и почему-то заламывала руки, подобно героиням мексиканских сериалов. На Ежика больно было смотреть. Он почти не двигался и, ссутулившись, еле-еле открывал рот. Глория почти добралась до кулисы и собралась нырнуть в нее, но тут грубый голос одного из членов комиссии (Глория не разобралась, чей) остановил зрелище.

— Стоп! Макс, давайте уже перейдем к сольникам. — Фонограмма тотчас оборвалась, а исполнители, словно захлебнулись — смолкли и застыли. Лишь реактивная дама «а ля примадонна», похоже, во что бы то ни стало, решила исполнить песню до конца.

— Мы не бабушки еще, мы не дедушки!.. — орала она.

— Спасибо, милая! — гаркнул Барчук. И вполголоса выругался.

У Глории защемило сердце. Она никак не могла подумать, что ее «Гришенька» может так ругаться. А он во всеуслышание продолжал:

— Ну что ты будешь делать? В каждой дыре найдется какая-нибудь неадекватная мадам. Макс, вы что, не могли отсеять явно непригодный материал заранее? Зачем вы выпустили на сцену эту бабушку?

— Я попрошу! — взвизгнула дама.

— Нет, это я вас попрошу! — снова рявкнул Барчук. — Покиньте сцену. Считайте, что конкурс для вас закончен. И вообще — для многих тоже. Для сольного исполнения я прошу остаться двоих. Вот вы, и вы... Остальные свободны.

В смешанных чувствах Глория повернулась к кулисе. С одной стороны, она испытала огромное облегчение оттого, что для нее все закончилось. С другой, ей очень не понравилась манера Барчука. Пожалуй, это было очень сильным разочарованием...

— Куда?! — закричал Барчук. — Я же сказал вам остаться. У вас что — медвежья болезнь? Да, да, вам говорю! Девушка в зеленом!

Глория непроизвольно оглянулась. Барчук явно что-то напутал. Не было в «десятке» девушки в зеленом. Были семь парней, Галка, раздурманенная дама и она, Глория...

— Куда, дура! — громко зашипела Галка. — Он велит тебе остаться.

Ей? Ну, да... Ведь и вправду она в зеленом. Юбка зеленая и блузка салатного цвета. Или правильнее говорить — «салатного»? Но ведь этого не может быть. Зачем Барчук ее оставляет?

— Если кто-то не понял, — провозгласил распорядитель, — остаются Глория Кошелкина и Сергей Петров. Они сейчас будут исполнять сольники. Сообщите нашему маэстро, что вы будете петь.

На сцену поднялся сухонький старичок, прошел к роялю, стоящему в углу сцены, и вопросительно посмотрел на Глорию. Глория вспомнила, что у этого рояля западали некоторые клавиши, от чего впечатление от любого концерта, проходящего в Доме культуры, бывало испорченным. «Вряд ли он сумеет саккомпанировать арию Татьяны без нот, — подумала она. — О боже! Неужели я все-таки собираюсь петь? Но как же Галка? Почему ее не попросил остаться Барчук? Все-таки он что-то перепутал».

Словно прочитав ее мысли, Галка подала голос.

— Простите, пожалуйста, а я могу исполнить соло? — медовым голосом проговорила она, обращаясь в зал. — Григорий Сергеевич, я ведь в Москве до третьего тура дошла в

театральное.

— В «театральное»? — выкрикнул Барчук. — И в какое же «театральное» проходят до третьего тура такие дамочки, как вы? Уж, не Коля ли, Хоменко курс набирал? Известно, что у него страсть к пышнотелым девицам. Хорошо ума хватило на курс вас не взять. До третьего тура только полюбовался.

В комиссии рассмеялись. Грубо, как деревенские мужики на базаре. Глории стало обидно за подругу.

— А при чем здесь фигура? — звонко выкрикнула она и со злостью уставилась прямо в переносицу Барчуку, благо глаза к яркому свету стали постепенно привыкать, и насмешливое лицо «Гришеньки» ей прекрасно было видно. — Может быть, у человека талант? А вы его и проверить не хотите!

Хохот смолк. И улыбка с лица Барчука сползла.

— Талант? — растягивая гласные и слегка оттопыривая нижнюю губу, серьезно проговорил он. — Дорогая Глория Кошелкина, да будет вам известно: талант за версту виден. И сразу. А за всяких бездарей заступаться не советую. Даже если это ваши лучшие друзья. Дело это неблагодарное. И никому не нужное. Сколько раз я таких артистов жалел. Клипы с ними снимал. А потом волосы на себе рвал. Видите, все вырвал. Ни одного не осталось.

— Каждый может ошибаться, — тихо, но упрямо сказала Глория.

— Это я в курсе, — вновь совершенно серьезно сказал Барчук. — Вот про вас и этого мальчика я еще не знаю, ошибаюсь или нет. Может, у вас и слуха-то нет. Потому что я не слышал, как вы пели. Но шанс у вас с Сережей Петровым есть. И талант есть. А воплотите вы его или нет — от вас зависит. Что касается девушки с пышными формами, я могу, конечно, кое-что посоветовать. Ей не о сцене надо мечтать. А о хорошей, нормальной профессии. И о добром, непьющем муже. Если на сцену полезет, окажется во всем известном месте. Поверьте моему опыту, Глория.

Внутри у Глории в который раз все перевернулось. Любимый «Гришенька», в котором она уже тысячу раз успела разочароваться, разговаривал с ней всерьез. Прямо, как папа, когда ей было три-четыре года. Он разговаривал именно таким тоном. Грустным и серьезным. Потом папа погиб. Трагически. Под колесами дрезины. Некоторые «добрые люди» говорили, что погиб он «по пьянке». Глупости говорили. Нет, конечно, папа не был трезвенником. Но чтобы пьяным под колесами пропасть — ерунда все это. Тогда Глория была маленькая, не могла провести следствие. Но, повзрослев, стала подозревать — папа погиб не просто так. Кому-то он дорогу перешел. Знать бы кому... А мама... Мамы сроду у Глории не было. То есть, теоретически, наверное, была. Но ни папа, когда она была маленькая, ни бабушка никогда о ней ничего не говорили. Нет, бабушка, конечно, пыталась убедить внучку, что ее мама была хорошей, доброй женщиной, умершей во время родов. Но то, как она при рассказе отводила глаза, убеждало Глорию, что ее мама просто, наверное, бросила папу. И отправилась искать счастье. Во всяком случае, шестое чувство подсказывало Глории, что мама жива, но знать о дочери ничего не хочет...

— Будем петь! — вдруг решительно выкрикнул Барчук. — Сначала Сережа, потом вы, Глория. Не будем заморачиваться с аккомпанементом — я в курсе, что рояль здесь не успели настроить. Маэстро, отдыхайте. Ребята, валяйте, а капелла.

Глория знала слово «а капелла» и ужаснулась. Петь без сопровождения? А как же Сережа? У него всегда по пению тройка была...

Но Ежик неожиданно выступил вперед и ломким голоском выкрикнул:

— Я тебя никогда не забуду!

— Оч-хорошо, — кивнул Барчук, как показалось Глории, несколько разочарованно.

Сережка запел. А Глория в который раз за этот день поразилась. У Ежика оказался дивный по чистоте баритон. Господи, как он пел! Лучше Смеяна, Петкуна и Маршала. И даже лучше Караченцева. Он почти не двигался. И даже плечи не расправил. Но пение его по-настоящему брало за душу. А когда он дошел до слов «И качнутся бессмысленной высью...», у Глории слезы на глаза навернулись. Чужая, несчастная любовь, окончившаяся словами «Я тебя никогда не увижу» в исполнении Ежика достигала самых потаенных глубин души. Может быть, и ей предстоит именно такая любовь? Ой, как бы не хотелось! С другой стороны, если любовь настоящая и сильная, разве что-то имеет значение? Даже смерть...

— Лорка, ущипни меня, — раздалось над самым ухом.

— Зачем?

— Это сейчас Ежик пел? — спросила Галка.

— Угу.

— Ты уверена?

— Ты же сама видела, — вздохнула Глория. — Оказывается, Сережка у нас — талант. А никто, кроме Барчука, этот талант не прозрел.

— Да, нехило, — тоже вздохнула Галка. — Ему тоже надо было в театральное поступать. Там у мужиков конкурс значительно меньше. Хотя... ведь ему это не надо, правда? Он у нас технический гений. Зачем ему сцена? Разве что из-за тебя. Не удивлюсь, если ты сейчас тоже что-нибудь этакое выдашь.

В голосе Галки послышалась явная зависть.

— Ничего я не выдам, — недовольно проговорила Глория. — Чудес не бывает.

Она плохо помнила, что и как происходило в те три-четыре минуты, когда она пела. И что чувствовала в это время, напрочь забыла. В памяти осталось другое — пронзительные, удивленные глаза Барчука (непостижимым образом она решилась взглянуть на него по окончании выступления) и звенящая тишина вокруг, словно кто-то могущественный вдруг изъял из мира все звуки. А скорее всего, она просто оглохла на несколько минут от чрезмерного волнения. Но что бы там ни было, оказалось, что чудеса, вопреки всему, бывают. Ее и Ежика пригласили в город Санкт-Петербург для участия во втором туре прослушивания. А вот Галка... Галку было жалко. Она резко спала с лица, утратила свою обычную энергию, а на лучшую подругу посматривала с ревнивым, завистливым упреком. Глория чувствовала себя ужасно. Потому что, в отличие от подруги, в Санкт-Петербург она совсем не рвалась. Во-первых, она училась на подготовительных курсах педагогического училища и бросать их не хотела. Потому что твердо решила стать учительницей начальных классов. Ей это интересно, малышей она любит, учителя в школе говорили, что у нее призвание к этому есть. А во-вторых, на кого она бабушку оставит? Ведь бабушке даже корову трудно доить, не говоря уже о других хозяйственных хлопотах. Разве сможет бабуля дров наколоть и в поленницу сложить? А сено, а куры, а грядки с клубникой, а маленькое картофельное поле возле водокачки?... Взять все это и бросить? Взвалить на плечи пожилой женщине? Невозможно. Галка обо всем этом знала. Приходя к Глории, она то и дело переводила разговор на предстоящую поездку. Вернее, на поездку, которой не суждено осуществиться.

— Вот ведь как получается... — вкрадчиво-задумчиво начинала она. — Тебе в Питер

путь открыт, но ты не можешь этим воспользоваться. Мне там делать нечего, но и здесь меня ничего не держит. Скажи, пожалуйста, что же это за непруха такая? Или кто-то там, на небесах, специально над нами измывается? А может быть, Бог вообще никакого отношения к справедливости не имеет? Нисколечко?

Глория, которая не любила кощунственных разговоров о небесах и Боге, сердито мотала головой.

— Тебе, Галка, просто не повезло в данный, конкретный момент, — отвечала она. — Жизнь на этом конкурсе не закончилась. А надо мной никто не измывается. Моя судьба давно предрешена. Жить я буду здесь, учиться, потом работать. Ни в какие артистки я не рвусь. Поэтому все нормально. Справедливо вполне...

— Как же, — бурчала подруга. — А ты точно не собираешься ехать?

— Ну, ты же знаешь, что я не могу, — теряла терпение Глория. — И не хочу.

Однажды после такого или примерно такого разговора, у Галки вдруг странно заблестели глаза. Так они у нее блестели, когда ей какая-нибудь стоящая мысль в голову приходила.

— Послушай, Лорка, — тоном заговорщика проговорила она. — А вот с билетом и с командировочными, которые тебе на счет положили, ты что собираешься делать?

— Ой, мамочка! — воскликнула Глория. — Я ведь и забыла совсем, а ты не напоминаешь. Им же письмо написать надо. И деньги с билетом отослать. Только я не знаю, какой у них адрес.

— Адрес в Интернете узнать можно, — подруга небрежно махнула рукой. — Но не в этом дело... Послушай, может... ты только не кричи раньше времени, ладно?... может, я этим билетом воспользуюсь?

— Он же именно... — растерянно ответила Глория, с ужасом понимая, что Галку теперь никакая сила не остановит, коли ее идея безумная посетила. А какая идея — кошке ясно.

— Да ну, ерунда! — воскликнула Галка. — Меня Маринка-проводница не посадит, что ли? А ревизоры, если и объявятся, то вряд ли в документ таращиться будут. Разве что на оригинал заглянутся.

— А дальше что? — упавшим тоном спросила Глория. — Мне ж за этот билет расплачиваться придется.

— Да ты не поняла! — раздраженно проговорила подруга. — Я как бы за тебя во втором туре участвовать буду. Под твоим именем.

— Хочешь сказать, что они подмены не заметят? — покачала головой Глория. — Совершенно нелепая авантюра...

— Я так не думаю, — твердо сказала Галка. — Ты знаешь, сколько людей отобрали во второй тур? Пятьсот восемьдесят. По телевизору объявляли. И это еще не конец — они сейчас по Дальнему Востоку ездят.

Убедить-то Галка ее убедила. Она вообще Глорию легко уламывала на всякие авантюры. Да только из-за этого еще хуже получилось. И для Галки, и для Глории. Ей потом Барчук рассказывал, когда на очередном кофе-брейке лишнюю порцию коньяка выпил. «Ты, девочка, не понимаешь многих тонкостей бытия, — растягивая в своей манере слова, говорил он. — Весь этот праздник жизни — сумасшедшая лотерея с одним выигрышным билетом... в один конец, хе... Но ты билета не тащила. Поэтому выиграть не могла по определению. А знаешь, как вышло? Если бы ты меня не задела своим отказом, я бы на

принцип не попер. И за тебя в жюри не бился бы. И сидела бы ты спокойно в своей деревне — детей учила арифметике и корову доила».

А и правда, не хорошо все так вышло. Глория билет и пропуск на прослушивание Галке отдала, и та в Петербург, конечно, с радостью поехала. А у Барчука память хорошая оказалась. Он и Галку вспомнил, и Глорию. И очень удивился, когда вместо Глории ее подругу увидел. А потом разъярился так, что прослушивание пришлось прекратить. А на втором туре еще и съемки должны были начаться, так и съемки отменили. Потому что разъяренный ведущий, а Барчук именно эту роль в проекте исполняет, никак для такого ответственного дела не годился. Страшен Григорий в гневе и некрасив. Ну это бы ладно, гнев Барчука они с Галкой пережили бы, конечно. Тем более, что гнев этот только на Галку и вылился, а она девушка достаточно толстокожая. Но ведь Барчук не успокоился. Он ведь в Октябрьск отправился. За Глорией...

— Ты чего плетешься, как мертвая? — голос Пампушки отвлек Глорию от воспоминаний.

— Тьфу на тебя! — испуганно выкрикнула Ласточкина. — Не надо про мертвых.

— Отчего же? — язвительно поинтересовалась Глория. — Ведь к мертвому идем. Тематика подходящая.

— Тихо вы! — прикрикнула на них Пампушка. — Когда поднимемся на крышу, рты вообще на замок. Они шума боятся.

— Кто? — усмехнулась Глория.

— Ну... эти... — смутилась Пампушка. — Неживые.

— У тебя большой опыт по общению с ними? — не унималась Глория.

— Отстань, — отмахнулась Пампушка. — Это все знают. Посмотри любой ужастик.

— Ужастики — не мой конек, — сказала Глория. — Я больше классику люблю. И не смотреть, а читать.

— Однобокая ты, — пожалела Глорию Пампушка. — Тогда молчи и меня слушайся. Сама первая с ним не заговаривай. Если он о чем-нибудь спросит, отвечай, не бойся. И главное, не старайся его щупать — они этого не любят.

— Если она его живого не щупала, с какой стати она его неживого станет щупать? — озадаченно спросила Ласточкина.

— Нюся, — раздраженно проговорила Пампушка. — У тебя одни пошлости на уме. Ты тоже однобокая. Я говорила о том, что Глории, возможно, захочется проверить — настоящий он или нет. С помощью, как его... осязания. Так вот этого ни в коем случае делать не следует.

— А... — протянула Ласточкина. — А почему?

— Рассыплется и больше не появится. И черта с два мы что-нибудь узнаем.

— А что мы должны у него узнать? — никак не могла вникнуть в замысел Пампушки Ласточкина.

— Прежде всего, мы должны узнать, кто и за что его убил, — твердо сказала Пампушка. — Если это маньяк, и он находится среди нас, то нам всем следует делать ноги отсюда. Если же у Венички были какие-то проблемы с криминальными авторитетами, то мы сможем спать спокойно. Нас это, значит, никаким боком не касается. Поняла, Глория? Твоя задача выяснить именно это.

Глория с сомнением покачала головой.

— Даже если допустить, что вы его действительно видели и разговаривали с ним, даже если допустить, что он захочет со мной разговаривать, вряд ли он сможет сказать, кто его убил, — сказала она.

— Не поняла, — Пампушка, приоткрывшая было дверь на площадку, обернулась и застыла в оцепенении. — Почему не сможет сказать?

— Потому что он не видел, кто его убил, — сказала Глория.

— Не поняла, — повторила Пампушка.

— Ну, как же, — вздохнула Глория. — Он сидел спиной к дверям. Убийца вошел и выстрелил ему в затылок.

— Откуда ты знаешь? — Пампушка и вовсе оторопела.

— Ну пуля-то была в затылке, — терпеливо объяснила Глория. — Если бы он обернулся, пулевое отверстие было бы в другом месте.

— А говоришь, только классику читаешь, — сказала Ласточкина. — А рассуждаешь, как менты из сериала.

— Не смотрю я сериалов, — скривилась Глория. — Почти не смотрю... Это просто обыкновенная логика, Аня.

— Возможно, — упрямо проговорила Пампушка. — А откуда ты знаешь про пулю, то есть про отверстие? Тебя вроде там не было. А менты насчет этого не распространялись.

— Так Ежик сказал, — ответила Глория. — Он-то ведь видел, когда обнаружил... э... труп. И как Веня сидел, и рану кровавую.

— Ага! — торжествующе воскликнула Пампушка. — Ежик сказал! Его словам можно верить, если он туда случайно зашел и обнаружил уже труп, как утверждает. Но ведь менты его самого подозревают. А он вводит в заблуждение тебя.

— А зачем ему врать? — возразила Глория. — Даже если он и убил, что совершенно исключается, какая разница, куда угодила пуля?

— Ну... — Пампушка не нашлась с ответом. — Ну, все равно. Даже если Молочник никого не видел, он наверняка знает, кто хотел его убить.

— Вряд ли, — сказала Глория. — Ничто не указывало на то, что у него есть такие враги.

— Если он тебе этого не говорил при жизни, это не означает, что у него не было врагов, — сказала Пампушка. — Ладно, девчонки, еттитская сила с нами. Вперед! — и открыла дверь на крышу.

Глория поежилась, запахнула куртку и ступила на открытую площадку. И ахнула, забыв обо всем на свете. Ночное небо было сплошь усыпано звездами. Такое количество звезд она не видела, пожалуй, никогда. Хотя в Октябрьске ночи тоже звездные, особенно в августе.

— Какая красота! — не удержалась она от восклицания. — Ой, девочки, а ведь на звезды можно в телескоп посмотреть. Давайте, а?

— Нет, Лорка, ты все-таки ненормальная, — зашипела Пампушка. — Мы сюда не на звезды пришли любоваться.

Она встала на цыпочки и, жестами призывая приятельниц следовать за ней, направилась к дальнему углу площадки, где на высоком шесте вяло трепыхалось огромное полотнище с эмблемой шоу «Звездолет». Глория подумала, что грохот от шагов Пампушки мог, пожалуй, перебудить весь пансионат. «Надо же, — сказала она себе, — столько заниматься сценическим движением, подиумным шагом и прочими премудростями и ни на йоту не продвинуться. Впрочем, Алла Пугачева тоже безбожно косолапит. Но ей простительно. А Пампушке?»

Они подошли к будке, возле которой стояла небольшая скамеечка. Вокруг валялись обертки от чипсов и сухариков и несколько смятых банок из-под пива и джин-тоника. Пампушка плюхнулась на скамейку и предложила девушкам последовать ее примеру.

— Ну все, — довольно, но вместе с тем возбужденно произнесла она. — Теперь осталось только ждать.

— Надо было пива с собой взять, — спохватилась Ласточкина. — И сухариков.

— В прошлый раз вы тоже пиво пили? — тоном классной дамы поинтересовалась Глория.

— Нет, — ответила Ласточкина. — В прошлый раз мы как раз на звезды пришли полюбоваться. В телескоп. Но не дошли. Он как раз около него и появился.

Глория непроизвольно повернула голову в центр площадки, где стояла внушительная оптическая конструкция, вероятно, позаимствованная организаторами проекта из самой Пулковской обсерватории. Телескоп был визуальным брендом проекта, перед каждой передачей в эфире демонстрировали, как в телескоп глядел Барчук и иронично вглядывался в звездное небо. Якобы новую звезду искал. Даже Глории, неискушенной в тонкостях телевизионного искусства, было понятно, что с фантазией у сочинителей такой заставки было плоховато.

— И долго надо ждать? — недовольно спросила она.

— Прошлый раз он ровно в полночь появился, — произнесла драматическим шепотом Пампушка.

— Да-а? — Глория усмехнулась. — Ты настолько держала себя в руках, что сумела посмотреть на часы в момент появления привидения?

— Тише ты... не обзывай его! — испуганно проговорила Пампушка. — Ни на какие часы я не смотрела. У кого-то окно было открыто — «Европу-плюс» на полную мощь слушали. Там и сказали: на часах в студии полночь.

Глория взглянула на подаренные бабушкой часы.

— Без двух минут, — скептически возвестила она. — Ждать осталось всего ничего.

— Ага... — голос Пампушки внезапно сел, и Глория вдруг сразу поверила: уж что-то, но это точно не розыгрыш. Пампушка была невеликая актриса — так волнение не сыграешь. А Ласточкина — та и вовсе вцепилась когтями Глории в запястье. Странно, но их волнение постепенно стало передаваться и ей. Она во все глаза стала смотреть, нет, не на телескоп, а на его тень, ярко очерченную в свете лунного сияния.

Через несколько секунд она почувствовала, что от напряженного вглядывания у нее стало темнеть в глазах. А потом поняла, что это не у нее в глазах темнеет, а луна за облако уходит. Вернее, облако луну накрывает.

— Ой... — пискнула рядом Пампушка, а Ласточкина еще сильнее сжала запястье Глории.

И сразу же после этого «ой» по крыше загрохотали шаги...

«Речь шла о просьбе. В чем она?»

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2

Григорий Барчук в проекте участвовать не собирался. Ни за какие деньги. Он так и сказал генеральному продюсеру канала Демьяну Джиге: «Я в этот отстой даже за миллион баксов не пойду». Джига удивился несказанно. Обычно Барчук хватался за такого рода предложения за вполне скромные гонорары — любил он с молодыми дарованиями общаться, особенно с дарованиями женского пола.

— Че случилось, Гриш? — озабоченно спросил он. — Ты, часом, не захворал?

— Послушай, Дема! — с несвойственным ему пафосом проговорил Барчук, чем тоже, конечно, поразил Джигу. — Неужели ты не видишь, что все эти «звездные заводы» и «народные кумиры» — вчерашний день тиви? Тебе ли не знать, что рейтинги на самом деле у них нулевые, и только благодаря таким пройдохам, как ты, рекламодатели полагают, что эти передачи смотрят миллионы. Но, что бы там ни утверждали заинтересованные лица, идиотов, желающих посмотреть на себе подобных, у нас в стране все-таки значительно меньше. Поэтому я не вижу смысла перекупать у хозяев «Звездного завода» лицензию, которые ее только потому и продают, что понимают истинное положение вещей. Как говорят у нас в Хохляндии: «На тебе, небоже, что нам негоже».

— На тебе, боже... — неуверенно поправил Демьян.

— Та ни, — улыбнулся Барчук. — Ты заблуждаешься, как и основная масса народа, переделавшая поговорку на совершенно бессмысленный манер. «Небоже» — по-украински племянник. «На тебе, бедный племяш, что мы все равно выкидывать собираемся», — таков смысл поговорочки. В русском варианте это звучит попроще: «Лучше в вас, чем в таз». А предлагать Богу, что нам не нужно, такого кощунства ни одна поговорка не допустит.

— А... — протянул Демьян, ошарашенный и просветительским напором Барчука, и его негативным отношением к выгодному, в общем-то, проекту. — И... чего?...

— Ничаво, — улыбнулся Григорий. — Запретить тебе делать покупку я не могу — не моего актерского ума это дело. Но участвовать в заведомо провальном предприятии не хочу. Даже у проституток есть свой кодекс чести. Актеры, конечно, тоже в какой-то мере проститутки. Но почему ты думаешь, что я готов опуститься ниже принципов этих милых девочек?

— Ну ты, Гриша, даешь, — Джига покачал головой. — С тобой определенно что-то не того... Наверное, съел что-нибудь. Хотя... Ты можешь позволить себе повыпендриваться. А что прикажешь делать мне, бедному продюсеру, целиком зависящему от массы факторов, в том числе и оттого, в духе сегодня Гриша Барчук или нет? Да будет тебе известно, я покупаю проект под тебя. Ты его вытянешь. И смотреть нашу программу будут миллионы. И вовсе не идиотов, как ты говоришь. «Звездный завод» — дерьмо. А мы сделаем конфетку. Я покупаю лицензию с правом вносить в проект поправки. Первая поправка — это ты: умный, ироничный интеллектуал с настоящим мужским началом и безупречным вкусом, в которого влюблено все женское население нашей необъятной родины.

— Я на лесть не клюю, — быстро вставил свое слово Барчук.

— Все клюют, — отмахнулся Джига и продолжал: — Вторая поправка — снимаем под

Петербургом силами питерского филиала. Там ребята не такие раскормленные, а посему мозги жиром у них не заплыли. Одним словом, творческие натуры. Одна Марфинька Король чего стоит. Баба — зверь, новые фишки продуцирует со скоростью десять штук в секунду. Я ее в Москву звал, она отказалась — и хорошо. У нас она испортилась бы. Увидела бы, что ее идеи здесь никому не нужны и превратилась бы в очередную самодовольную телематрону. А в так называемой северной столице фишки рожать еще почему-то считается хорошим профессиональным тоном. Хотя за них и не платит никто. Так вот — все остальные поправки предложила она. Уже по существу. Поверь, Гриша, шоу будет что надо!

— Ты хочешь снимать эту лабуду в провинции? — смешно сморщил нос Барчук. — Это не я, это ты чего-то съел. Рейтинг будет не просто нулевым, он в минус пойдет. А через несколько месяцев после провала никто и не вспомнит, кто такой Дема Джига. Хочешь завязать с карьерой, так и скажи. На покой захотелось, газоны выращивать и кабачки с капустой? Что же... Ты можешь себе это позволить, бедный продюсер.

Дема Джига тоже сморщил нос и с любовью посмотрел на лучшего друга, однокашника, однокурника, коллегу Гришку Барчука. Дети известных родителей-режиссеров великой советской эпохи, они вместе учились сначала в одной из элитных московских школ, затем во ВГИКе, затем вместе осваивали новое искусство клип-мейкерства. Затем профессиональные пути их разошлись — Дема обнаружил в себе талант делать деньги из денег на уровне шоу-бизнеса, Гриша потерял интерес к режиссуре, но стал активно сниматься сам, однако мальчишеская дружба не ослабла. Дема в любом проекте не обходился без Барчука, а Григорий со своими родственными и прочими связями выводил Дему на нужных людей, чтобы бизнес друга не хирел. В общем, они прекрасно понимали друг друга.

— Кабачки, капуста... — мечтательно протянул Джига. — Да, об этом стоит подумать. У матери на ферме, знаешь, какие кабачки зреют? На заднем сиденье «Навигатора» не помещаются. Баба влежку помещается, а кабачок нет. Прикинь, а?

— Прикидываю, — Барчук сделал вид, что задумался. Знал, что задумчивый вид ему чрезвычайно шел. — Там неподалеку атомной станции не наблюдается? Или какого-нибудь уранового заводика?

— Не наблюдается! — недовольно фыркнул Демьян. — Зато там неподалеку наблюдается поле, где совхозные коровки пасутся. Навозу куча. А матушка не ленится свои грядки обильно удобрять натуральным продуктом.

— Навоз — это сила, — согласился Барчук. — Мне дед в детстве, когда я у него летом на выпасе обитался, об этом все уши прожужжал. Знаешь, че говорил? Нашу родину хрен кто завоюет, пока у нее навозу в достатке. Не нефти, заметь, не леса, а навозу. Может, он прав был?

— Возможно, — бодро кивнул Джига, делая вид, что согласен с мнением Гришиного дедушки. — Вполне возможно. Мир спасет красота, любовь и навоз. Да, так. Точно. Зря экологи еще программу навозную не продвигают. Очень зря. Надо бы заняться на досуге.

— Займись, — усмехнулся Барчук. — Это беспроектная перспектива. Не то, что твои «звездные войны».

Демьян помрачнел, но понял, что именно сейчас Гришку можно будет взять тепленьким. Уж если он о навозе столь мечтательным тоном заговорил, то дело, кажется, сдвинулось. Дружба, воспоминания, патриотические мотивы всегда действовали на Барчука чудодейственно... и в пользу бизнеса Джиги.

— Гриш, ради друга, а? — моляще проговорил он. — Ради спасения мира и процветания

родины. Ну не хочешь такими категориями мыслить, не надо — иначе скажу: ради спасения и процветания твоего друга Демы Джиги.

— Ради спасения родины и Демы навоз кидать? — рассмеялся Григорий. — А что, не обижайся, твой проект — чистый навоз. Черт его знает, глядишь, чего и вырастет. Ладно, я еще, может, подумаю. Но учти — раньше июня я ни к чему подключаться не смогу. «Антибаба-2» пошла в производство. Съёмки каждый день, очень плотный график...

— Антибаба? — хохотнул Джига. — Это вы так «Неженские дела» переиначили? Оригинально... За гонорар не беспокойся. По ведомости плачу твою обычную таксу. Но! Прибыль с проекта делим по-братски. У меня еще один партнер имеется, так что, примерно третья часть — твоя.

— И долги тоже делим на троих? — поднял брови Барчук.

— Обижаешь! — воскликнул Демьян. — Во-первых, сплюнь, долгов не будет. А во-вторых, не дай бог, но минус я на тебя никогда не повешу. Сегодня же командировку в Питер тебе оформлю, чтобы ты с Марфой Король познакомился. Она в проекте и главный продюсер, и сценарист, и тренерша по актерскому мастерству. В общем, баба — на все руки от скуки.

— Проблемы с мужчинами? — насторожился Барчук.

— Пряма! — расхохотался Демьян. — Эта милая женщина не пропускает ничего, что хоть что-то напоминает мужскую особь. Знаешь, как она с мужчинами здоровается? Ладно, потом узнаешь, когда познакомишься. Кроме того, у нее супруг имеется. Правда, на взгляд многих, хлипковат он для такой красавицы. Зато, говорят, неплохой поэт. Может, именно этим и сердце ее завоевал когда-то. Кстати, естественно, все тексты для проекта — его творение. Это еще одна из поправок. Песенки пишет клевые, честное слово! Таких текстовок поискать! Да ты слышал, наверное, их Зон поет, Агутин с Почему^[1].

— На одних текстовках не вылезешь, — проворчал Барчук, но, заинтригованный, назавтра отправился в Питер. Очень ему стало интересно, как Марфа Король с мужчинами здоровается. Ну, и не только это его интересовало, конечно. Еще он хотел выяснить, действительно ли с этой особой можно кашу хорошую сварить, или Дема ее попусту нахваливает.

При встрече Марфа поздоровалась довольно-таки заурядно, «по-товарищески» — потрясла Григория за кисть. Правда, черти в ее глазах плясали, что Барчуку весьма понравилось. Он вообще обожал таких женщин — с чертями. Но и потом, когда они сблизилась настолько, насколько могут сблизиться мужчина и женщина, она здоровалась, как все нормальные люди — Дема, как всегда, немного приукрасил действительность. Первая их беседа прошла в крошечной кафешке на Васильевском острове, где варили настоящий кофе и барменши были вежливы и слегка печальны. За что Барчук и любил Питер, так за это — за кафешки, в которых можно заказать только кофе, и никто не посмотрит на тебя, как на идиота, за вежливость и легкую грусть обслуживающего персонала. В Москве ничего такого и в помине нет — настоящего кофе без нагрузки выпить совершенно негде.

Марфа Король поразила его воображение сразу и бесповоротно. Вообще-то Григорию не требовалось ни повода, ни усилий, чтобы увлечься женщиной. С юношеских лет он понял одну простую истину: в жизни нет ничего более привлекательного, чем прекрасные создания из разряда слабой половины человечества. С опытом пришло понимание: не бывает неинтересных, непривлекательных женщин, в каждой можно найти ту неповторимую

изюминку, благодаря которой сердце начинает биться в учащенном ритме, плечи распрямляются, интеллектуальные способности мобилизуются, чувство юмора активизируется. И, может быть, именно по этой причине семейная жизнь Гриши никак не желала складываться. Он был женат несколько раз, и каждый раз думал, что нашел ту единственную и неповторимую, ту, с которой проживет долго и счастливо, а возможно, и умрет с ней в один день, но оказывалось, что счастливой «находкой» дело ограничиться никак не могло. На горизонте судьбы появлялись все новые и новые прекрасные особы, и пройти мимо ему не представлялось возможным. «Единственные» злились, закатывали скандалы, делили имущество и счета в банках. Но Барчук не мог ничего с собой поделаться. Зачастую он терял последние средства, но смириться с правилами современной европейской этики, проповедующей моногамность, никак не мог. В итоге пятеро сыновей Григория, старшему из которых шел двадцатый, младшему — третий, росли и воспитывались в униженном статусе «безотцовщины» или «пасынковщины», хотя нужды не знали, а бывшие жены с удовольствием давали интервью корреспондентам газет-сплетниц — «Московского комсомольца» и «Комсомольской правды» — о том, как любил их Гриша (в самых ярких интимных подробностях) и о том, как он потом их бросал (в лучших традициях программ «Большая терка» и «Ваш семейный консультант»). После четвертого развода Григорий Барчук понял еще одну простую истину: если любишь всех женщин сразу, не торопись связывать себя узами Гименея. Но для осознания этого простого правила требовалось прожить на свете сорок лет.

Первых секунд общения с Марфой оказалось достаточно, чтобы в очередной раз потерять рассудок. Не требовалось ни часов, ни минут, чтобы отыскать в ней изюминку. Она была сплошной изюм. Барчук про себя так ее и обозвал сразу: «булочка с изюмом». Пусть не очень изящное определение. Но для Григория оно было верхом похвалы. Огромные кошачьи глаза Марфы то сверкали обжигающим огнем, то обволакивали собеседника ласковым теплом, то стреляли в упор, сродни тонкому лазерному лучу. Чувственные, слегка полноватые губы манили, насмехались, давали надежду. Изящная пластика пантеры говорила об уверенности и властности. А манера держать голову чуть на бок — об интересе к жизни и, возможно, об умении уступать и подчиняться в некоторых ситуациях. Низкий грудной голос завораживал и пробуждал одновременно. И разговаривать с ней было интересно. Она была умна, обладала изрядным чувством юмора, умела слушать и умела убеждать. Она оказалась не только приятной во всех отношениях женщиной, но и потрясающей профессионалкой, причем, совершенно не испорченной конъюнктурными заморочками телебизнеса. А профессионалов Барчук ценил высоко. Независимо от пола.

— И в чем твое ноу-хау? — поинтересовался Барчук после необязательного, светского трепя, после того, как понял, что пропал в омуте темно-зеленых глаз, и после третьей чашки кофе, когда она сообщила, что их проект будет сильно отличаться от себе подобных.

— Никакого ноу-хау, Григорий, — усмехнулась она и непринужденно потянулась. — Я вообще ничего не придумываю, только Джиге об этом не нужно говорить. Все старо, как мир. Или как любили говорить раньше: все новое — это хорошо забытое старое. Сейчас это выражение не модно, потому что за «новое» иногда платят. А если новое — это старое, то за что платить?

— И что нового ты придумала из старого? — ухмыльнулся Барчук, изо всех сил стараясь скрыть, что любит ее. — Ты пойми, я любопытствую не праздно, мне решать надо — участвовать в вашей бодяге или нет.

— Я понимаю, — серьезно ответила она. — Но участвовать ты в проекте будешь, чего бы мне это ни стоило. Я Демьяну так и сказала: «Не будет Барчука, не будет программы. Или будет, но без моего участия». Удивительно, но не было случая, чтобы он не пошел мне навстречу. Так и на этот раз.

— Значитца, это твоих рук дело... — протянул Барчук, прилежно изображая невозмутимость, но внутри у него все перевернулось. Оказывается, его выбрала она, а вовсе не Демьян, и выбрала заранее. Но требовалось держать марку, и он сказал: — Я в курсе, что многие леди от меня без ума. Неужели и ты из их числа?

— Ага, — усмехнулась Марфа. — Как-то увидела тебя в телевизоре и подумала: как так, такой мужик и еще не в моей коллекции. Не хочу тебя обижать, но я тебя на экране совсем недавно обнаружила. Ну, слышала, конечно, что есть такой Гриша Барчук — сын великого Барчука. Но встречаться нам не приходилось. А то давно познакомилась бы.

— Да я, в общем, и не так давно на экране, — слукавил Барчук, почему-то не обидевшись на Марфу ни за «сына», ни за то, что она его недавно на экране увидела, хотя мелькал он и в кино, и на телевидении с двенадцатилетнего возраста. — А большая у тебя коллекция?

— Не очень, — вздохнула она, вроде бы грустно, но в глазах заплясали черти.

Барчук приосанился и совершенно позабыл, что в отношениях с женским полом привык быть первым и единственным.

— Ты сделала правильный выбор, — гордо сказал он. — Только слово «коллекция» повергает меня в недоумение. Оно что значит? Ты мужиков, как бабочек, на булавку накалываешь? Или, как жеребцов, в стойле держишь, а потом выбираешь, на ком кататься?

— В стойле не держу — хлопотно и накладно, на ком кататься, выбираю, — улыбнулась Марфа, обжигая Барчука пронзительным взглядом. — А на самом деле про коллекцию не я придумала. Это все твой Джига. Ему очень нравится распространять про меня всякие экстравагантные нелепицы. Вплоть до того, что у меня чуть ли не мужской гарем. Это при живом-то муже. А ведь честно говоря, мне даже гостей принимать некогда. Ты мне не для коллекции нужен, Григорий. Хотя врать не буду — ты мне нравишься. Но если говорить о деле, я уверена, что с твоим участием проект серьезно выиграет. Я уже вижу тебя в кадре, знаю, какие комментарии ты будешь давать в эфире. Твою обычную пошловато-развязную манеру, которую до сих пор так любили эксплуатировать, мы уберем. Ты ведь умный и интеллигентный человек. Вот и проявишь себя таким, каков ты есть.

— А... — Барчук хотел придать своему лицу независимый вид, но понял, что это у него получилось плохо. Ни с того, ни с сего оробел Гриша, почувствовал себя бабочкой, наколотой на булавку, а вовсе не жеребцом элитных кровей, коим до сих пор себя считал. — А... Давай тогда поговорим про дело. Я как профи должен знать, в чем будет фишка твоего шоу. Ну, кроме меня, конечно, — умного и интеллигентного.

— Кроме тебя, три фишки, — выпалила она с готовностью и непостижимым образом превратилась из властной, обворожительной особы в девочку-отличницу, которая рада случаю ответить на трудный вопрос учителя. Потом такие резкие метаморфозы поражали Григория несказанно. — Три кита, на которых мир стоит. И искусство. В том числе, и телевизионное. Любовь, борьба, творчество.

— Мгм... — Барчук сделал умное лицо. — Ну да, ну да, конечно. Но хотелось бы знать о конкретном воплощении этих фундаментальных категорий.

— Знаешь, я училась телевизионному делу у старых волков, — сказала она слегка

мечтательно. — У тех, кто только начинал делать питерское телевидение. Они так нам говорили: телевидение отличается от прочих искусств тем, что позволяет видеть человека близко-близко, на телеэкране становятся видны малейшие нюансы человеческого поведения, которые не может описать литература, которые не увидишь на киноленте или художественном полотне. В телевизоре мы можем увидеть любовь или ненависть во всех подробностях и открыть для себя неведомый нам доселе мир человеческой души. И только это интересно. Но мы должны показывать человека с любовью, а не равнодушно фиксируя тот или иной душевный жест. Даже когда мы снимаем страдание, мы должны любить страдающего. Чтобы зритель его тоже полюбил. Это первая, как ты выражаешься, фишка. Вторая фишка — борьба, драма. Они рожают действие. Иначе никакого интереса у зрителя не появится. Борьба бывает разная. Борьба за что-то, борьба с самим собой, борьба между моралью и желанием, ну и прочее. Это мы тоже должны показать подробно, в красках. А третья фишка — мы должны создать такие условия на съемках, чтобы и у участников программы, и у создателей, и у зрителей возникло искреннее желание творить. Потому что способность творить отличает человека от прочих тварей земных. Я тебе сейчас излагаю банальные истины, но у наших предшественников, которые продают нам права, ничего такого и в помине нет. Им вообще неинтересны люди, которых они снимают. От этого впечатление полного пофигизма и халтуры. А если тем, кто снимает, пофигу, то и зрителю в итоге тоже пофигу. Он тогда рекламу с большим интересом начинает смотреть, чем сам телевизионный продукт. Иногда я думаю, может быть, многие мои коллеги состоят в заговоре с рекламщиками? Делают полное фуфло, чтобы на его фоне реклама произведением искусства казалась?

— Ты очень умная, Марфа, — серьезно сказал Барчук. — По поводу рекламщиков здорово придумала. Но ты все-таки ушла от ответа. Я просил совсем конкретику — кто, когда, в каком месте и что.

Марфа доброжелательно, безо всяких подтекстов, торжества и пронзительных взглядов, улыбнулась, извлекла из своего дипломата папку и протянула Григорию.

— Здесь все изложено, — сказала она. — Подробно: как должны проходить занятия, в какие ситуации мы ставим участников, и какие роли они должны исполнять.

— Роли? — переспросил Барчук.

— Конечно. Хороший спектакль не может обойтись без традиционных персонажей: героя, героини, злодея, сиротки... Впрочем, зачем я тебе это объясняю? Ты ведь и сам режиссер.

— Так... — пробормотал Барчук, перелистывая страницы в папке. — Пьесу, я смотрю, ты написала прямо шекспировскую. Тут и борьба титанов, и интриги мелких злодеек, и страдания юной Золушки. Но насчет ролей я что-то не улавливаю, прости за тупость. Злодея и сиротку мы на кастинге будем выискивать? Или ты им слова раздашь и поступки заставишь ролевые совершать по сценарию?

— Узнаю грубый московский подход, — хмыкнула Марфа. — Учти на будущее — тугодумов не терплю и глупость не прощаю. А если не то и не другое? Пошевели мозгами.

Барчук мозгами старательно пошевелил. Очень не хотелось в глазах Марфы упасть.

— Есть третий вариант, — не без самодовольства проговорил он. — Психологическая обработка. Или, упаси Боже, кодирование. Но ведь это возни сколько. И кто будет этим заниматься?

— Зато и результат будет, — с жаром произнесла Марфа, не отвергнув слова Григория о

кодировании. — А заниматься этим буду я сама. Лично. Я Демьяна предупредила, чтобы со сроками он меня не гнал.

— И он, как всегда, пошел тебе навстречу, — усмехнулся Григорий.

— А куда ему деваться? — улыбнулась Марфа, а ее глаза сверкнули хищным блеском.

Тогда Григорий подумал, что если она имеет власть над самим Демой Джигой, то ему, Грише, в отношениях с этой женщиной, если и уготована какая-то роль, то роль мальчика на побегушках, эдакого мальчика-с-пальчика. И внутри у Барчука все взбунтовалось. «Ну нет, миледи, плясать под вашу дудку мы не будем», — подумал он, окончательного ответа об участии в проекте не дал, уехал в Москву, потом — на съемки, и постоянно увиливал от подписания контракта, который Джига посылал ему с курьерами, а потом стал привозить лично. Но о Марфе он думал все больше и больше, понимая, что долго «держат характер» не сможет. Во время очередного визита к Григорию Демьян взъярился.

— Послушай, Гриша, что тебя не устраивает в этой работе? Денег мало? Так я тебе уже говорил о доле. Она, как ты понимаешь, не маленькая — будет на что отпрыскам новые машинки покупать. Компания не устраивает? Так ведь самая лучшая компания на канале этим заниматься будет. У меня даже в Москве таких профессионалов нету. Чего тебе надобно, старче?

— Некогда мне, — в очередной раз «заупрямился» Барчук. — И неинтересно.

— Черт возьми! — закричал Джига. — Ты что, с Марфой Король во взглядах на жизнь не сошелся? Какого рожна тебе надо? Чего ты хочешь?

— Ничего не хочу, — упрямо проговорил Григорий, и Демьян хлопнул дверью.

А вскоре после этого разговора в его московской квартире появилась Марфа. Она вошла в его дом мягкой походкой, заглянула ему в глаза покорным, умоляющим и зовущим взором, и... Григорий, очертя голову, провалился в омут. Хотя тогда ему еще продолжало казаться, что он сможет подчинить ее себе. Сможет сохранить ту позицию, которая присуща мужчине по отношению к женщине. И сдался. Подписал контракт на следующий же день. А Марфа... Ах, какая она была разная — Марфа! «Я не люблю своего мужа, — говорила она. — И он давно меня не любит. Мы давно живем отдельной друг от друга жизнью», — говорила она. Но Гриша видел, как она смотрела на своего супруга. В этих взглядах была любовь, которую ни с чем не перепутаешь. На Барчука она так не смотрела. Робость, покорность, мольба, которые она иногда демонстрировала перед ним — все это было не более, чем игрой в ее спектакле, где она была и автором, и режиссером, и исполнительницей главной роли. Остальным были уготованы роли статистов. В том числе и Григорию. Он понял это, но изменить ничего уже не мог. Он пропадал, если не видел ее больше двух часов, а если она вдруг сообщала, что намеревается провести ночь «по ее прямому назначению», то есть — выспаться в одиночестве, он умирал. Почти буквально — с сердечными каплями, транквилизаторами и снотворными. Он пытался призвать на помощь здравый смысл и вспомнить свои прежние принципы: в отношениях с женщинами — легкость, легкость и еще раз легкость. Но с Марфой легких отношений не получалось. На данном этапе жизни она стала для него «единственной». Околдовала, как ведьмачка какая-то.

За два месяца общения с ней Гриша Барчук измучился несказанно, похудел, посерел, приобрел синдром депрессивного психоза. Всерьез подумывал о «лекарстве от любви», поглядывая на молоденьких «звездочек». Но пойти на разрыв не хватало сил. А после гибели Вениамина Молочника — супруга Марфы — он и вовсе запутался. Последние дни показали, что Марфу не могут выбить из колеи самые страшные события и потери. Это было классно.

Достоинство уважения или восхищения. И страшно одновременно.

За свои сорок лет Григорий повидал многих друзей и приятелей, потерявших близких. По-разному они переживали свое горе. Кто-то плакал неделями, кто-то сдерживал слезы, но чернел и худел в мгновение ока. У кого-то явно съезжала крыша. Кто-то замыкался. Кто-то шел в загул. Но чувства этих несчастных, как бы тщательно они их ни скрывали, как говорят некоторые грамотеи, *имели место быть!* А вот насчет скорбных чувств Марфы Король Барчук серьезно сомневался. Когда она узнала, что ее любимого супруга нашли в его кабинете с простреленной головой, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она даже не изменила направления движения: как шла куда-то, кажется, в монтажку, так и продолжала идти. Он, было, подумал, что это просто шок. Но и потом ничто не говорило о том, что она хоть как-то переживает случившееся. Более того, она запустила «криминальный сюжет» в эфир — с подробными комментариями сотрудников правоохранительных органов и участников проекта. А ведь Веня Молочник ей, действительно, был очень дорог, и любила она его по-настоящему — это было видно невооруженным глазом. И при этом ничто не дрогнуло у нее не только на лице в момент известия, но и в душе — это Григорий тоже видел. «Непостижимая женщина, — думал он. — Многие умеют прятать свои чувства. Но так, как она — это что-то из ряда вон выходящее... Может быть, у нее вообще отсутствует душа? Но это не так. Душа у нее есть, и есть в этой душе место нежности. Может быть, она искренне исповедует философию стоиков? Или кто там говорил, что смерти не нужно бояться, потому что, когда она приходит, нас уже нет? Эпикурейцы? Допустим, она не расстраивается от утраты, думая, что ее Веничка попал в рай и ему там хорошо. Но использовать смерть любимого для дальнейшего развития сюжета спектакля? Ведь это уже кощунство, этого ни один из существующих богов не простит. Или она ни во что и ни в кого не верит, а только в себя? Непостижимо...»

Так рассуждал Барчук, спускаясь к заливу по освещенной лунным светом гравиевой дорожке. Он собирался немного прогуляться, чтобы хоть немного снять напряжение от дневных праведных трудов и мучительных душевных переживаний, а если вода окажется теплой, то и порадовать тело ласками ленивых волн. «Море», как называла Финский залив одна из участниц шоу, было спокойным, и волны, действительно, были ленивы, лишь изредка небрежно накатывая на песчаную отмель. Где-то неподалеку раздавались бодрые визги и всплески — несмотря на поздний час, народ веселился и купался. «Это не наши, — помрачнел Барчук. — Это где-то за сеткой. Наши попрятались по комнатам, заперлись на все замки и почему-то дрожат за свои шкурки. Но почему, собственно? Да, убийство, совершенное рядом, угнетает, навеивает отнюдь не радостные мысли. Но почему-то все тридцать участников, оставшихся к финалу, уверены, что теперь убийца примется за них. На каком-таком основании, хотелось бы знать?! Кто их так напугал? Неужели Марфа? Но зачем? Испуганные лица на экране — не лучшая фишка для веселого шоу. Завтра же проведу воспитательную беседу. Накручу им хвостов под завязку. Да и с Марфинькой следует поговорить. Не стоит вводить криминальные элементы в развлекательное искусство. У зрителя крыша съедет от смещения жанров».

Он скинул пляжные шлепки, слегка побродил босиком по воде, убедился, что температура ее выше всяких ожиданий, и принялся уже было разоблачаться, когда над головой загрохотало. «Кажется, дождик собирается, — пробурчал Барчук себе под нос. — Но окунуться хочется. Ничего, летний дождь для здоровья не опасен». Но тут снова грохнуло — громче прежнего, и тотчас же за этим раздался истошный женский крик. Было в этом крике

столько ужаса, что Григорий выскочил из воды и заозирался, пытаясь понять, откуда он исходит. Крик повторился — Барчуку показалось, что кричат где-то в районе пансионата. Он кинул взгляд на надоевшее до одури здание скучной архитектуры и оцепенел. Над крышей, где они снимали многие кадры шоу, где снимался он сам (глядящий в телескоп — и кому только в голову пришло, неужели Марфе?!) сияло яркое розовое пятно непонятной природы, и в этом розовом сиянии извивались огромные тени каких-то фантастических существ. Крик доносился явно оттуда. Григорий не помнил, чтобы сегодняшней ночью намечались какие-то съемки. «Но чем черт не шутит, — стал успокаивать он себя. — Возможно, одному из режиссеров пришла в голову очередная гениальная идея. Только зачем заставлять актеров так истошно орать? И так идея Марфы сообщить зрителям об убийстве поэта привнесла в программу мрачные мотивы. А теперь еще и ужастик намечается, что ли?» Но додумать свою мысль он не успел. Розовое пятно увеличилось в размерах, тень, похожая на человеческую, рванулась ввысь, снова раздался крик, а затем Барчук ясно увидел, что на краю крыши стоит какой-то человек, раскинув руки, а затем... А затем человек сделал шаг и стал медленно падать с высоты... Забыв про пляжные тапки, Григорий рванулся к пансионату...

«Как это все могло произойти?»

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2

Когда Григорий думал, что все участники проекта «Звездолет» после убийства поэта Вени Молочника дрожат от страха за свою жизнь и ближе к ночи запираются на все замки, он был неправ. Сережа Петров, он же Ежик, не дрожал и не запирался. Он не понимал панического настроения, охватившего, за редким исключением, всех ребят. Смерть поэта потрясла его не меньше, а может быть, и больше остальных, но он был твердо уверен, что ничто никому не грозит. Это ему грозит. Но не насильственная смерть, а статья уголовного кодекса. И надо было ему обнаружить мертвого Молочника первым! Ладно бы обнаружить, так ведь он сдуру признался в этом следователю. А тот в него и вцепился. Как в самого реального подозреваемого. «Ага, Сергей Иванович, а зачем вы к убитому приходили? А отпечатки-то пальчиков на пистолете, найденном на месте преступления, ваши! Как вы это можете объяснить?» Как-как... Дуростью своей он может объяснить отпечатки! И ведь как будто никогда сериалов не смотрел и классических детективов не читал. И смотрел, и читал. А за пистолет схватился. Затмение, что ли, на него нашло? Вместо того чтобы подумать и ноги поскорее сделать, ему захотелось узнать, сколько такая изящная пушка, валявшаяся на ковре неподалеку от убитого, может весить. Исследователь чертов. Вот теперь и объясняй в следственном изоляторе. Нет, до следственного изолятора дело не дошло, Марфа Король грудью встала на защиту Ежика — ограничились подпиской о невыезде. Но ведь это до поры, пока съемки не закончатся. А закончатся, забудет про него Марфа, и поедет Сергуня-Ежик лес валить и песнями своими блатных убаживать. И компьютерные игрушки начальникам на зоне ставить. Следователь именно так Сережкину перспективу и определил. «Ничего, — говорит, — не пропадешь. Певцы и компьютерщики на зоне в цене и в относительном авторитете. Ты, главное, ни сейчас, ни на суде особо не запирайся, чтобы срок тебе по минимуму установили. Закон, конечно, для всех един, но судьи тоже люди. Упертые да нераскаившиеся их очень раздражают. А раздраженный судья всегда какую-нибудь дополнительную статью в деле углядит. Да и следователь, знаешь, тоже человек. Может семь листков бумаги на постановление истратить. Может и двадцать семь, если руки чешутся... работы просят. А может всего пару-тройку, когда настроение хорошее, и душа в парк культуры и отдыха стремится, на травку».

В общем, все прямым текстом объяснил. Но ведь не убивал Сережка. Не в чем ему каяться и признаваться. А следователь на побережье зачастил. Подозревал Ежик, что не служебным рвением частота его визитов объясняется. А внезапно открывшейся возможностью на творческую телевизионную кухню поглазеть. Служитель закона уже и у Барчука успел автограф выклянчить, и с визажисткой Ангелиной подружиться, и со многими девчонками по пляжу под ручку прогуляться, и у Марфы Король поинтересоваться, не нужны ли в ее шоу толковые юристы. Ушлый следователь и искусством интересующийся. А последние три дня он на беду Сергея и вовсе в пансионате поселился. Мол, так ему удобнее следствие вести. Администратору ничего не оставалось, как номер ему выделить. И теперь, как только заканчиваются репетиции и съемки, он Сергея на допрос вызывает. Или сам к нему заявляется. И ведь все ему Сережа уже рассказал. Так нет же, следователь по новому

кругу начинает спрашивать. А что он может нового поведать? Ничего. Потому что поведал все, что мог и как на духу.

Время близилось к полуночи, и Сергей облегченно перевел дух — сегодня следователь Игорь Николаевич Мушкин про него явно забыл. Или занялся другими версиями, помечтал Ежик. «Помечтал», потому что других версий у Мушкина в принципе не имелось. Хотя должны были бы. Если он следователь, а не с крыши уроненный придурок. Даже у Сережки они имелись, а ведь он следственному делу не обучался. Вот взять хотя бы мотив преступления. По какой причине могли убить Веню Молочника? Игорь Николаевич уверен: мотив — ревность Сережи-Ежика. Мол, Сережа влюблен в Глорию Кошелкину, а та с Молочником очень часто в его кабинете уединялась. Вот Ежик и не выдержал, решил конкурента устранить. Чушь и больше ничего! Во-первых, если бы между Молочником и Глорией что-то было, а Сережке это не нравилось бы, решать проблему конкуренции с помощью отстрела глупо. От того, что твой удачливый соперник помрет, девушка к тебе на шею не бросится. Сердцу не прикажешь, любимого она и мертвого будет любить, а нелюбимых живых все равно за версту будет обходить. Правда, Мушкин утверждает, что никаких-таких рассуждений в голове у Сергея не было, а было сплошное состояние аффекта — злился он на соперника, со зла, мол, и выстрелил. «А пистолет? — возражал Сережа. — По вашему выходит, что я его все время с собой таскал, а в определенный момент вошел в состояние аффекта, а пистолет-то и пригодился. Нет, если бы я на Веню разозлился сильно, я бы его стулом ударил. Или монитором компьютерным. А скорее всего, компьютер расколотил бы вдребезги, а его бы не тронул. Вы представляете, что значит хорошую машину расколотить? Это же хуже смерти! А машина у Вени была хорошая». Но Мушкин своих позиций сдавать никак не хотел. Хотя Сережа подумал на досуге и решил: если он так на любовь и ревность напирает, то почему он не подозревает Марфу Король? Только потому, что она главный продюсер, а Сережа Петров — никто и звать никак? Ведь Марфе тоже могли не нравиться встречи супруга с Кошелкиной, и захоти она, могла бы пристрелить обоих. И никак не объяснить следователю, что и он, Сережка, и Марфа прекрасно знали, что у Вени с Глорией чисто духовный контакт на почве поэзии, и ревновать к этому глупо и уж тем более глупо убивать за это.

Несмотря на поздний час и категорический приказ организаторов шоу соблюдать режим, укладываться в постель Сергей не торопился. Не хотелось ему спать, да и не привык он в такое время ложиться. Дома ночи напролет сидел за компьютером, осваивал новые программы, пытался создавать свои. Но сейчас и за компьютер не хотелось садиться, хотя машина, установленная в его номере, как и в номерах всех участников проекта, была выше всяких похвал. На ней многие шутки можно было пробовать — дома оставалось об этом только мечтать. Тем не менее, не тянуло Ежика за компьютер. Тянуло совсем в другое место. Где его, скорее всего, совсем не ждали. Помаявшись и бесцельно побродив по номеру, он все-таки решился на визит к Глории. «Ну и что, что может послать? — сказал он себе. — Приду и скажу, что в нотах запутался. Не понимаю, как новую песню в соль-мажоре петь. Когда помощь требуется, Глория о личном забывает. И сейчас забудет, что меня гнать следует. И все. И больше ничего не надо. Посмотрю на нее, поболтаем... и хорошо...»

Ежик тоскливо вздохнул. Несмотря на нештучную проблему, свалившуюся на него в виде представителя ордена Фемиды, главной проблемой оставалась все-таки неразделенная любовь к бывшей однокласснице. О сколько мыслей передумано, сколько книг по психологии любви прочитано, сколько устных консультаций от друзей-приятелей получено!

Вся история человечества, вся теория и практика амурных отношений говорили о том, что сердца любимой добиться можно, даже если поначалу она не обращает на тебя никакого внимания. Но теория и чужая практика — это одно, а вот собственная история любви — совсем другое. Сколько бы ни размышлял Сергей о том, как завоевать благосклонность любимой девушки, ничего толкового придумать не мог. Он искренне не понимал, как это получается у других. Многие участники шоу сблизились друг с другом. Пара ничего не значащих фраз, шутка, подколка, анекдот — глядишь, уже в обнимку ходят, а то и в одном номере ночуют. А ему не то, что анекдоты не помогали — ни дорогие цветы, ни нежные письма, которыми он одно время забрасывал Глорию, ни готовность быть ей полезным в любую минуту, ни преданный, влюбленный взгляд. Нет, она никогда грубо не отталкивала его, но всем видом давала понять, что, кроме дружеских отношений, у них никогда ничего не будет. «Если бы она была в кого-то влюблена, я мог бы разгадать, что ей нужно в любви, — иногда в минуты отчаяния думал он. — А так совершенно непонятно, в каком направлении нужно двигаться, чтобы хоть немного приблизиться к ее идеалу мужчины». Но такие мысли его посещали редко. В остальное время он был благодарен небесам, что Глория еще ни в кого не влюбилась, а стало быть, у него оставалась надежда.

Он немного подумал о том, в чем следует наносить визиты бывшим одноклассникам в поздний час, и остановился на спортивном костюме. Строгий прикид не годился, ибо сразу вызвал бы вопрос, чего ради он так вырядился. Бродить же по коридорам пансионата в халате и домашних тапочках, как это делали многие, Сергею казалось верхом неприличия. Смотреть на своих коллег по шоу в таком виде, было, откровенно говоря, противно. Вот Глория никогда не ходила в халате, во всяком случае, даже забредая в неурочный час к ней «за чаем», «за сахаром» и по разным другим поводам, он никогда не заставал ее «разобранной», как выражались у них дома про халат и тапочки.

Он вышел из номера и сразу повеселел от предвкушения встречи. Пусть она ему и не сулила ничего, все равно увидеть лишний раз любимую — счастье. Ежик понимал это и ценил счастливые моменты. Однажды в какой-то книге он прочел, что все проблемы человека возникают оттого, что он не умеет замечать маленького счастья и радоваться ему. А ведь в этом и заключается жизнь. Не в надежде на счастье, не в воспоминании о нем, а в нем самом. Тот, кто умеет его замечать — живет. А остальные только существуют.

Пока он шел по длинному коридору и весело насвистывал мелодию новой песни, которую они будут репетировать завтра всей толпой, ему навстречу не попалось ни одного человека. Да и за дверями номеров участников было тихо. Сережка усмехнулся. Какой ор и визг стоял на этажах в первые дни их приезда! Все словно сошли с ума, оттого что попали на «крутые» съемки, ходили, нос задрав и ощущая себя звездами первой величины. Только эйфорическое состояние скоро на нет сошло, потому что работать надо было по двенадцать часов в день перед камерой, а в остальное время суток выслушивать нелестные замечания режиссеров, продюсеров и репетиторов. «Звездам» популярно объяснили, что больших бездарей и лентяев никто в жизни не видел, и если кто-то намерен все-таки оставаться в шоу, то должен подумать не о вечерних и ночных развлечениях, а о том, что только труд сделал из обезьяны человека. Через неделю никто себя звездой не считал, все валились с ног и мечтали об одном: добраться до номера и забыться спасительным сном. А потом еще это убийство, настроения ребятам и девчатам не улучшившее...

Номер Глории находился этажом ниже. Сергей дошел до конца коридора, где находился выход на лестницу, приоткрыл дверь и вдруг услышал голоса. «Ого, — подумал он. — Как я

мог так ошибиться? Не все, однако, спят в датском королевстве».

— Да потому что мне он об этом не говорит! — услышал он и сразу же узнал голос одной из участниц шоу — Лены Петрухиной, которую называли не иначе как Пампушкой. — Он же русским языком мне вчера сказал: об этом я буду говорить только с Глорией. То есть с тобой.

«Ого, — снова подумал Ежик. — Значит, Глория вышла на прогулку. И куда это они?»

— Почему? — услышал он родной голос.

Потом Пампушка взвизгнула и сердито прошипела:

— Когда тормозишь, включай огни. А говорить он будет только с тобой, потому что...

Потому что...

— Потому что вы были с ним близки, — послышался третий голос, которого Сергей не узнал.

У Ежика ухнуло сердце. Значит, он что-то проворонил. Что-то очень и очень серьезное. Нет, не событие, хотя событие тоже, а что-то важное в душе у Глории. До сих пор ему казалось, что он знает малейшие струны ее внутреннего мира. Но оказывается, что у нее появился избранник, и не просто избранник, а... Барабанные перепонки Ежика от волнения загудели, и дальнейших слов он не расслышал. Голоса стали удаляться — девушки явно поднимались вверх. А наверху еще два этажа. Там живут операторы, ассистенты и прочая телевизионная публика. «Так... так... — попытался успокоиться он. — Они идут разговаривать с каким-то хмырем, который снисходит только до Глории... Девичьи секреты, черт бы их побрал. Шпионить, конечно, паскудство последнее. Но... — он судорожно искал себе оправдания. — Но что-то ведь у них случилось, если они ночью втроем на стрелку идут. Не чай же пить, в конце концов. Или все-таки чай? Компанию Глория подобрала себе, конечно, странную. Никогда она с Пампушкой дружбу не водила. Да и ни с кем не водила. Нет, наверняка эти девки какую-то очередную пакость для девчонки придумали. Ну, погодите у меня!» И он решительно отправился следом.

Насчет пакости Сережа-Ежик не просто так подумал. Когда все только начиналось, Глории от «звездной компании» досталось изрядно. Сережа не понаслышке знал, что там, где собирается стая, стадо или толпа, обязательно выбирают козла отпущения. В школе все десять лет учебы роль этого животного исполнял он. А вот здесь почему-то именно Глорию избрали объектом насмешек и розыгрышей. Может быть, потому что она не огрызалась на злые шутки, как другие, может быть, потому что весь ее вид говорил о том, что «звездой» она быть не хочет. А может быть, завидовали. Ведь как-никак, а за ней сам Барчук ездил — уговаривал. Чего она только не натерпелась в первую неделю! И жабу в постель ей засовывали, и каблуки туфель перед занятиями по подиумному шагу подпиливали, и на занятиях по актерскому мастерству на этюдах подставляли — играли совсем не то, что было придумано заранее... И самое ужасное, что некоторые эпизоды организаторы программы показали в эфире! С особо рьяными шутниками Сережка подрался несколько раз, что тоже зафиксировала камера. А закончились шутки внезапно, неожиданно и без причины. Во всяком случае, Ежик об этой причине ничего не знал. То ли всем надоело, то ли «юмористы» поняли, что особенного развлечения из этого не получается — Глория, хоть и визжала, когда жабу увидела, но, в основном, сносила шутки безропотно и молча, словно ничего и не происходило.

На верхний этаж девушки не завернули — отправились выше. Сергей озадаченно шагал вслед за ними. Интересно, какой придурок назначил Глории свидание ночью на крыше.

Вернее, не только Глории, а всем троим. «Кто-то явно продолжает развлекаться, — решил он. — Ну, попляшешь ты у меня, если чего...» Хлопнула железная дверь, ведущая на крышу, Сергей поспешил наверх, а через несколько секунд от стены отделилась тень и метнулась к Ежику.

— Ах, вот ты где! — злорадно прошептала она. — То-то я смотрю — номер пустой. Любишь ночные прогулки?

Сережка обреченно вздохнул. Он узнал эту тень, только не понимал, что здесь в этот час делает Игорь Николаевич Мушкин.

— Здравьете, — сказал он. — Вы за мной следите?

— А как же! — вдохновенно проговорил следователь и потрепал свои рыжие, слегка завивающиеся вихры. — Вдруг ты улизишь. Объявляй потом тебя в розыск.

— Опять вы за свое, — устало произнес Ежик. — Не собираюсь я от вас бегать.

— А зачем на крышу идешь?

— Ну, уж всяко не затем, чтобы улепетывать, — резонно ответил Сергей. — С крыши это как-то не очень удобно делать.

— А с девицами зачем стрелку забил? — не отставал представитель правопорядка.

— Ничего я не забивал! — возмутился Ежик.

— Это ты своим продюсерам расскажи, — хихикнул Мушкин. — А следствие не дремлет. Девки явно про тебя говорили. С тобой встречаются, Сергей Иванович.

Ежик опешил. Как это — с ним встречаются, а он об этом ничего не знает?

— Неправда это... — растерянно пробормотал он, не зная что и думать.

— Неправда? — ухмыльнулся Мушкин. — Ладно. Проверить это легко. Пойдем посмотрим, про кого это они говорили: «он будет разговаривать только с Глорией»?

— Подслушивали... — с презрением сказал Сергей. — Идите и сами смотрите.

— Так я там до утра просижу, — не согласился Мушкин. — Пойдем вместе. Если никто не объявится на крыше, тогда ты выйдешь. И скажешь всем присутствующим, что такого важного ты хочешь сообщить Глории. Может, ты ее тоже убить хочешь?

— Ага, — тоскливо хмыкнул Ежик. — И двух свидетельниц позвал. Чтоб потом суду было все ясно.

— Ну, от них ты, возможно, тоже хочешь избавиться, — уверенно проговорил следователь. — Молодец. Упадут девчонки с крыши, никто ничего не заподозрит.

— Там ограждение высокое... — проворчал Сергей. — А эти трое, скорее, меня с крыши сбросят. Вы Пампушку видели?

— Гражданку Петрухину я видел, — строго ответил Мушкин. — И даже снимал у нее показания. Крупная девушка и сильная, наверное. Но ведь и ты парень нехлипкий. Спортсмен. Боксом занимался. Следствие выяснило.

— Ха! — воскликнул Ежик. — Я в секцию всего два раза ходил. В пятом классе. Пока мне нос чуть не сломали. Ничего себе — следствие выяснило! А вы что — домой звонили?

— Звонили, звонили... Так что — идем на крышу?

— Идем! — зло выкрикнул Ежик, с ужасом представив себе, как разговаривал этот ненормальный следователь с его родителями и что говорил...

*«Так создан мир: что живо, то умрет
И вслед за жизнью в вечность отойдет».*

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2

— Ой... — пискнула рядом Пампушка, сразу же по крыше загрохотали шаги...

Глория тоже хотела сказать «ой», потому что Ласточкина еще сильнее впиалась в ее запястье острыми когтями, но звук застрял у нее в горле. Было что-то жуткое в надвигающемся на них облаке слегка розоватого цвета. Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что сквозь это облако начинала явственно выступать черная фигура, и обликом, и походкой похожая на... Вениамина Молочника. Она, вернее, он вышел из розового света, сделал шаг вправо и остановился в грозном безмолвии.

— Видишь? — заунывно-загробным голосом провыла Пампушка. — Теперь видишь?

Глория попыталась прийти в себя. «Вижу... — сказала она себе. — В этом можно быть уверенной — я вижу. Теперь хорошо бы понять — кого...»

— Поздоровайся, — дыхла Пампушка горячим шепотом Глории в ухо. — Иначе он так и будет стоять... истуканом...

Глория нервно хмыкнула.

— Не по правилам этикета, — прошептала она. — Если это Веня, он должен поздороваться первым. Мужчины с женщинами всегда должны здороваться первыми.

— На этих... — зашептала Пампушка громче, — это не распространяется. Поздоровайся!

— Не буду, — сказала Глория. — Здоровайся сама.

Пампушка сердито фыркнула, громко потопталась, а затем картинно-театрально раскинула руки в стороны:

— Здравствуй, Веня! — с пафосом воскликнула она. — Мы рады тебя видеть.

Это было так смешно, что Глория не выдержала и тихонько рассмеялась.

— Заткнись, дура! — испуганно протараторила Пампушка. — Он же уйдет!

— Пусть уходит, — пожала плечами Глория. — Я ему свидание не назначала.

— Ой, да иди ты!.. — Пампушка махнула рукой и ласково-вкрадчиво заговорила: — Веня, ты видишь? Мы Глорию привели, как обещали.

Фигура, как стояла, так и продолжала стоять и, похоже, ответственность не собиралась.

— Во, блин, — тихо проговорила Ласточкина. — В прошлый раз он был подобнее. Теперь крошка Лори подумает, что мы ее разыгрываем, а это — чучело огородное.

— Вы обе сошли с ума! — Пампушка, казалось, сейчас взорвется от ярости. — Одна не здороваается, другая вообще бедного духа обзывает. Веня, почему ты молчишь?

Дух, если это был дух, вяло поднял руку и тут же опустил ее.

— Ответил... — обрадовалась Пампушка. — Веня, ты хочешь, чтобы мы ушли? Ты хочешь разговаривать только с Глорией?

Дух повторил свой жест.

— Все, Нюся, пошли, — заторопилась Пампушка. — Счастливой вам беседы.

— Вы уйдете? — дрогнувшим голосом спросила Глория. — И оставите меня с этим?

— Не бойся! — ободрила ее Пампушка. — Он тебя при жизни не обижал, не обидит и

теперь. Мы же должны узнать истину. Поговори с ним, порасспрашивай, только ласково. Ага?

Она отцепила Ласточкину от Глории и потащила ее к двери, ведущей на лестницу.

«Влипла», — подумала Глория.

Тем временем Пампушка и Ласточкина аккуратно приоткрыли железную дверь и скрылись за ней, а странная фигура перестала изображать позу истукана и стала медленно приближаться к девушке.

— Не надо! — вырвалось у Глории. — Стой, где стоишь, а то я уйду.

Дух остановился.

— Вот и хорошо, — задыхаясь от волнения, проговорила она. — Если надо, я сама к тебе подойду. Мне тут сказали, что ты только со мной хочешь разговаривать. Говори. Что это за шутки?

— Какие шутки, Глория? — жалобно спросил дух голосом Вени Молочника. — Разве такими вещами шутят?

— Круто, — Глория помотала головой, чтобы сбросить наваждение. — И кто же у нас такой искусный имитатор?

— Ты не веришь, это понятно, — сказал дух смиренно. — Я должен доказать, что я действительно твой друг Вени Молочник?

— А сможешь? — Глория немного оправилась от неприятного ощущения, и ее охватило нешуточное любопытство.

— А как? — с готовностью спросил дух.

— Хороший вопрос, — проворчала Глория. — Расскажи что-нибудь о себе. Но только такое, чего никто другой не знает. Кроме тебя и меня.

Дух надолго задумался. Глория терпеливо ждала.

— В третьем классе меня хотели исключить из школы, — наконец промолвил он. — Это годится в качестве доказательства для тебя?

— Ты мне об этом рассказывал, — кивнула Глория. — Но я не могу быть уверенной, что ты не говорил об этом еще кому-нибудь. Например, тому, кто тебя сейчас успешно изображает. То есть... Если ты — подделка, ты вполне это мог слышать от Вени. Ну, в общем, ты понял.

— У тебя красивые волосы, — сказал дух. — Я тебе об этом говорил, когда читал стихи про старый дуб. И потом еще, когда ты пришла в слезах и сказала, что какие-то идиотки тебе испортили концертное платье.

— Да... — нахмурилась Глория. — Но может быть, нас тогда подслушивали.

— Вот блин! — сказал дух Вени. — Я об этом не подумал. Ну, можешь меня потрогать. Это самое верное доказательство. Я неосязаем — ты в этом убедишься.

— Нет! — закричала Глория.

— Тогда я не знаю, как доказывать, — опечалился дух.

— Хорошо, — сказала Глория после некоторого размышления. — Помнишь нашу последнюю встречу? На берегу моря, когда был такой красивый закат. В какой-то момент ты стал рыться по карманам — зажигалку искал. И у тебя из кармана кое-что выпало. Что это было? Опиши в подробностях.

Глория торжествующе уставилась на духа. Там на берегу моря, они сидели за огромным валуном, и никто их видеть не мог. Подслушивать могли при определенной сноровке, но не видели точно.

— Это просто, — ответил дух. — У меня выпали из кармана носовой платок, ключи от номера и свечка. Платок — в красно-желтую клетку. Ключ, понятно, какой — такой же, как у тебя, как у всех... А свечка... Огарочек небольшой, стеариновый. Я его случайно в карман сунул накануне, помнишь, когда свет сначала отключали, а потом включили.

У Глории остановилось дыхание. Действительно, тогда из кармана у Вени выпала свечка. О том, что она находится у него в кармане, знать в принципе, конечно, могли. Например, супруга могла, если привыкла шарить по карманам мужа. Но вот что этот огарочек тогда выпал, не могла знать ни одна душа! Ни живая, ни... неживая...

— Экзамен окончен? — буднично спросил дух, и Глория очнулась.

— Да, — хрипло пробормотала она. — Но этого не может быть.

— Есть многое на свете... — философски провозгласил он. — Может быть, поговорим? А то скоро я уже совсем не смогу... э... являться... Да и у тебя, возможно, не найдется больше времени.

— Конечно, — кивнула она растерянно. — Ты хочешь мне что-то сказать?

— Я хочу попросить, — сказал дух. — Пусть это прозвучит банально, но я хочу попросить тебя об отмщении. Неохота уходить навсегда, но еще больше неохота уходить неотмщенным. Это ведь по большому счету невыносимо. Убийца должен сидеть в тюрьме.

Глория снова покрутила головой, словно от мухи отмахивалась, а на самом деле — от сумбура в мозгах. Голос, интонации, манера выражаться духа — все это было Венино, до малейших нюансов. Немодное словечко «неохота» Веня употреблял очень часто и не собиравшись переходить на молодежный его синоним «влом». Но главное, конечно, свечка в кармане... Ей захотелось подойти к нему поближе, рассмотреть, но страх был все-таки сильнее любопытства. Особенно теперь, когда она была почти уверена, что перед ней не имитатор.

— Ты знаешь убийцу? — спросила она.

— Ага, — сказал дух. — Хотя ты была права — я, действительно, сидел спиной, когда пуля вылетела из ствола...

За спиной у Глории вдруг что-то загрохотало, а затем кто-то со злостью выругался. Дух дернулся и отпрыгнул назад. Глория оглянулась. К ней решительными шагами направлялся следователь Игорь Николаевич Мушкин, потирая коленку — встрепанный, злой, нелепо размахивающий руками. А за его спиной маячил Сережа Петров — Ежик.

— Всем стоять, не двигаться! — закричал Мушкин. — Эй, артист погорелого театра! Быстро подошел ко мне! Не вздумай рыпаться — бежать тебе некуда.

— Так мне стоять или идти? — насмешливо спросил дух.

— Подойди ко мне! — нервно выкрикнул Мушкин. — И без фокусов. У меня оружие.

— Попробуй им воспользоваться, — столь же насмешливо посоветовал дух и пошел прямо на следователя. Розовое облако, погасшее во время разговора духа с Глорией, вновь стало разгораться. Мушкин замер, а затем, словно под гипнозом, стал пятиться.

— Веня! — вырвалось у Глории. — Остановись!

Но дух или не слышал, или не захотел внять ее просьбе. Он по-прежнему шел на следователя, тесня его к краю крыши. Мушкин сделал еще два шага, подошвы его шлепанцев заскользили по гладкому скату, в это время в небе что-то громыхнуло, он взмахнул руками и... со страшным криком перелетел через ограждение... Розовое облако стало еще ярче, а затем вдруг мгновенно погасло. На несколько секунд Глория ослепла. А когда глаза привыкли к темноте, она увидела, как Сережа Петров перегибается через перила, а дух...

Духа на крыше не было. Она пробежалась по периметру площадки, затем подбежала к Сергею.

— Что там? — нервно выкрикнула она.

— Мушкин упал, — как о само собой разумеющемся, ответил Ежик. — Вон лежит. Теперь на меня два убийства повесят. Ведь не станешь же про привидение рассказывать...

*«И что бы ни случилось в эту ночь,
Доискивайтесь смысла, но молчите».*

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2

— Во развлекаются! — воскликнул Боря Берман по прозвищу Боб, стоя по колени в воде и зачарованно глядя на световые эффекты над крышей пансионата. — Сразу видать — бабки не знают куда засовывать.

— Бабки они знают куда засовывать, — возразила Галка, отфыркиваясь и отжимая волосы. — Это же не барыги какие-нибудь. Это телевидение, Бобик.

Она, не вылезая из воды, еще немного полюбовалась на розовое свечение в небе, на изящные передвижения теней на крыше здания, пронаблюдала прыжок каскадера сверху и только после этого отвлеклась и загрустила. «Ах, как скверно чувствовать себя чужой на этом празднике жизни, — подумала она. — Ну, ничего, будет и на нашей лавочке фуршет. Талант везде себе дорогу пробьет». Галка была оптимисткой и сдаваться из-за каких-то мелких неудач не собиралась. Несмотря на то, что на втором туре отборочных состязаний («Звездных войн» — так она это называла) раскрылся обман, несмотря на то, что Барчук ее чуть не убил сначала в Питере, а потом в Октябрьске, когда за Лоркой приехал, Галина верила в свою счастливую звезду. Когда Глория поехала сниматься, Галка тоже взяла билет на фирменный поезд, отправляющийся в Петербург. «Тебя там без меня затюкают, — сказала она подруге тоном, не терпящим возражений. — Кто будет тебя из передряг вытаскивать? Конечно, верная подруга Галка». На самом деле, кроме беспокойства за подругу, вел ее в город на Неве замечательный, придуманный и выстраданный ночами план. О будущих съемках она разузнала все. О том, что сначала будут снимать тренировки и репетиции, а потом пойдут концерты, на которые не только простые зрители станут приходить, но и разные большие люди, от которых много чего в шоу-бизнесе зависит. И тут главное не зевать и поймать момент, когда можно будет какому-нибудь продюсеру на глаза показаться. А там — слово за слово, предложит Галка ему программу, а может, поначалу, на худой конец, себя. Ведь известно, как многие звезды на сцену пробиваются. Одно обстоятельство дело немного осложнило: оказывается, съемки были запланированы не в самом Петербурге, а в пригороде. Правда, место тоже клевое, Репино называется, потому что там Репин когда-то жил, но жилье найти было невероятно трудно. Не помогали никакие бабки. Знающие люди говорили, что в этих местах народ о съеме жилья еще зимой договаривается. Но Галка не была бы Галкой, если бы она отступала перед трудностями. На пляже она познакомилась с веселой компанией парней и девчонок. Парни, как оказалось, работали на спасательной станции местного пляжа, а девчонки обитали там за компанию. За полчаса Галка перезнакомилась со всеми, «проставилась» по полной программе, весело рассказала слезную историю о своей провинциальной жизни, подарила надежду на ласку пареньку по имени Жора, по какой-то причине девицы при себе доселе не имеющему, гарантировала всей компании билеты на концерты «Звездолета» и получила взамен угол в сарайчике с веслами и скрипучую раскладушку. Правда, потом оказалось, что билеты на концерт она пообещала зря — компания не перебаривала попсу, предпочитая рок и джаз. Но это, в конце концов, мелочи. Галку приняли довольно-таки доброжелательно, а Жора вообще

был от нее без ума. Еще бы — парень оказался девственником и был благодарен Галке за науку и искусство райских усад.

Как и обещала, опеку над Глорией она обеспечила. Ее не испугали ни грозная охрана у входа пансионата, где проходили съемки, ни высокий забор вокруг, ни сетка, проходящая на границе между куском залива для «звезданутых» и водой для простых граждан. Путь, по которому она могла пробираться в «звездный заповедник», в компании спасателей назвали в честь нее: Галкиной тропой. Ну и правильно назвали — тропу-то именно она протоптала. Вернее, не протоптала, а протаранила. Чего ей это стоило, отдельный разговор. Но сделала и никого, между прочим, на помощь не звала. Зато тропа получилась что надо: скрытая от посторонних глаз и при этом очень удобная с точки зрения военной тактики: в случае необходимости можно было внезапно атаковать или незаметно отступить. Тупые охранники территорию каждый день по три раза обходили, в том числе и забор осматривали, а тропу так и не обнаружили. Вот так. А насчет военной тактики — не пустые слова. С «звезданутыми», как участников проекта назвали «спасатели», повоевать немного пришлось. Это когда над Лоркой издеваться при всем честном зрительском народе стали. Всякие нелестные слова про нее в эфире говорили, костюмы портили, а операторы крупным планом ее слезы показывали. Лорка только Галке и пожаловалась, что на нее все это звездное стадо ополчилось, как на «Чучело». И про особо рьяных мучителей, вернее, мучительниц рассказала. Организаторам не жаловалась, а Галке пожаловалась. А Галка долго думать не стала: словила одну длинноногую идиотку и поговорила по-своему, по-деревенски, как у них в Октябрьске принято со всякими гадинами разбираться. После этого издеваться над Глорией прекратили. А то ладно бы — лягушек в постель кидали. Так ведь кличку какую обидную придумали: «крошка Лори»! И это на всю страну объявили. Ну, не сволочи?

— Пойти, что ли, пройтись? — Галка лениво потянулась и направилась к берегу. — Борь, не хочешь компанию составить? На съемки посмотрим. И Жорика возьмем и твою Аленку. А?

Борис зашлепал по воде следом за Галкой. Он был самым старшим из «спасателей», носил окладистую бороду, с сентября по май преподавал в университете и считал своим долгом учить Галку цивилизованной жизни. «Соскабливать провинциализм» — так он называл сей процесс.

— Все еще тянет в клоаку? — насмешливо проговорил он. — Фейерверков не насмотрелась в детстве?

— Не насмотрелась, — обиженно ответила Галка. — У нас в Октябрьске их сроду не было. В день Победы одну пушку из военного городка привозят и просто холостыми снарядами стреляют. И никаких тебе букетов огненных в небе.

— Слушай, Галина, — серьезно сказал он, вышагивая рядом. — Неужели ты до сих пор намереваешься делать карьеру в поп-шоу? Нет, я верю, что ты пробьешься, у меня в этом нет ни малейшего сомнения. Но стоит ли? Вот Коля Радостев рок-группу собирается сколачивать. Я с ним говорил: против тебя в роли солистки этой группы он ничего не имеет. Поработаешь над имиджем, круче «ночной снайперши» Арбениной станешь. Рок — это культура настоящая, это навсегда в истории человечества останется, и за Колю я ручаюсь — у него вкус хороший. А попса — это попса. Жвачка. Пожуют тебя и выплюнут. Только ведь после этого процесса ни вида, ни вкуса от тебя не останется.

— Видела я твою Арбенину по телеку, — отмахнулась Галка. — Не впечатлило. Мне больше Маша Распутина нравится. «Золотится роза чайная...» И я как раз в этом формате

собираюсь представляться.

— В формате! Представляться! — фыркнул Боб. — Ох, провинция ты моя родная!

— А ты сноб, — сказала Галка. — Гордиться местом рождения или презирать человека за то, что он не родился в Париже или Петербурге глупо. И, между прочим, все знаменитые люди из провинции проклюнулись. Да хотя бы Д'Артаньян.

Борис рассмеялся, схватил Галку за руку и потащил ее к костру, у которого собралась вся их веселая компания, и Галкин парень Жорик с девушкой Бориса Аленой посматривали на только что выкупавшуюся парочку слегка ревниво.

Заканчивался священный процесс приготовления шашлыка. Галка с наслаждением вдохнула полной грудью ароматный, вкусный воздух, приняла из рук Коли Радостева, исполняющего сегодня роль виночерпия, пластиковый стаканчик, как вдруг увидела, что с «Галкиной тропы» спускается Глория. Что-то в ее бегущей походке было непривычное и неправильное, и Галка заподозрила, что подругу опять кто-то обидел.

— Вот черт! — вскрикнула она и вскочила. — Опять они за свое взялись. Урою всех! Ребята, поможете мне? Надо бы эту гопоту уму-разуму научить.

— Легко, — сразу отозвался Паша-Танк — широкоплечий пятнадцатилетний мальчик, предпочитающий всем радостям жизни разминать мышцы в реальном деле. — Скажи — кого конкретно. Научим.

— Вы насчет ученья особенно не увлекайтесь, — осадил пыл Паши Борис. — Там, за сеткой, над этой, как вы выражаетесь, гопотой, люди серьезные погремушками трясут, нянькаются. Они могут ваши педагогические методы не оценить. Потом носи вам сухарики в исправительно-трудовое заведение.

— Мы не дети, Боб, — сердито проговорила Галка и в манере героя Папанова из «Бриллиантовой руки» пообещала: — Учить будем аккуратно, но сильно. А за подругу я кому хочешь задницу порву. Ну, что на этот раз случилось? — обратилась она уже к Глории, которая, тяжело дыша и покачиваясь, подбежала к костру.

— Второй труп... — выдохнула Глория. — И... Галь, ты только погоди смеяться... И привидение... Оно его и столкнуло. А на Ежика подумают...

— «Жил-был на свете Антон Городецкий...» — процитировал Коля Радостев культовую песню нынешнего времени. — Трупы, привидения, ежики. Скоро вам крышу окончательно снесут. Бросила бы ты их, Глория. Вроде нормальная девчонка, а с такими козлобаранами связалась.

— Садись, Лора, — предложил Борис. — Отдышись, успокойся и на Кольку не реагируй. Привидение — дело вполне житейское, это еще Карлсон говорил. Трупы — тоже не новость в нашем мире. Налейте девушке. Коля достал из рюкзака еще один пластиковый стаканчик и щедро, до краев налил в него красного вина.

— Ну... за житейское дело, — пробасил он, протянув стаканчик Глории.

— Я не пью, — растерянно произнесла она.

— А сегодня выпей, — посоветовал Боб. — Все-таки событие с тобой произошло неординарное: с привидением столкнулась. Вот я двадцать пять лет живу на свете, а с привидениями ни разу не встречался. Это как — страшно?

— Не знаю... — вздохнула Глория. — Скорее — нелепо как-то... Он разговаривал совсем как живой.

— Так, давай по порядку! — потребовала Галка. — Кто, что, как. Чье было привидение. Только давайте сначала все-таки выпьем.

Компания дружно подняла стаканы и осушила их. После некоторой внутренней борьбы Глория тоже сделала несколько маленьких глоточков. А потом стала рассказывать. Начиная с того момента, как днем к ней подскочили Пампушка с Ласточкиной и стали байки травить. То есть тогда Глория думала, что байки. А оказалось... Глория рассказала, что в итоге вышло из их похода на крышу.

К концу ее повествования «спасатели» и их подруги перестали подливать себе в стаканы вино и жевать пашлык. Рассказ Глории поверг их в легкий транс, хотя были они не из породы нежных и впечатлительных существ.

— Слушай, детка, а тебе это все, часом, не приснилось? — после долгого общего молчания спросил Паша-Танк — самый непробиваемый из всех, за что и получил свое прозвище.

— Нет, вроде, — тоскливо пробормотала Глория. — То, что Мушкин упал, точно не приснилось. Знаете, сколько сейчас народу внизу, возле его тупа собралось? Генеральша наша, ну, Марфа Король с Барчуком в голос орут, спорят — сейчас милицию вызывать или утром. Охрана бегаёт, территорию с собаками прочесывает.

— А ты, значит, улинула? — констатировал факт Коля Радостев.

— Я не могла там оставаться, — всхлипнула Глория. — Если бы я осталась, я бы им обо всем рассказала. И что они подумали бы?

— Можно себе представить, что они о тебе подумали бы, — покачала головой Галка. — Правильно, что пришла. Только тебя искать не будут? Потом спросят, а где вы были, уважаемая Глория в момент преступления?

— Скажу, гуляла, — Глория потеряла глаза. — По берегу.

— Ответ неправильный, — хмыкнул Боб. — Сначала спроси: а когда оно, это преступление произошло. А то влипнешь.

— Хорошо, — кивнула Глория. — Спрошу. Хотя это все знают. Гриша Барчук видел, как тело с крыши летело.

— А привидение он видел? — деловито поинтересовалась Алена.

— Не знаю, — ответила Глория. — Если и видел, разве признается?

Снова повисла тягостная пауза.

— Так, — нарушил ее Борис. — Давайте нальем и будем рассуждать логически. Во-первых, не следует ли нам разбежаться по норам от греха подальше. Если сейчас сюда нагрянет ментовка, она может и в наши пенаты заглянуть.

— И что? — возразила Алена. — Мы-то здесь каким боком?

— Именно, — усмехнулся Боб. — Только не боком, а сбоку. Начнут допытываться: не видели ли кого, не слышали ли чего... По кабинетам в качестве свидетелей затаскают. Оно нам надо?

— Ерунда, — сказал Жорик. — Допустим, слышали мы какой-то шум за сеткой. Так у них там вечно какие-то шоу, мы уж привыкли. Наше ведь дело маленькое: на залив глядеть — не утопает ли кто. А за шоуменов мы не в ответе. У них свои спасатели и охрана своя.

— Логично, — согласился Боб. — Вопрос второй. Который я, уж прости, Глория, тебе задам. Хотя и не солидно мне уже такого рода любопытство проявлять, но ужасно я люблю всякие криминальные истории. Этот Мушкин, он случайно упал или его... это... привидение толкнуло?

— Привидения не могут толкаться по определению! — поднял указательный палец вверх Жора. — Ты ведь у нас философ, психолог и вообще литературовед. Хоть и физику

преподаешь. И именно, как визик, тьфу, то есть физик, ты должен знать, что дух бесплотный не обладает силой сопротивления. И толчка. Вот.

— Жора, ты — мозг! — восхитился Борис. — Если это было привидение, то Мушкин просто поскользнулся и упал. Но!.. — он тоже поднял указательный палец вверх. — А если это какой-нибудь нехороший человек трудился под духа? А?

— И специально пригласил Глорию, чтобы она стала свидетелем необычного явления, которое запутает следствие чрезвычайно, — торжествующе провозгласил Жора.

— Хм, — сказал Боб. — Что-то в этом есть. Задумать убийство, пригласить свидетеля на которого в случае чего могут и убийство повесить... Черт! Ну, конечно! Глория, тебе отсюда надо срочно делать ноги! Тебя либо в кутузку упекут, либо в дурку.

— Это почему? — возмущенно поинтересовалась Галка. — Почему это на нее могут убийство повесить? При чем тут дурка? И вообще, почему ты говоришь про убийство? Мне вот как раз кажется, что это скорее на несчастный случай смахивает.

— Несчастный случай, происшедший с работником правоохранительной системы, всегда выглядит подозрительно, — сказал Боб. — Это во всех книжках написано.

— И землю будут рыть в усиленном режиме, — поддержал речь Боба Паша-Танк. — Точно. Менты за своих пасть порвут.

— А я не верю в привидения, — подала голос Оля — девушка Паши, доселе не проронившая ни звука. — А также не понимаю, зачем кому-то прикидываться привидением. Такое только в американском кино бывает.

Глория шумно вздохнула, и восемь пар глаз уставились на нее. Она почувствовала, что от нее чего-то ждут, правда, непонятно — что, и сказала:

— Если меня спросят, я не смогу врать. И молчать не смогу.

— А стоит ли молчать, когда нельзя соврать... — пробормотал Жорик. — Это из моего раннего творчества. В общем, Глорию я понимаю. Ради истины можно и лобешник под пули подставить. Другой вопрос: кому нужна эта истина? Ментам? Следакам? Да они за вас с Ежиком схватятся и будут счастливы, что преступление века раскрыли. Тебя, конечно, прости, дурочкой выставят, идущей на поводу у страшного злодея по кличке Еж. Да, Боб, прав. Тебя, прости еще раз, в дурку отправят, Ежа этого твоего — на зону.

— Но вы мне не верите, — сказала Глория безо всякого выражения.

— В то, что ты разговаривала с некоей фигурой, которая была или прикидывалась духом, безусловно, верим, — проговорил Борис.

— А почему милиция не поверит? — спросила она.

— Гы... — сказал Паша-Танк. — Работа у них такая — никому не верю не только первого апреля.

— Дело не в этом, — мягко проговорил Борис. — Дело в том, что они тебя совсем не знают. А мы... Мы, хотим того или нет, но благодаря твоей подруге Галочке, каждый день в девятнадцать сорок садимся у телека, собранного нашим умельцем Жориком, и глазеем на «Звездолет». Если бы мне кто об этом месяц назад сказал, я бы рассмеялся ему в лицо. Не смотрю. И не жалею. Потому что, как психолог, наблюдаю массу интересных явлений природы человеческой. И твою, Глория, природу я изучил если не досконально, то достаточно подробно. И Галка мне про тебя все уши прожужжала. Мне кажется, я тебя сто лет знаю. Не знаю, выиграешь ли ты в этом шоу главный приз, но в том, что ты не прибежала бы сюда, чтобы нам лапшу на уши вешать, я уверен.

— Я Глорию сто лет знаю на самом деле, — сказала Галка воодушевленно. — Не

прибежала бы она нам лапшу на уши вешать. Зуб даю, мамой клянусь и своей будущей карьерой.

— Спасибо, — тихо сказала Глория. — Тогда я хочу вам сказать, что это было привидение. И оно толкнуло Мушкина. Что бы там ни думали физики про силу сопротивления и толчка.

Паша-Танк громко присвистнул.

— Объясни, — пьяным голосом потребовал Жорик.

— Объясни, — ободряюще проговорила Галка. — И заодно скажи, наконец, чей это был дух. Хотя я догадываюсь чей.

— Это и ребенку ясно, — сказал Паша-Танк. — Конечно, этого поэта, которого там у них замочили. Не папы же принца Гамлета. И, наверное, не Витьки Цоя.

— Да, — кивнула Глория. — Это был Веня... Вениамин Молочник.

— Или артист, надумавший сыграть эту роль, — упрямо произнес Боб.

— Я тоже сначала так подумала, — сказала Глория. — Я с самого начала была почти уверена, что это розыгрыш. Еще когда мне Пампушка и Ласточкина про него рассказали. Подумала: опять кому-то вздумалось надо мной посмеяться. Но когда я с ним разговаривала на крыше... — голос ее внезапно сел. — В общем, он мне доказал, что он — дух.

— Ух, ты! — вскричал Борис. — Есть такое доказательство? Это же офигительный переворот в метафизике. Да и в физике тоже. Не томи, Глория!

— Боря, прекрати! Не валяй дурака! — сказала Алена. — Все знают про это доказательство. Фигуру надо потрогать. Если рука проходит сквозь нее беспрепятственно, значит, перед тобой точно привидение. Только я бы не решилась на такую проверку.

— И я не решилась, — помотала головой Глория.

— Есть еще другой способ? — удивилась Алена. — Ах да... припоминаю... они боятся света, запаха чеснока, крика петуха и еще чего-то... У тебя был при себе чеснок? Или ты догадалась прихватить петуха?

— Ты перепутала привидения с вампирами, — строго сказала Галка и обратилась к Глории: — Так как ты убедилась, что перед тобой точно дух?

— Он мне рассказал о том, о чем знали только мы двое, — ответила Глория.

Девушка Оля хихикнула.

— А что именно? — не унимался Боб. — Что могут знать двое и не знать все остальные?

— Например, какими словами я ругаюсь, если ты лезешь ко мне с поцелуями в тот момент, когда я спать хочу, — засмеялась Алена.

— Я так и понял, что мысль женской половины нашего небольшого сообщества движется в специфическом направлении, — серьезно произнес Борис. — Но мелочи интимной жизни двоих при желании могут стать информационным достоянием и третьего. Я могу развить эту мысль, если кто-то еще не понимает. Существуют прослушки, скрытые камеры, камеры ночного видения и так далее. Это не доказательство.

— Ничего такого, о чем движется мысль женской половины, между нами не было, — смутилась Глория. — Просто я его спросила об одном эпизоде, где свидетелей никак не могло быть. А если и были, то такую мелочь запомнить было бы просто невозможно. Это была, действительно, мелочь, на которую, я уверена, даже Веня тогда не обратил внимания, не то что наблюдатель. А дух — обратил, запомнил и ответил на вопрос правильно.

— Типа, сколько песчинок застряло у него между большим и указательным пальцем

ноги в понедельник с утра? — задумчиво проговорил Паша-Танк.

— Ну, про песчинки я знать не могла, — улыбнулась Глория. — Но типа того.

— Нормально, — кивнул Паша. — Привидение — дело житейское. Вы как хотите, а я Глории конкретно верю. А ты, Глория, молодец. Как говорит наш Боря, в любом исследовании нужно вопрос правильный задать. Да, Боб?

— А как быть с бесплотностью духа? — Боб, похоже, входил в раж и даже на слова Паши не отреагировал. — Ты говоришь, что привидение толкнуло Мушкина. Ты это видела? Может быть, ты ошиблась?

— В том-то и дело... — нахмурилась Глория. — Это ведь самое странное. Конечно, я стояла далеко и не могла четко видеть всего. Я не видела, что Веня следователя толкнул. Но там ограда такая на крыше... Через нее нельзя опрокинуться, ни поскользнувшись, ни покачнувшись. Она мне по грудь будет. И Мушкину примерно так же. Он не очень высокий был. Он мог упасть только в том случае, если бы его толкнули и сильно толкнули. И вообще... даже перекинули...

— Значит, убийство, — сказал Жорик. — Наше следствие продвигается стремительными темпами. Вот бы так ментам работать. А почему дух убил Мушкина? Он ему не понравился?

— Я не знаю, — расстроено проговорила Глория. — Я, ребята, сама не верю, что это было привидение. Но ведь доказательство... И только дух мог рассердиться на то, что Мушкин помешал нашему разговору. Живые люди не так реагируют, когда в чужую беседу вмешиваются. Мне показалось, что он из-за этого стал на него надвигаться. Ведь у нас был серьезный разговор, и Веня, то есть дух уже начал говорить, кто его убил...

— И тут появился Мушкин? — уточнил Борис.

— Ну да.

— Бр-р-р! — громко сказала Алена. — Ребята, у меня уже крыша едет. О чем мы говорим? Допустим, духи существуют, и Глория сегодня вечером разговаривала с одним из них. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и ее творческую фантазию. Прости, Глория, но это я пытаюсь базу научную под нашу беседу подбить, как нас всех Боря учит. Но ответьте мне, пожалуйста, какого черта этот Ушкин-Мушкин поперся на крышу?

— Когда дух Мушкина явится к Глории, пусть она об этом его спросит, — рассмеялся Жорик.

— Вы мне не верите, — упавшим голосом произнесла Глория. — И правильно делаете. Я сама себе не верю. Может быть, я просто сошла с ума?

— Но труп-то есть или нет? — воскликнула Галка. — Я же видела, как он падал. Только я подумала, что это каскадер, а у вас съемки идут или репетиция. Или я тоже с ума сошла?

— Крики мы все слышали, — примирительно сказал Жорик. — Но неувязка с духом-то... Если Мушкина толкнули, то всяко не привидение. А если это было привидение, то Мушкин бы не упал.

— А может, он от страха упал? — тоненько пропела Оля.

— Ты — мозг, Олька! — воскликнул Жорик. — Тогда все объясняется. Только никто не ответил на вопрос Алены: зачем Мушкин на крышу полез? А в этом, дорогие друзья, сдается мне, разгадка и кроется.

«Оклеветать нетрудно добродетель».

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 3

Глория вернулась «с воли» около трех часов ночи. Окна пансионата были темными, и вся его территория была почти погружена во мрак — ночью фонари светили слабеньким светом, видимо, напряжение на подстанции уменьшали — электроэнергию экономили. Она крадучись прошла мимо будки с охранником, но эта мера предосторожности была совершенно излишня — охранник спал богатырским сном. «Странно, — подумала Глория. — Совсем недавно здесь погиб человек, но совершенно ничто не напоминает об этом. И, похоже, никого это особенно не взволновало. Вот я совсем не могу спать после случившегося. А они могут. Может быть, так и надо? Все ведут себя правильно, и только со мной что-то не так?» В фойе повторилась похожая картина — охранник за стойкой спал, довольно похрапывая. В здании не раздавалось ни звука, если не считать этого храпа. Глории и так было не по себе, а от этой тишины сердце сжала тоска, словно в предчувствии страшной беды. Впрочем, подумалось Глории, бед здесь уже и так с избытком. К себе подниматься не хотелось. Откровенно говоря, она просто боялась идти в свой номер. Вдруг дух, или, кто он там на самом деле, ждет ее за дверью? Еще одного разговора с привидением сегодня она точно не выдержит. Она побродила по коридорам первого этажа, где находились костюмерные, гримерные и реквизиторские помещения, дошла до просторного холла, служившего комнатой отдыха для всех, кто имел хоть маленькую возможность передохнуть в перерывах между работой. Холл представлял собой небольшой ботанический сад с редкими экземплярами растений. Глории было известно, что многие из них перевезены из Петербургского ботанического сада. Она присела на скамеечку между двумя экзотическими пальмами и слегка успокоилась. Здесь, среди зелени, ощущение тоски и страшные предчувствия слегка ослабли. Глория поняла, что вполне в состоянии рассуждать здраво. И хотя о многом было сказано в компании ее «вольных» приятелей, ей захотелось подумать о происшедшем самостоятельно, без суеты, иронических или сочувственных взглядов, шуточек и «приколов» «спасателей-интеллектуалов». «Если исходить из здравого смысла, — сказала она себе, — мысль о существовании привидения Вени Молочника придется отместить. И что тогда остается? Актер, изображающий привидение. Для чего? Чтобы меня разыграть. Но розыгрыш окончился трагически.

Тот, кто так талантливо сыграл привидение, был вольным или невольным убийцей следователя Мушкина. Если он не хотел убивать его, вопросов пока нет. Или я не знаю, какой вопрос нужно задать по этому поводу. Как там говорит Боб? Чтобы достичь истины, следует задать верный вопрос. Ладно, потом на досуге подумаем насчет верного вопроса. А вот если «дух» убил Мушкина намеренно, то возникает единственно верный вопрос: зачем ему было его убивать? Он испугался, что Мушкин его разоблачит? До такой степени испугался, что не нашел ничего лучшего, чем убить несчастного следователя? Или он собирался убить его заранее, потому что Мушкин представлял для кого-то серьезную угрозу? Но угрозу следователь представлял только для Сережки Петрова, которого всеми силами намеревался подвести под статью. Тогда смерть Мушкина была выгодна Сереже. Но он не убивал. Он далеко стоял. И вообще он не собирался на крышу. Это его Мушкин потащил. А

Мушкин пошел на крышу, потому что хотел выяснить, с кем я собираюсь поговорить. И что из этого следует?»

Глория абсолютно не знала, что из этого следует. По трудному предмету под названием «логика», который преподавали в старших классах гимназии, у нее всегда была твердая четверка. Она понимала, что для рассуждения и выводов ей не хватает каких-то очень важных элементов. Знать бы каких!

«А если кто-то подстроил мою встречу с «духом», для того чтобы подставить меня? — вдруг подумала она. — Кто-то знал, что Мушкин придет на крышу, собрались там его убить, а всю вину свалить на меня?» От этой мысли вновь стало тоскливо. «Но почему именно меня? Кто-то видит во мне серьезного конкурента на шоу и хочет таким образом меня убрать? Но разве я серьезный конкурент хотя бы для той же Ласточкиной? Может быть, это тот же человек, который подвел «под монастырь» Ежика? Но тогда он должен был знать, что Сережа обнаружит Веню, вернее, его труп, первым. Что-то Ежик мне говорил про это... Не про «подставу», а про то, что у него была назначена встреча с поэтом. Вот он и пришел. Кто-то знал о встрече и знал, что Ежик обнаружит труп первым. Но ведь этот «кто-то» не мог знать, что Сережа схватит пистолет, оставив на нем отпечатки пальцев, что он сразу позовет кучу народу, а не скроется по-тихому сделав вид, что и рядом с кабинетом Вени не проходил. И никто не мог знать, что я соглашусь на предложение Пампушки и Ласточкиной пойти прогуляться по крыше. Ведь могла я не поверить их рассказу и послать их подальше? Вполне могла».

Глория тяжело вздохнула и подумала, что верить в духов было бы гораздо проще — тут логика была бессильна, а стало быть — бесполезна. Она вспомнила про доказательство, которое представил ей «дух». «Допустим, что кто-то знал о том, что выпало тогда из Вениного кармана. Каким образом? Веня рассказал? Или со стороны залива за нами наблюдали? Ведь с остальных сторон нас закрывал огромный валун. Но если этот наблюдатель запомнил такую мелочь, он, наверное, из какой-то спецслужбы, не иначе. Но при чем тут спецслужба?» Глория подумала еще немного. «А если именно это доказательство существования духа было для меня приготовлено? Тогда все вроде бы объяснимо. Кто-то сидел в лодке, наблюдал за нами в бинокль и увидел, как из кармана Молочника выпал огарок свечи и носовой платок. И придумал, что именно этот факт будет доказательством существования духа. Нет, но тогда получается, что этот некто уже заранее знал, что меня нужно будет разыграть, не говоря уже о том, что он знал о предстоящем убийстве. Значит, наблюдал за нами убийца. Убийца знал, что убьет Вениамина и разыграет или «подставит» меня. Во втором случае он планировал второе убийство. И ему не важно было, кого убивать. Возможно, он сначала показался в роли духа Пампушке и Ласточкиной, чтобы не только я пришла на крышу. Потом он убил бы девчонок, а в итоге все подумали бы на меня. Но тут появился Мушкин и вполне подошел на роль жертвы».

Глория почувствовала, как у нее запылало лицо. И оттого, что ей удалось додумать мысль (она вспомнила, что такие мысли у сыщиков называются «версиями»), и оттого, что ей стало снова страшно. «Не легче ли было бы меня просто убить? Зачем такой огород городить?» После этого она уже не знала, о чем думать. Она попыталась восстановить в памяти тот день, когда они с Вениамином уединились на берегу за валуном, и он читал ей стихи, а она рассказывала ему о своей бабушке... Плавала ли тогда на горизонте лодка, она, как ни старалась, вспомнить не могла. Она пожалела, что не решилась на радикальную проверку «духа» — надо было всего лишь навсего прикоснуться к нему. А если бы он

оказался живым существом, схватил бы ее и сбросил бы с крыши, как беднягу Мушкина? Нет, она правильно сделала, что не приблизилась к нему. Но зато и осталась в неведении. Ей пришло в голову, что если это был человек из плоти и крови он должен был где-то скрыться. «Ну конечно! — сказала она себе. — Нужно посмотреть, нет ли на крыше другого хода, кроме хода с лестницы. Ведь когда упал Мушкин, «дух» куда-то исчез. Словно сквозь землю провалился. То есть сквозь крышу».

Непонятная сила подняла Глорию на ноги. Она была полна решимости тотчас же бежать на крышу, чтобы проверить возможные средства укрытия для лжедухов. Но решимость ее была прервана неожиданным обстоятельством. Неподалеку от места, где она находилась, послышались приглушенные голоса. Глория юркнула в нишу, где смешно топорщился огромный бразильский кактус, оцарапала руки, но успела спрятаться как раз в тот момент, когда в холл вошли Григорий Барчук и Марфа Король.

— Я их завтра же всей командой уволю, — сказала Марфа, опускаясь как раз на ту скамеечку, где только что сидела Глория. — Почивать они, видите ли, изволят! Получая такие бабки. Господи, когда мы избавимся уже от всеобщей «совковости» и пофигизма?

— Да успокойся ты, — примиряющим тоном проговорил Барчук. — Ребята набегались, наволновались. Не каждый день тут такие истории случаются.

— Ой, только не надо, Гриша, их защищать, — недовольно произнесла Марфа. — Эти не бегали. Эти на посту сидели. Задницу отсиживать умаялись — в сон потянуло! От будочника, между прочим, алкоголем несло. Бардак! Не мудрено, что тут второе убийство происходит.

— Ты все-таки склоняешься к тому, что Мушкин не сам упал? — спросил Барчук, и в его голосе послышалась озабоченность.

— Ну, ты же сам слышал, что следователь говорил, — ответила она. — С этой крыши невозможно упасть случайно. Там ограждение очень мощное.

— Да... — вздохнул Барчук. — По-моему, этот следак потолковее первого будет. Слушать умеет, не то, что прежний, царствие ему небесное. Тот только себя слушал.

— Какая разница — толковый, бестолковый, — раздраженно проговорила Марфа. — Сумму ему большую придется отстегивать, чтобы представил дело, как несчастный случай. Завтра Джигу обрадую. Пусть раскошеливается. А то, неровен час, проект вообще приостановят. От нашей прокуратуры всего можно ожидать. Скажут: что-то нечистые дела у вас творятся, не пора ли вам лавочку закрывать.

— Угу... — бормотнул Барчук. — Но ведь так оно и есть. Ты-то сама что по этому поводу думаешь? Ты прости, что я рану бережу... береду, но кому мешал твой Вениамин? Раньше мне не хотелось тебя об этом спрашивать.

— Кому мешал? Может быть, тебе, — нервно хохотнула Марфа. — Надоело тебе, дорогой, ходить в любовниках, захотел вдове предложение сделать. Но это я так... шутю... прости. Я сама не знаю, Гриша. Веня был непростым человеком, даром что с виду — ангел. Но вот таких врагов, чтобы пулю не пожалели на него, он точно не имел. Он вообще был любимцем публики. И здесь все ребята его любили. И «звездонавты», и съемочная группа. Я же видела. Однако Мушкин до чего-то докопался — это точно. И его убрали.

— Сережа Петров, — сказал Барчук безо всякого выражения. — Потому что Мушкин только до него докапывался.

— Ты сам-то веришь, что Сережа мог убить Вениамина? — вздохнула она. — Да еще таким профессиональным способом?

— Конечно, судя по его внешнему виду, не скажешь, что он профессиональный киллер, — рассмеялся Барчук. — Но ты вообще знаешь, как должен выглядеть профессиональный убийца? Я — нет. Но думаю, что он меньше всего должен походить на злодея.

— Да ладно, что воду в ступе толочь, — снова вздохнула Марфа. — Не наше это дело — убийц искать. Давай уже к нашим проблемам перейдем. Еще бы поспать час-другой не мешает. Чтобы завтра перед нашими гавриками не выглядеть добрыми и любящими родителями.

— А может, хватит фурию перед ними разыгрывать? — сказал Барчук. — Они уже и так поняли, что работать полезно для здоровья.

— Может, и хватит, — сказала Марфа. — Но если я резко сменю маску, это озадачит наших зрителей. Я — злыдня с начала и до конца проекта. Грубая, бессердечная, бесчувственная.

— Почему ты выбрала такую несимпатичную роль?

— Почему несимпатичную? Как известно, роли злодеек более выигрышные, чем роли добродетельных матрон. А вообще... Может быть, потому что в жизни я ужасно мягкотелая, всем все прощаю, даже подлость. Знаешь, я даже убийце Вени, наверное, прощу его злодейство. Во всяком случае, дай мне оружие и покажи убийцу, я не смогу его наказать. Ладно, проехали. Что с завтрашним днем? Кто кого будет кушать для поддержания драматического напряжения?

— Подожди... Думаешь, кто-то завтра будет способен кушать кого-то? — хмыкнул Барчук. — Во-первых, у них еще прежний шок не прошел. Представляешь, кто-то пустил слух, что в пансионате находится маньяк и намеревается расправиться со всеми нами. После Вени следует моя очередь, потом — твоя, потом возьмутся за участников.

— Слух оказался ложным, — проворчала Марфа. — Следующим за Веней оказался совершенно посторонний проекту гражданин. А кто распространил этот слух, случайно не знаешь?

— За источником всех рождающихся слухов проследить абсолютно невозможно. Фантазия у наших ребят гипертрофированная, как ты и мечтала. Творческие личности в них проклюнулись по полной программе, черт их дери!

— Тогда будем культивировать панику, — решительно проговорила Марфа. — Пусть этот слух будет озвучен в эфире. Но тогда... Тогда и гибель Мушкина следует вписать в сценарий. Взятка следаку отменяется.

— Марфа, — недовольно произнес Григорий. — Я как раз хотел тебе об этом сказать. Мне кажется, что зря ты вообще включила криминальный сюжет в сценарий. Мы можем погореть. Смещение жанров — не лучшее изобретение творческих работников.

— Почему смещение? — не согласилась она. — Это расширение горизонтов драматургии нашего проекта и вообще проектов такого рода. Понимаешь, в чем беда всех наших предшественников? Они вольно или невольно создавали или аквариум, или инкубатор, или то и другое в одном флаконе. Реальная жизнь была совершенно далека от того, что происходило внутри студии. Участники шоу находились за плотным, железным забором. Ни один звук, ни один вздох из нее не долетал в эфир. И от этого возникало впечатление полной убогости. Люди в телевизоре, молодые люди — заметь! — вели себя, как заводные куклы. Говорили неестественно, двигались неестественно, радовались, злились, ругались — все понарошку. Ты скажешь: потому что перед ними объективы были

установлены? Ерунда! К объективу человек привыкает через сорок минут, если ничего не делает, и через пятнадцать, если занят делом. Это проверено опытом многих. Может быть, потому что они сами по себе были убогими, неразвитыми, глупыми? Тоже чушь — каждый человек интересен. Наши также звезд с неба не хватают. Участники проектов наших предшественников выглядели марионетками, потому что их ставили в искусственные условия. Создавали совершенно неестественные обстоятельства. Им не надо было думать о том, о чем думают люди в реальной жизни. В том числе и артисты. Ведь, кроме того, как они будут выглядеть, как будет звучать их голос, как поставят свет осветители, не собьется ли с ритма подтанцовка, они думают о массе других мелких и крупных житейских вещах. Жизнь артиста не ограничивается репетициями, общением с визажистом и концертами. Она многообразнее и объемнее. И этот объем нужно показывать. Любовь, ненависть, страх, размышления о смысле жизни... Страх не перед сценой или жюри, а перед ужасами жизни. Любви у нас полно, ненависти тоже — все это мы благополучно зафиксировали и красиво обработали. Страху нам не хватало. И работы мысли тоже. И вот появился прекрасный повод, для того чтобы они тоже проявились. Поэтому я и включила в сценарий реальное событие.

— Прекрасный повод? — ужаснулся Барчук. — Ты это серьезно говоришь?

— Можешь считать меня монстром, — грустно хмыкнула Марфа. — Конечно, наша профессия отложила на меня определенный отпечаток. Да, я прежде думаю о деле, хотя скорблю о Вене очень сильно. Но скорбь — это эмоция. Она не должна влиять на качество работы. Какой будет толк оттого, что я буду рвать на себе волосы, рыдать или беспробудно пить горькую?

— Да, конечно... — растерянно пробормотал Барчук. — Но если следовать твоим принципам, то, может быть, лучше если бы ты не скрывала своего горя от ребят, а они, глядишь, и проявили бы сочувствие. Любовь была, страх будет, давай и эту краску человеческого бытия покажем.

— Не терплю, когда меня жалеют, — резко проговорила Марфа. — Пусть я для них так и останусь бесчувственной злодейкой, которая только и думает о том, как бы всех выпихнуть из шоу.

— Как знаешь, — сказал Барчук. — И каков сценарий завтрашней экзекуции?

— Завтра я толкну речь, — сказала Марфа. — И столкну всех лбами. При этом по плану они должны готовить ансамблевые номера. То есть будут собраны в малые группы. Будет и страх, и работа мысли. И нервозность. Посмотрим, как они в таких обстоятельствах смогут работать.

— М-м-м... Сталкивать лбами, я полагаю, ты будешь классическим способом Агаты Кристи. После твоей речи все начнут подозревать друг друга.

— За что я тебя люблю, Григорий, так это за твой пронизательный ум, — сказала Марфа. — Но ведь на самом деле даже самому скудоумному мыслителю понятно — преступник находится среди нас. Не было и быть не могло посторонних людей в здании, когда убили Вениамина и когда столкнули с крыши Мушкина. И как бы я ни радовалась поводу выявить у наших артистов дополнительные эмоции, по сути, нам тоже следует трястись от страха. Вдруг это действительно маньяк?

— Значит, слух о маньяке распространила ты? — воскликнул Барчук.

— Да нет, не я, — ответила Марфа. — Но мне кажется, слух этот небезоснователен. Веню не за что было убивать — это я знаю абсолютно точно. Все его финансовые дела вела

я.

— Убивают не только из-за финансов, — сказал Барчук.

— Конечно. Еще за знания и поступки, — согласилась Марфа. — Вениамин ничем не интересовался и не занимался, кроме поэзии. И все время находился в поле моего зрения. Вот уже семнадцать лет.

— Ну, иногда же ты все-таки отворачивалась, — невесело рассмеялся Григорий. — В душ ходила, кофе варила...

— Ты не понимаешь, — грустно сказала она. — Мне не нужно было находиться рядом, чтобы знать, где он и что с ним происходит. В любую минуту меня можно было спросить, и я бы ответила: грустит ли он, работает ли, накатило на него вдохновение или, наоборот, тоска, болит ли у него зуб или его угораздило засмотреться на длинноногую красотку. И я точно уверена, что врагов у него не было. Я бы чувствовала, если бы они были. И это не шутка, Гриша. Между нами, действительно, была какая-то мистическая связь. Он и сейчас со мной. Только вот мертвый, он чувствует себя не лучшим образом. Что-то его тревожит...

— Странно было бы, если бы он хорошо себя чувствовал, — нервно хмыкнул Барчук.

— Оставим это, — жестко проговорила Марфа. — Хочу тебе напомнить еще кое о какой детали сценария. А именно о любовной линии. Сейчас нашему зрелищу ее явно не хватает. Ведь нельзя же назвать любовью то, что происходит между участниками проекта. Все эти хождения в обнимку — пошлость и банальность. И вздохи Петрова, тоже погоды не делают. Вот если бы Кошелкина была влюблена в какого-нибудь Вацуру, и Петров вызвал Вацуру на дуэль...

— Тебя по-моему, занесло, — хмыкнул Григорий.

— Не знаю, — решительно проговорила она. — Но любовной линии с элементами драматизма нам явно не достает. На одной криминальной теме долго не продержишься. Зритель заскучает.

— И что ты предлагаешь?

— Пора тебе включаться в игру, — ответила она.

— Что я должен делать?

— Влюбить в себя парочку девиц, — сказала Марфа. — Одну красотку, одну — Золушку. Пусть они немного пострадают. Полагаю, для этих ролей вполне подойдут Аня Ласточкина и Глория Кошелкина.

— Ласточкина?... — протянул Григорий.

— Ну, не хочешь Ласточкину, возьми Оксану Лободу. А насчет Кошелкиной ты не возражаешь?

— О Боже! — простонал Барчук.

«Вот, значит, как, — с обидой подумала Глория, сидя на корточках за кактусом. — Значит, мы им кролики подопытные. Эмоции они наши подглядывают, а потом... как она сказала? Красиво обрабатывают? Ну, конечно, все на продажу. Даже наши чувства. «Влюбить в себя парочку девиц...» Злыдня она изображает! Злыдня и есть. И еще хуже. Ох, права была бабушка, не надо было сюда ехать. Но ведь Григорий так уговаривал! Как можно было не поддаться? А вот про мистическую связь между нею и покойником очень интересно. И еще вот что хотелось бы знать: какие чувства она испытала, когда узнала о том, что Мушкин разбился?»

АКТ второй

«На чем я остановился?»

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

Алексей Викторович Перепелкин — следователь городского Управления внутренних дел, молодой человек двадцати восьми лет от роду, женатый, имеющий двоих детей, проснулся этим ранним утром, к своему удивлению, не в своей постели. Удивление, впрочем, быстро прошло: он вспомнил вчерашнее неудачное дежурство, когда ему в половине первого ночи пришлось вылезать из своего теплого и уютного кабинета (и не просто из кабинета, а из-под теплого пухового одеяла, которое в урочные часы покоилось на дне большого сейфа типа «шкаф», а в ночные — использовалось дежурными следаками по назначению, благо диван в кабинете имелся) и отправляться в поселок Репино Курортного района. Будь неладны такие ночи! Жена очень удивится, когда он не вернется домой к девяти. Да что там удивится — скандал закатит! И близнецы ее поддержат с превеликим удовольствием — они ведь на выставку пресмыкающихся с утра собирались пойти. И теща поддержит, если жена ей позвонит и пожалуется на такое его поведение. И ведь не объяснишь ни жене, ни шестилетним пацанам, ни, тем более, теще, что на него повесили дело чрезвычайной важности, а также сложности, с которым возиться он будет, наверняка, не один месяц. Можно, конечно, не возиться. Можно отписать дело в разряд несчастных случаев — и баста. Это можно было даже вчера сделать. Но Алексей Викторович был вовсе не из породы тех следователей, которые авторитет свой зарабатывают отписками. Ответственным отношением к делу зарабатывал авторитет Перепелкин, а также пронизательным умом, силой воли и логики. Трудолюбие ему также было не чуждо. Поэтому, понимая, что утром все равно придется посещать пансионат, где обосновалась телевизионная братия, он решил не возвращаться в город и остался ночевать неподалеку от места происшествия, а именно в комфортабельном номере, который ему с радостью выделили организаторы шоу «Звездолет». А чего бензин жечь зазря? И не казенный, между прочим, а свой. Хоть и частично оплачиваемый родной конторой.

Спалось Перепелкину, как ни странно, хорошо. Может быть, сказалась усталость: с утра был обычный рабочий день — суматошный и набитый под завязку делами, а потом, такое вот беспокойное ночное дежурство. А может быть, сказывались молодость и здоровый организм, привыкший к нерегулярному питанию, поездкам в морг, истерикам потерпевших и свидетелей и прочим прелестям нелегкой следовательской жизни, радующейся любой минутке отдыха, как манне небесной. В общем, Алексей Викторович хорошо выспался и был готов к труду и обороне. То есть к расследованию неприятного преступления. Конечно, все преступления неприятные. Но здесь был случай особый. Погиб Игорь Мушкин — толковый следак и хороший парень. С Мушкиным Алексей университет кончал, вместе начинали работать в районе, потом дружно перешли в городское УВД. Игорь всегда опережал Алексея на «полноздри»: и курсовые у него лучше выходили, и диплом он покруче написал, и практической работой начал заниматься раньше. В аспирантуру вот поступил недавно, а Перепелкин только собирался в нее в будущем году поступать. Вот и смерть раньше словил. Безвременная гибель следователя — явление достаточно редкое. Гибнут опера, спецназовцы, агенты под прикрытием, осведомители, судьи, наконец. А следователь — должность

относительно безопасная. Может быть, потому что считается — со следователем всегда договориться можно? А с кем, с другой стороны, нельзя? Но Алексей был твердо уверен: с Игорем никто и никогда договориться не смог бы. Может быть, поэтому он и упал с крыши. Накопал что-то и упал. Но если так, то и следствие по делу убийства (предположительно заказного) Вениамина Молочника, а теперь следствие по делу Игоря Николаевича Мушкина не кажутся такими уж безнадежными. Если Игорь что-то раскопал, то и Алексей раскопает. Он ведь всегда след в след за ним ходил. Хоть и чуть запоздало...

Перепелкин с удовольствием принял душ, побрился, выкурил пару сигарет «Житан» и проснулся окончательно. Только подумал о вожденной чашечке кофе, как в дверь постучали, и человек, который провожал его сюда вчера, заискивающим тоном объяснил, как найти бар на этаже, где можно выпить бодрящего напитка, причем, для работников управления внутренних дел совершенно бесплатно. Ну а завтраки а ля «шведский стол» тут подают внизу — на первом этаже в левом крыле. Тоже, безусловно, безвозмездно. Для непонятливых — то есть даром. Алексей Викторович поблагодарил, заботливый человек испарился, а следователь засвистел бодрую мелодию. Скорби отведем место потом, подумалось ему. Сейчас нужно ковать железо, пока горячо. А именно? План созрел у Перепелкина еще вчера, когда он проводил краткие беседы с продюсерами, режиссерами, ведущими и немногочисленными участниками шоу, которые, прослышав о несчастье, выбрались из своих норок-номеров. «Многочисленными», потому что выбрались всего четыре человека, а если верить организаторам, их аж тридцать. Остальные двадцать шесть то ли спали и ничего не слышали, то ли не захотели по каким-то причинам выйти. План заключался в том, что следовало ненавязчиво внушить всем присутствующим в пансионате следующую мысль. Игорь Николаевич Мушкин напал на след преступника, убившего Вениамина Молочника, отыскал почти неопровержимые улики, зафиксировал результаты всех своих изысканий на бумаге. Бумаги Мушкина и улики, изобличающие преступника, находятся в опечатанном теперь номере покойного. Хотя ничего интересного в бумагах Игоря нет и в помине, а уж улик и подавно. Но пусть преступник подергается. Для начала... А потом, глядишь, и на решительные действия отважится. В том, что преступник, убивший Молочника, находится в пансионате, Перепелкин не сомневался. Вчера, несмотря на усталость и поздний час, он все-таки просмотрел видеозаписи «охранки», на которых были зафиксированы перемещения через все входы в здание. Начальник охраны божился, что никто посторонний на пленке не мелькал. Следовательно? Следовательно, преступник был свой. Перепелкин не остановился и попросил видеозапись дня и вечера, оказавшихся последними для Игоря Мушкина. Та же картина. Входили и выходили только свои. Оставалось совсем немного: вычислить из толпы примерно в двести человек одного-единственного нехорошего субъекта. Редиску, сволочь, гадину, отморозка! Алексей Викторович опомнился и заставил себя остановиться. Эмоции делу только вредят. Это потом, когда правосудие восторжествует, он даст волю чувствам. А сейчас — спокойствие, собранность, внимание и мобильность. Возможно, время работает на преступника. В таком случае, часов пять уже упущено. Но ничего. Определим гадину в интеллектуальной сфере...

В зале, где был накрыт «шведский стол», было, к удивлению Перепелкина, пусто. То ли он пришел слишком рано, то ли здесь вообще не было принято завтракать. От избытка яств у Алексея Викторовича слегка закружилась голова. Чего здесь только не было. Начиналось с овсянки, заканчивалось омарами, грибами в сметане, бутербродами с палтусом холодного копчения, красной и черной икрой, перепелиными яйцами в майонезе, курицей в кляре... да

что там говорить! Десяти листов протокола не хватило бы, чтобы описать все меню «шведского стола». Напитков спиртных, правда, не было. Но Алексей Викторович не слишком расстроился. Он вообще не был большим любителем выпивки, а уж с утра тем паче. Не привыкший обильно завтракать, он положил на тарелку пару бутербродов с сыром и ветчиной, не удержался, конечно, и от бутербродика с черной икрой, налил в большой бокал апельсинового сока и в большую чашку — кофе из красивого пузатого кофейника, расписанного красными маками. Поглотив все это, он с тоской взглянул на обилие закусок, пожалел о том, что все это пропадет ни за что, и поднялся, чтобы взять пару пирожков и налить еще кофе, который здесь был выше всяких похвал.

— Вкусно, правда? — тоненький, радостный голосок отвлек Алексея Викторовича от эпикурейского наслаждения. Он оглянулся. Перед ним стояла пышнотелая, круглолицая девушка и радостно его разглядывала. — Что же вы стесняетесь? Набирайте побольше. А то все равно пропадет. У нас тут почти никто не завтракает. Дай бог, к репетиции просыпаются. Кофе попьют на своих этажах — и на работу.

— Отчего же так? — вежливо осведомился он.

— Поздние возлияния не способствуют раннему пробуждению, — изрекла пышечка недурственный афоризм. — А уж кусок в горло после пьянки точно с утра не полезет, — добавила она менее изысканно.

— Да, пожалуй, — не стал спорить Перепелкин... — А вы, значит, ведете здоровый образ жизни?

— Конечно, — кивнула девушка и в доказательство сказанного стала накладывать в свою тарелку все, что только было можно. Когда горка из продуктов угрожающе покачнулась, пышечка поставила тарелку на близстоящий столик, взяла новую посудину, и процедура повторилась. Отсутствием аппетита сия прекрасная особа явно не страдала.

— А все остальные, значит, выпивают, — уточнил дотошный Алексей Викторович.

— Ага, — беспечно ответила она, отправляя изящный пирожок в рот. — Расслабляются. У нас тут, правда, «сухой закон», но есть один канал, по которому всегда можно бутылку вина дешевого достать и банку пива. Ну или водки. На коньяк и шампанское мы пока еще не зарабатываем. А вы меня не помните? А я вас вчера видела. Когда вы с Гришей Барчуком разговаривали. После всего этого ужаса. Я знаю — вы следователь. Из района или из города?

— Из городского управления внутренних дел, — вежливо улыбнулся Перепелкин. — А вы — участница шоу? Или работаете в съемочной группе?

— Конечно, участница, — пышечка повела тугим плечиком. — Работать в этом гадюшнике я никогда не согласилась бы. Какие тут люди — просто мрак один! Гримерши грубые, костюмерши пуговицу пришить ленятся, операторы вообще матерятся. Представляете? На артистов матерятся. И это питерское телевидение! А вы уже продвинулись в вашем расследовании?

— Более менее, — уклончиво ответил Алексей Викторович. — Вот мой предшественник продвинулся. За что, наверное, и пострадал.

— Я тоже так думаю! — воскликнула девушка и крошки из ее прелестного ротика полетели во все стороны. В том числе и на джемпер следователя. Дабы не раздражать потенциальную свидетельницу, он не стал их стряхивать. — Он ведь не сам упал, это ребенку ясно.

— Почему? — Перепелкин слегка приблизился к пышечке, что, как было написано в одном учебнике психологии, должно было показывать собеседнику обещание доверительных

отношений.

— Ну... — пышечка выдвинула губки в искренней, как было видно, задумчивости. — Ну, во-первых, с чего бы это ему падать с крыши ни с того, ни с сего?

«А ведь и верно, — с печалью подумал Перепелкин. — Она права. Как говаривал господин Воланд, кирпич просто так с крыши не падает. А человек? Тем более».

— Во-вторых, — продолжила девушка свою мысль, не забывая насыщать свой молодой организм, — оттуда не может упасть даже тот, у кого напрочь отсутствует координация движений.

После этой трудной фразы она смолкла надолго, старательно пережевывая пищу и отпивая то из бокала с соком, то из кружечки с молоком.

— Вы это знаете наверное?^[2] — спросил Перепелкин, дав возможность девушке насладиться процессом вкушения яств.

— Почему наверное? — обиженно ответила она. — Я точно знаю. Там забор вокруг — метр, если не больше. Ну, вот вы упадете, если перед вами такая вот ограда? Да вам еще нужно будет постараться, чтобы через нее перемахнуть.

— Да, вы, безусловно, правы, — проговорил Алексей Викторович. — А вы сами эту ограду видели? Как она — крепкая? Может, расшаталась в том месте, откуда Игорь Николаевич упал?

— Непоко... бе... непоколебимая! — гордо выговорила девушка. — Танк не прошибет. Я когда первый раз туда пошла, трусила страшно. А как это ограждение увидела, так все страхи прошли.

— Интересно там, наверное, — мечтательно произнес Перепелкин. — Обожаю крыши. А вот вчера не поднялся, когда там эксперты работали. Подумал, что при дневном свете лучше все рассмотрю. А что делают на крыше такие красавицы, как вы? Назначают свидания возлюбленным?

— Ага, — пышечка вдруг испуганно заморгала и впилась в бутерброд с горячей осетриной.

«Хм», — подумал Перепелкин, поднялся и налил себе еще кофе. Меж тем девушка-пышечка вполне пришла в себя.

— Кстати, — мило хихикнула она. — Мы с вами так долго разговариваем, а еще не познакомились. Меня Лена зовут, а вас?

— Алексей, — Перепелкин слегка боднул головой. — Капитан.

— Ничего, не расстраивайтесь, Алексей, — покровительственно улыбнулась Лена. — Вот раскроете это дело и майором станете.

— Я в этом не сомневаюсь, — Алексей Викторович улыбнулся в ответ. — У вас, Лена, во сколько сегодня репетиция начинается?

— В одиннадцать, — ответила она. — Но до этого Марфутка будет речь толкать перед всеми. Накачивать, на работу настраивать. Репетиции всегда с ее руготни начинаются.

— Марфутка? Кто это? — Перепелкин сделал вид, что слегка удивился.

— Мегера, — презрительно скривилась Лена. — Гестапо. Самая главная злыдня. И фамилия у нее подходящая — Король. Она тут парадом командует. Думает, если на нас не поорет с утра, мы не раскачаемся. Но, может, она и права. наших тормозов только вопли и разбудят.

— Угм... — кивнул головой Перепелкин. — Леночка, но тогда у нас с вами куча времени. Может быть, вы окажете мне честь и проводите на крышу. Что-то мне не хочется

тревожить официальных лиц.

На лице у девушки промелькнуло что-то вроде испуга, и это обстоятельство не укрылось от внимания Алексея Викторовича. Но она удивительным образом справилась с волнением, изобразила радостную готовность и кивнула.

— С удовольствием, — воскликнула она, впрочем, изрядно стараясь. — Вам понравится. Там, конечно, лучше всего ночью гулять. У нас там телескоп стоит из самой Пулковской обсерватории. Можно на звезды глядеть. Это такая красотища! Простым глазом можно много звезд увидеть — это при ясной погоде если. А в телескоп их в сто раз больше. Представляете?

— Никогда не видел звезды в телескоп, — искренне признался Перепелкин. — Но думаю, все впереди. А там — на крыше, часто ребята гуляют?

— Да постоянно, — беспечно отозвалась Лена. — Вы увидите. Банок там из-под пива, мусора — куча. В телескоп всем интересно поглазеть. И вааще, на крыше посидеть, потискаться — так романтично... У нас примета — если свиданка на крыше, так точно после в койку полезут.

Алексей Викторович внутренне передернулся. Хоть он и не был красной девицей, но такие выражения его коробили.

— Лен, — произнес он доверительным баритоном, — что же получается? Моему коллеге Игорю Мушкину тоже кто-то назначил свидание на крыше?

— Вот это я не знаю, — в голосе Лены звучала готовность, но тонкий слух Перепелкина уловил в этой готовности нрочитость. — Но я точно знаю, что примерно в то время, когда ваш товарищ упал с крыши, там должна была находиться одна из наших артисток. И один наш артист.

— Да вы просто кладезь информации для следствия, — радостно произнес Перепелкин. — С вашего позволения, вы меня проводите на крышу, а по дороге все расскажете...

*«Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей...»*

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

На душе у Барчука было гадко. Так он не чувствовал себя давно. С тех пор, как пятнадцатилетним пацаном перепил у деда самогонки, а на следующий день безумно трещала голова и хотелось повеситься. Вот и сейчас тоже. И голова трещала, и повеситься хотелось. Кому расскажи — популярный артист, не бедный человек, принц богемной тусовки, один из «секс-символов» России и ближайших загранич, любимец публики, особенно женской ее половины, повеситься хочет. Какого, спрашивается, ему рожна не хватает? «Такого рожна и не хватает, — сказал он себе, — что я не сволочь, не подлец и не проститутка. И за гроши не продавался, когда считал, что маячит перспектива окунуться в дерьмо. А что теперь? Эта перспектива уже нарисовалась или еще нет?»

После разговора в «ботаническом саду» Марфа позвала его к себе в номер. А потом — просто и буднично — в постель. И он пошел. И в номер, и в постель. Перед постелью была выпита бутылка виски. На трезвую голову Григорий даже прикоснуться к Марфе в эти дни не решился бы. Да и после выпитого им виски ей пришлось проявить инициативу, чтобы он начал вспоминать основы любовного искусства. Непостижимая все-таки женщина — Марфа. Барчук искренне ее не понимал. Несколько дней назад убили ее мужа. Ладно, она работу не забросила после этой трагедии. Но ведь не забросила она и других радостей жизни. «Может быть, я слишком консервативен, — думал Барчук. — Может быть, это глупый предрассудок — считать, что после смерти любимого супруга вдова должна быть безутешной и носить траур со всеми вытекающими отсюда последствиями. Может быть, Гертруда — вполне нормальная женщина, вопреки занудному морализаторству шекспироведов и моим замшелым взглядам».

Через некоторое время после мучительных раздумий за утренней чашкой кофе он признался себе, что на самом деле проблема заключалась вовсе не в Марфе. Проблема заключалась в нем, Грише Барчуке — сердцеде и жизнелюбе. Он был влюблен и не видел в ней ни малейшего изъяна — и когда она перед окружающими корчила злыдню, и когда, распустив шелковистые каштановые волосы, ласково-задумчиво смотрела на него, и когда жаловалась своим низким, грудным голосом на то, как трудно ей жить в гармонии с собой и миром, как жаждет она совершенства во всем, и как оно недостижимо... Пока Вениамин был жив, Григорий терзался нешуточной ревностью. Ему бы радоваться словам Марфы «на данном этапе своей жизни я сплю только с тобой», а он изнывал от тоски. Григорию было мало этого «сплю», мало было своей единственности в ее ночной жизни. Он хотел слышать «люблю». Но Марфа, словно угадывая его желание, не уставала каждый день, вернее, каждую ночь повторять: «Я люблю своего Веньку. Он не виноват, что мне с ним совершенно неинтересно заниматься сексом...» Ах, кому рассказать, но ведь Гриша однажды после очередной такой фразы молча возопил к Богу: «Господи, пусть со мной тоже будет неинтересно заниматься сексом, пусть я даже стану импотентом, только бы она меня полюбила!» Потом, конечно, он опомнился и сообразил, что слегка погорячился, и Богу об этом сказал, прости, мол, Боже, что-то меня сегодня не тда занесло, но ведь что было, то

было!

Потом Вениамина убили. После его смерти Барчук пребывал в путаных чувствах. Он понимал, что ночное общение с Марфой теперь закончится надолго — нельзя оскорблять память покойного. Одновременно с этим пониманием надежда вспыхнула с яростной силой — теперь ничто не мешает ей сказать «люблю» ему. Пусть не сразу, пусть когда-нибудь. Ведь его нельзя не полюбить, ни одна женщина до сих пор не устояла против его мужественных чар. Но все складывалось вопреки представлениям Григория. Марфа и после смерти любимого супруга относилась к ночным встречам с Барчуком легко, а вот сердце ее по-прежнему принадлежало Вене Молочнику. Только теперь мертвому Вене...

Предыдущей ночью она отдалась ему с прежней силой страсти, а его мучило ужасное чувство вины. Перед мертвым и по-прежнему любимым ею Вениамином. Он до того измучился, что под утро увидел совершенно бредовый сон: они лежат с Марфой, обнявшись, а перед ними стоит улыбающийся Веня, смотрит на них добрым и совершенно безответным взглядом, а затем осеняет обнявшуюся парочку крестным знаменем. Сон был подробен в своих мелочах и потому похож на явь — Барчук слышал скрип половиц под ногами Молочника, его тихое дыхание и, казалось, даже чувствует запах его пота. А проснувшись утром, Григорий понял, что давно ему не было так тошно.

В бар, где он пил свой утренний кофе, вошла Марфа.

— Головка бо-бо? — поинтересовалась она своим обычным «дневным» тоном — сухим и деловитым. — Что-то видок у тебя совсем не форматный. Сходил бы в сауну что ли, пока я беседы беседовать с гавриками буду.

— Угу... — слабо кивнул Барчук. — Мне сегодня твой Веня приснился.

— Ну и что? — пожалала она плечами. — Мне он тоже приснился.

— Он нас благославлял, — сказал Барчук.

— Гриша, сходи в баню, — недовольно поморщилась она. — Ты сегодня очень-очень не в форме. Почему ты думаешь, если он нас перекрестил, то уж сразу и благословил?

Григорий опешил.

— Ты тоже это видела? — внезапно осипшим голосом спросил он. — Разве людям могут сниться одинаковые сны?

— Ну, приходят же людям одинаковые мысли в голову, — небрежно проговорила Марфа. — И не забывай, дух Вениамина еще не упокоился и имеет власть над живущими. Может быть, ему захотелось явиться нам во сне в одно и то же время.

— Ты это серьезно? — Барчук иронично оттопырил нижнюю челюсть.

— Серьезно, серьезно, — кивнула она и достала из портфеля несколько листков. — Иди в баню и прочитай там сценарий. В полдень начинаем съемки. Попробуй опоздать!.. И не забудь про роман с юными «звездами».

«Непостижимая женщина», — в который раз за последние дни подумал Григорий.

*«Он был вчера или позавчера
С таким-то и таким-то, там и там-то...»*

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

Мусора на крыше было, действительно, много. Алексея Викторовича, у которого сердце кровью обливалось, когда он видел, как окурок или фантик бросают прямо на тротуар, передернуло от вида такой свалки. И ведь как эта свалка не гармонировала с грандиозным и одновременно изящным творением рук и ума человеческого — гигантским телескопом, нацеленным в небеса!

— Круто, да? — Лена заглянула Перепелкину в глаза. — Вы ночью сюда приходите — не пожалеете.

— И что же, Леночка, сюда пускают беспрепятственно? — спросил он. — Приходи, кто хочешь, пользуйся техникой?

— Конечно, — ответила она. — Это ведь для нас поставили. Правда, иногда здесь съемки проводятся. А в свободное время нам разрешается здесь отдыхать. Душой, — добавила она, подумав.

— Понятно, — кивнул Перепелкин и отправился обзирать пространство. Площадка вокруг телескопа была абсолютно ровной — ни скатиться ненароком, ни поскользнуться здесь было практически невозможно. Он подошел к ограждению и проверил металлические прутья на прочность. Укреплена ограда была фундаментально — ничто даже не дрогнуло под его усилием. Последние сомнения улетучились — Игоря Мушкина не просто столкнули отсюда, его сбросили, приложив определенную силу и использовав некие специфические умения. — Понятно, — повторил он. — Итак, Леночка, вы говорили, что знаете точно о свидании, которое было назначено как раз на то время, когда погиб мой предшественник.

— Да, — с готовностью кивнула Леночка. — Здесь было свидание Ежика с Крошкой Лори.

— Ежик — это?... — подбодрил Перепелкин девушку.

— Это Сережа Петров. Очень талантливый мальчик, хотя немного странный. Вы знаете, он раньше компьютерами занимался, а эта публика вся сумасшедшая. А Крошка Лори — Глория Кошелкина. Так себе, ничего особенного. Ни кожи, ни рожи, ни голоса. Совершенно непонятно, как она в фаворитки Барчука попала. Он-то ее сюда и пропихнул и сейчас за нее горой стоит. Втюрился, наверное. Хотя он и с нашей Марфой роман крутит. Казанова, блин... — Леночка презрительно повела плечом.

— Угу... — пробормотал Перепелкин, едва удержавшись, чтобы досадливо не поморщиться. Ну, не любил он такие вот разговоры, что тут поделаешь. — Значит, вы уверены, что здесь около ноля часов по московскому времени состоялось свидание Сергея Петрова и Глории Кошелкиной.

— Конечно! — воскликнула она. — Я сама видела, как они по лестнице поднимались. Сначала она пробежала, а потом уже и он.

— А больше никто по лестнице не поднимался? — спросил Алексей Викторович.

— Ни одна душа, — клятвенно заверила Лена.

— Значит, вы не видели, как на крышу поднялся Игорь Николаевич Мушкин?

— А? — растерялась девушка.

Перепелкин терпеливо повторил свой вопрос.

— А, нет, конечно, — ответила она, но растерянность в ее взгляде не пропала. — Он, наверное... это... раньше поднялся... Или позже. Я ведь потом ушла. Чего бы я им стала мешать!

— Ну да, ну да... — понятиливо закивал Алексей Викторович. — А вы там что собирались делать?

— Где? — во взгляде девушки была уже не растерянность — испуг.

У Перепелкина стали закрадываться нехорошие сомнения. Что же это она так простого вопроса пугается?

— На крыше, — как можно спокойнее, произнес он.

— А... это... отдохнуть хотела, — после некоторой заминки ответила она.

— Душой?

— Да. Душой. На звезды хотела посмотреть. Это очень успокаивает, знаете, все суетные мысли уходят прочь.

Последнюю фразу она явно от кого-то слышала, подумалось Алексею Викторовичу. Он уже не сомневался, что в рассказе девушки чего-то не хватает. Наверняка она видела еще кого-то. Может быть, она вообще была свидетелем преступления, а теперь боится в этом признаться?

— Леночка, а что вы делали потом? — спросил он. — Куда пошли?

— К себе, куда же, — девушка попыталась придать своему голосу уверенность. — Пошла к себе, душ приняла, спать собиралась ложиться, а тут крики, топот. Высунулась из номера, а мне говорят, что следователь с крыши упал.

— Кто сказал? — быстро спросил Перепелкин.

— Чего? — вздрогнула она.

Перепелкин повторил фразу медленнее.

— Ой, ну разве я запомнила? — махнула она рукой. — Кто-то сказал из ребят. Или из девчат? Нет, не помню.

«Странно, — подумал Алексей Викторович. — Это что же за сарафанное радио такое? Упал Мушкин с крыши. Первым оказался у трупа Барчук. Потому что видел с пляжа, как падает тело. Он позвонил по мобильнику Марфе Король, и та с охранниками примчалась на место происшествия. Вчера она утверждала, что по дороге она никому не говорила о случившемся. Дети и члены съемочной группы сидели по своим номерам — эта «мегера», как ее называет пышечка, ввела драконовские законы: после двенадцати никаких прогулок, все спать обязаны. Конечно, она не проверяет каждую кроватку, как ясельная няня, и неизвестно, чем народ в номерах занимается. Однако по коридорам никто не гуляет. Тем не менее, когда наша группа подъехала, возле трупа собралась целая толпа из обслуживающего персонала, телевизионщики и четыре артиста. Вернее, две артистки, в их числе — Леночка и два мальчика. Король не в силах была их выгнать обратно, или ей было не до этого, она сделала это только в нашем присутствии. Как могла просочиться информация? Кто-то из четверых увидел падающее тело из окна? Невозможно, окна номеров выходят на противоположную сторону. Слышали, как продюсер разговаривала с охраной? Тоже невозможно — ее апартаменты находятся ниже, чем номера артистов и телевизионщиков. Что из этого следует? Что не все находились в номерах. Ну, конечно, не все. Сережа Петров и Глория Кошелкина, если верить пышечке Лене. Кстати, этих ребят возле трупа не

наблюдалось. А можно ли верить пышечке? Артисты — свидетели никудышные. Из-за ревности, зависти, конкуренции могут и оклеветать невинного человека. А вдруг это как раз Лена была на крыше, когда произошла трагедия? Сбросить его она вряд ли могла. А вот что-то видеть — вполне...» Он подошел к телескопу, погладил блестящую поверхность корпуса и как бы невзначай спросил:

— Леночка, а вот предыдущей ночью телескоп в таком же положении находился?

— Да, — уверенно ответила она.

— И вот эта штучка точно так же торчала?

— По-моему, да, — задумчиво проговорила она. — Но к ней я особо не приглядывалась. Вот труба точно так же торчала.

«Да здравствует наивность, которая еще существует», — подумал Алексей Викторович.

— Значит, вы все-таки поднимались на крышу, — грустно произнес он. — До или после того, как туда поднялись Петров и Кошелкина? Вы любите гулять по крышам в одиночестве? Или у вас там тоже было назначено свидание? С кем? Уж не с Игорем ли Мушкиным?

— Что? — девушка задохнулась, а лицо мгновенно покрылось красными пятнами. — Я... я не поднималась... То есть... То есть я поднялась, а потом...

— Леночка, вводить в заблуждение следствие нехорошо, — столь же грустно проговорил Перепелкин.

Пышечка некоторое время растерянно и в то же время задумчиво пыхтела. Усиленная работа мысли явственно читалась на ее кругленьком и слишком полном личике.

— Хорошо, — наконец кивнула она. — Хорошо. Я скажу. Да, я поднималась. Да, я видела Мушкина. Он о чем-то разговаривал с ребятами. И я не могу сказать, что они мирно беседовали. Они... Они ругались, вот что!

— Из-за чего? — Перепелкину показалось, что теперь девушка готова выложить всю правду.

— Все знают, что Мушкин подводил Ежика под монастырь... Ой, простите, я хотела сказать, что он нашел много фактов, которые непро... неор... провержимо говорили о том... ну, в общем, что Сережка убил Молочника. И Сережка с Глорией кричали на Мушкина, что это он все нарочно так представляет, а на самом деле Ежик — невинная овечка. Ну а потом... А потом мне надоело слушать, как они ругаются, я поняла, что на звезды уже не полюбоваться, и пошла к себе. Все.

Леночка облегченно перевела дух, а Алексей Викторович, напротив, заволновался. Если эти ребята, действительно, ругались с Мушкиным, то вполне могли в запале с ним и подраться. Но могли ли они справиться с Игорем — обладателем черного пояса по каратэ? Только в одном случае, если они тоже обладают такими поясами.

— Спасибо, Леночка, — проговорил он, вздохнув. — Вы мне очень помогли. Спускайтесь вниз, готовьтесь к репетиции. А я тут поброжу еще немного.

Пышечка с огромным, как показалось следователю, облегчением вздохнула и побежала к выходному люку. А Алексей Викторович Перепелкин стал снова прогуливаться по крыше в поисках хоть каких-нибудь улик, хотя и понимал всю тщетность данного занятия. Пустые банки, бутылки, обертки никак не годились в качестве вещественных доказательств преступления. А больше на крыше ничего не было. Пыль, грязь, следы на гудроновых швах. Они ни о чем не говорили следствию. Он подошел к тому месту, откуда по его расчетам упал Мушкин. Вчера, вернее, сегодня ночью эксперты пытались снять отпечатки пальцев с перил. Отпечатки были, но и они вряд ли помогут. Если крыша была любимым местом прогулок

будущих артистов, то ясное дело, они тут все оставили свои отпечатки.

«Нужно обладать недюжинной силой и сноровкой, чтобы перекинуть через перила чемпиона университета по каратэ. Остается только обнаружить такого человека среди нынешних обитателей пансионата, — думал он. — Есть еще вариант — сработал эффект неожиданности. Но зачем он пошел на крышу? Чтобы поговорить с Сережей Петровым и Глорией Кошелкиной? Красивое имя — Глория... Глория в переводе с латыни означает «слава». Слава вскружила голову бедному Игорю... Господи, о чем это я? Допустим, Игорь что-то обнаружил, до чего-то докопался и полез на крышу, чтобы подтвердить какую-то свою версию? Или тоже, как и Леночка, просто собирался полюбоваться на звезды? Когда в твоём свободном распоряжении телескоп, невозможно отказаться от соблазна посозерцать в него небесные светила».

Сзади послышались неспешные шаги. Перепелкин резко обернулся. К нему направлялся долговязый субъект в красной бейсболке, надетой козырьком назад, в ужасно потертых джинсах и клетчатой вылинявшей рубашке.

— Здравствуйте, — сказал субъект, обошел Алексея Викторовича и направился как раз к тому месту, где разыгралась трагедия.

— Вы кто? — нервно выкрикнул Перепелкин.

Субъект, индифферентно оглядел перила, перегнулся через них, потом стал боковым шагом продвигаться по периметру ограждения. И только через несколько секунд отозвался:

— Работаю я тут. А вот вас что-то не припомню. Вы из обсерватории? Машинку пришли проверить? Чего ей сделается, стоит, как видите, никто не стырил. А вот трос мой, кажется, гикнулся. Что за народ? Кому он мог понадобиться? Еще вчера утром был, а сегодня — тью-тью. Ну, скажите на милость, зачем им трос? К любимой в окно спускаться? И как теперь освещение ставить? Вот придурки!

— Вы здесь трос оставляли? — спросил Перепелкин.

— Ну да, — субъект в красной бейсболке выпрямился. — Думал, чего я туда-сюда его буду таскать, все равно понадобится. А оказывается, его в сейф надо было прибирать. Ну, ворье! Артисты, мать их... Вы кстати, не видали троса-то?

— Нет, не видел, — ответил Алексей Викторович. — Он что — прямо тут валялся?

— Валялся! — хмыкнул субъект. — Закреплен был. Вот на этом самом месте. И не лень было гайки откручивать!

— Вчера утром он был закреплен? — у Перепелкина вспотели руки. — Здесь?

— Говорю же... На болтах. Болты, между прочим, тоже казенные, — махнул рукой нежданный собеседник. — Ну, ворье!..

Алексей Викторович нагнулся к месту, куда указывал хозяин троса. И правда, на перилах виднелись едва заметные царапины.

— А зачем трос? — спросил он рассеянно.

— Так раму на нем укрепляю, на раму — софиты, чтоб вон на ту точку светить, — словоохотливый собеседник указал вниз, где на золотистом песке громоздились огромные валуны. — Вечером там съемка запланирована. Во блин, сейчас раму притаранят, а куда крепить-то? Где я сейчас трос такой достану?

Перепелкин извлек из внутреннего кармана хрустящий от прополаскивания в крахмале носовой платок и нервно стер капельки пота со лба. Наличие троса, если его не «стырили» до полуночи, позволяло выдвинуть еще одну версию картины преступления. Преступник мог появиться за спиной жертвы. И тогда эффект неожиданности, действительно, сыграл свою

трагическую роль. Игорь просто не успел среагировать на действия преступника.

«Да, это больше похоже на правду, — подумал Алексей Викторович. — И тогда, кто бы ни находился на крыше, он был ни при чем. Преступник поднялся на тросе. Если так, то он большой мастер. Но что хотел здесь найти Игорь? Вот в чем вопрос».

«Такие речи бьют наверняка».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

Тридцать человек, выпрямившись и почти не мигая, сидели в двух первых рядах концертного зала пансионата, члены съемочной группы расположились в рядах последних, а по сцене тяжелой и грозной походкой вышагивала Марфа Король и «толкала» речь. В кулисе стоял Барчук и шепотом называл имена участников шоу следователю Перепелкину — подряд, слева направо, сначала первый ряд, потом второй. Алексей Викторович смотрел на ребят в дырочку на занавесе и старался с первого раза запомнить имена в соответствии с лицами.

— Все вы уже знаете, что произошло сегодня ночью, — тем временем говорила Король. — У нас произошло второе убийство. Похоже, что те, кто усиленно распространял слухи о маньяке, обосновавшемся здесь, были правы. Маньяк он или нет, выяснит следствие. Тем не менее, убийца находится среди нас, это очевидно.

— Среди участников шоу? — пропищал кто-то из второго ряда.

— Оксана Лобода, — подсказал Барчук Перепелкину. — Проблемы со вкусом, голос не ахти какой, но имеет какого-то серьезного покровителя. Поэтому не боится бросать реплики Марфе. Другие не осмеливаются. Нет, вру, еще Глория Кошелкина может что-нибудь брякнуть. Но она у нас... за дурочку.

— Не понял, — прошептал Алексей Викторович, вспомнив о том, что Барчук покровительствует этой девушке. С одной поправкой: если верить словам Лены Петрухиной.

Словно в подтверждение этого, Барчук продолжил:

— Славная деваха и талантливая, по-моему. Голос великолепный, но не обработанный еще. Актерские способности тоже есть, но пока не раскрылись в полной мере. И не прижилась она среди этого стада. Слишком уж не похожа на остальных. А по мне, эта непохожесть и ценится в мире искусства больше всего. Но этим недорослям разве объяснишь?

— Не обязательно, — Марфа сердито сверкнула глазами на не побоявшуюся бросить реплику Оксану. — Но это не чужой человек. Либо он работает в съемочной группе, либо в службе, либо сидит среди вас. Чужие здесь не ходят. Еще есть вопросы?

Вопросов пока не было.

— Продолжу, — сказала Марфа грозно. — В связи со всем случившимся настоятельно требую от всех соблюдать осторожность. Не бродить ночами по крышам, не гулять в одиночестве по темным закоулкам. Соблюдать режим, перед сном запираться на замок. Нарушение этих заповедей будет расцениваться как нарушение контракта.

Ни вдоха, ни звука, ни движения в первых двух рядах. А вот на галерке зашептались.

— Второе, — продолжала Король. — Я понимаю, что всем еще после первого убийства было страшно. Но это не повод, чтобы сбегать с поля боя. В свое время мои учителя говорили мне, что артистом можно стать не благодаря чему-то, а вопреки всему. Вы должны работать, вопреки печальным обстоятельствам, хотите вы того или не хотите. Ко мне утром обратилась одна из девушек с просьбой отпустить ее на все четыре стороны. А я ей показала копию контракта. Никто не имеет права уходить из проекта самовольно. Уйдет человек или

останется, решает только жюри. Которое, кстати, приезжает завтра и решит судьбу половины из вас. Так что не волнуйтесь, ждать осталось всего ничего. Никуда ваши коровы от вас не денутся.

Кто-то робко хихикнул.

— Но это невозможно, — прошептал Перепелкин. — Если убийца находится среди них, нельзя никого отпускать.

— Не волнуйся, Леш... — бормотнул Барчук. — В интересах следствия можем их здесь оставить. Это для зрителей они со слезами на глазах и с чемоданами в руках отправятся на свои малые родины. А мы их обратно завернем, если тебе, конечно, это надо.

— Надо, — кивнул Алексей Викторович.

— Далее, — продолжала Марфа. — К завтрашнему дню вы должны подготовить ансамблевый номер. Разбиваетесь на тройки, получаете музыку и текст и работаете. Вся работа записывается на пленку. Вечером — вольные беседы при луне — тоже на пленку. Вопросы?

Вопросов снова не было.

— И последнее, — сказала Король. — У нас тут работает следователь, пришедший на смену погибшему. Надеюсь, он не слишком будет отвлекать вас от работы, но если понадобится, прошу оказывать ему всяческое содействие. Отвечать на вопросы и дурака не валять. Полагаю, вы понимаете, мы все заинтересованы, чтобы убийца был разоблачен как можно скорее. Кстати, обращаюсь к убийце. Бессмысленно убирать сотрудников правоохранительных органов. На смену одному обязательно придет другой. Всех с крыши не перекидаешь.

— Грозна, — вздохнул Алексей Викторович. — Прямо, как наш прокурор. И совершенно не скажешь по ней, что она недавно лишилась мужа.

— С этим воинством иначе нельзя, — улыбнулся Барчук, и Перепелкин понял, что насчет отношений Григория и Марфы Лена Петрухина не солгала. — Ты бы видел, как она их на тренингах строит.

— Надеюсь, что увижу, — сказал Перепелкин. — Вы ведь, Григорий, поспособствуете, чтобы я получил все видеоматериалы? Я смотрел кое-что по телевизору, но далеко не все.

— И далеко не все было запущено в эфир, — кивнул Барчук. — Конечно, Леша, какой разговор. У нас здесь все копии имеются. Кстати, сегодня можешь посмотреть процесс вживую. Встанешь за спиной главного оператора и будешь видеть все его глазами.

— Вообще-то хочется все своими глазами увидеть, — вздохнул Алексей Викторович. — А кто обратился с заявлением об уходе, не знаете?

— Знаю, — ответил Барчук. — Аня Ласточкина. По мне бы, пусть бы и катилась на все четыре стороны. «Звездой» ей все равно не стать — это видно. В лучшем случае ее ждет карьера в группе «бэк». Хотя красива, чертовка. А красота — страшная сила.

Перепелкин постеснялся спросить, что такое группа «бэк», и вспомнил, что одной из девушек, что стояли вчера вечером в толпе зевак, была Аня Ласточкина и выглядела она чрезвычайно испуганной.

«И музыки уроки пускай берет».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

И песня была идиотской, и с партнерами не повезло. Ну, разве можно с такой командой хорошо показаться? Нет, конечно, Ежик очень недурно поет. Но вот выглядеть он мог бы и получше. Мужественности в нем явно не хватает — сопляк какой-то. А крошка Лори? Мало того, что ни кожи, ни рожи, так еще на сцене стоит столбом, не знает, куда руки девать, в ноты не попадает. Как будто не занималась ни актерским мастерством, ни сценическим движением, ни вокалом целый месяц! Да, пролетят они завтра перед жюри, как фанера над Парижем, и поедет она, Лена Петрухина в свой любимый город Казань, не коров, конечно, доить, но горшки выносить за больными тоже радости мало.

— Нет, я так больше не могу! — закричала она, не обращая внимания на камеру, хотя и знала, что в гневе лицо у нее становится некрасивым, а голос на визг срывается. Да черт с ней, с камерой! И не такое уже по телеку показывали, плевать... — Вы бы хоть изобразили что-нибудь для разнообразия! Почему я должна одна по сцене прыгать?

— Не прыгай, — устало произнес Сергей. — Прыжки твои совершенно не соответствуют тексту. Вот почему ты прыгаешь и извиваешься, когда я пою: «Твои грустные глаза цвета пива, ты сегодня в свете звезд так красива»? Глаза грустные, а ты прыгаешь, как коза. Вернее, как слон.

— Сам ты и козел, и слон, — обиделась Пампушка. — Ты ведь это поешь, обращаясь к Лорке. А на меня ноль внимания. Вот я и прыгаю, чтобы ты обратил, наконец, свой взор ко мне. Я сюжет разрабатываю, вас дураков пытаюсь вытащить. Она стоит вся такая грустная и неприступная, хоть и красивая... по тексту. А уйдешь ты в финале со мной, потому что со мной тебе будет веселее. И в свете солнечных лучей я гораздо привлекательнее той, которая красива только темной ночью. «Солнце встанет, грусть пройдет, птицы запоют, и растает лед». Вот так и будем обыгрывать текстовку. Или у вас другие предложения?

Ежик презрительно фыркнул, а Глория молча помотала головой.

— Тогда давайте работать, — потребовала Пампушка. — Может быть, вы и мечтаете свалить из этого шоу, лично у меня другие планы. А вы меня подставляете, как твари последние. Это подло.

— Успокойся, Лена! — воскликнула Глория. — Сейчас мы соберемся. Я просто не успела историю придумать, поэтому еще не включилась. А ты молодец — история хорошая. Правда, Сергей?

— История дрянь и текст дрянь, — сказал Ежик мрачно. — Такой дряни даже Веня себе не позволял. А уж у него барахла хватало. Глаза цвета пива! Можно еще так: твои круглые глаза цвета водки, я отправлюсь за тобой на подводной лодке. Чье это творение?

— Про водку твою, — сказала Пампушка. — Не тебе судить, какая песня раскрутится, а какая нет. А нашу песню сочинил наш новый штатный поэт. Вот же, на листке написано: А. Волк.

— Кто это? — удивился Сергей. — Никакого штатного волка я не видел. Нам вроде бы его не представляли. Или я что-то пропустил?

— Ты вообще все пропустил, — презрительно проговорила Пампушка. — Затворник.

Наверное, только про Глорию все знаешь — куда она пошла, как спала, что ей снилось... Ромео.

— Глупости, — Ежик смутился. — Ты языком-то не мели зря. Хочешь работать — давайте работать. Лично я тоже из шоу не собираюсь вылетать.

— И я не собираюсь, — сказала Глория.

— Но история Пампушки мне не нравится, — упрямо произнес он.

«Ага, не пышечка — пампушка», — отметил про себя Алексей Викторович Перепелкин стоящий за спиной оператора.

— Сколько раз я просила не называть меня Пампушкой! — взвизгнула Пампушка.

— Не буду, не буду, — замахал руками Ежик и решил отвлечь обидчивую Лену Петрухину: — А кто это — Волк?

— Волк — зубами щелк! — злорадно рассмеялась она. — Кто за тобой по пятам ходит? Во-о-олк!..

— Чего ты базаришь? — удивился Ежик. — Никакие волки за мной по пятам не ходят.

— Ага, не ходят! — сощурилась Пампушка. — А Ангелина?

— А... — открыл рот Ежик и тут же с хлопаяющим звуком закрыл.

— Ага, — удовлетворенно кивнула Пампушка. — Вспомнил.

Ежик, действительно, «вспомнил», и настроение его окончательно испортилось. Ангелина (честное слово, он не знал, что она Волк) — молоденькая гримерша оказывала Сергею всяческие знаки внимания. То лишний рекламный пузырек с шампунем в его карман незаметно сунет, то лицо перед самой съемкой начнет «перерисовывать» — чужую работу, между прочим, переделывать, то в кофейне за барную стойку подсядет и нахваливать начнет: ах, Сереженька, какой ты телегеничный, вчера в телевизоре ты лучше всех выглядел. Ежику было ясно, чего надо этой Ангелине. Но, увы, ответным чувством Ежик не пылал.

— Она, значит, еще и стихи пишет, — сердито пробормотал он.

— Неужели не читал еще при свете звезд? — рассмеялась Пампушка. — Она, между прочим, когда все начиналось, в поэтическом кастинге участвовала — у поэтов ведь тоже конкурс проводился, а гримершей так устроилась, с горя, когда победа другому досталась. Они, между прочим, с Молочником «ноздря в ноздю» шли. Но он все-таки победил, понятно, почему.

— Потому что был мужем Марфы? — фыркнул Ежик. — Дура ты, Лена. У него стихи на порядок выше, хоть мы с ним и ругались по поводу его рифм. Он глаголы очень любил в рифме, а это всегда считалось верхом поэтического непрофессионализма.

— Не понимаю, — вступила в разговор Глория, — зачем среди поэтов кастинг проводить? Пусть бы много их в проекте было.

— А деньги как раздавать? — покровительственным тоном сказала Пампушка. — Все-таки темная ты, Крошка... — и тут же исправилась под угрожающим взглядом Ежика: — Лорка. Если большие бабки между многими делить, пшик получится. А для одного — это целое состояние. Поэтому и кастинг, поэтому и один штатный поэт в проекте запланирован.

— Все-то ты знаешь, Петрухина, — проворчал Ежик. — А мы теперь за этого штатного поэта отдувайся. Давайте, я вам обеим буду про грустные глаза петь. И с двоими же уйду. Так будет оптимистичней. И шизовее. И вы друг другу тоже про глаза споете.

— Ну вот этого ты от меня не дожدهшься! — топнула ногой Пампушка, и пол в студии дрогнул.

Перепелкин бесшумно вышел из помещения. В материалах по делу, которые он

обнаружил в номере Игоря, этой информации не было. Ни про большие деньги, которые, оказывается, получает «штатный» поэт, ни про кастинг, ни про А. Волк, которая как никто другой была заинтересована, чтобы Молочник ушел из проекта. А как он мог уйти? Только уйдя из этого мира вообще. В мир иной... Интересно, в чемоданчике гримерши есть место для оружия?

Алексей Викторович успел переговорить с некоторыми участниками шоу и членами съемочной группы и знал, что его предшественник основным подозреваемым в убийстве Вениамина Молочника считал Сергея Петрова, который обнаружил труп. Правда, все были уверены, что следователь просто «шьет» дело за неимением других версий и недостаточностью интеллекта. Но Перепелкин хорошо знал своего коллегу, знал, что Игорь никогда не заикливался на одной версии, не занимался «шитьем» и не страдал отсутствием интеллекта. А то, что выглядел иногда глуповатым, так это объяснялось просто: Мушкин полагал, что человеку его профессии иногда полезно прикидываться простачком, дабы усыплять бдительность преступников и не отпугивать «ученым» видом простых людей. Были или нет у Игоря другие версии, Алексею Викторовичу никогда не узнать — в рабочем блокноте друга ничто на это не указывало. Сухие сведения о свидетелях и возможных фигурантах ничего не проясняли. Последняя запись тоже не наталкивала ни на какие мысли, кроме чисто метафизических. «Есть много, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Почему эту банальную, в общем-то, сентенцию Шекспира Мушкин записал в блокнот, Перепелкин не понимал. Может быть, от усталости и отчаяния?

Лена Петрухина считает, что работать «в полноги» на съемочной площадке подло. На ее языке это означает «подставлять». Но сама она явно «подставила» следователю и Петрова, и Кошелкину. Кто еще может подтвердить, что они в ночь убийства были на крыше? Они сами. Но станут ли они подтверждать ее слова? Пампушка-пышечка явно чего-то боится. И не всегда говорит правду, если не сказать больше. Никто ей о том, что Игорь упал с крыши, сказать не мог. Напротив, это она сказала двум молодым людям, возвращавшимся из сауны в половине первого ночи, что следователь упал с крыши. Все вчетвером они побежали вниз. Ах да, вчетвером. Была еще Анна Ласточкина — длинноногая блондинка, с томным, ленивым взглядом. Ласточкина, которая хочет уйти из шоу по собственному желанию. Дима Краев и Костя Вацура — любители парной — встретили не только Пампушку, но и ее — Аню. Пампушка и Ласточкина направлялись вниз вместе, уже зная о том, что Мушкин упал. Никакой беготни по коридорам, все спокойно сидели по своим номерам в полном неведении. Или беспокойно сидели, но все равно еще ни о чем не знали. Пампушка и Ласточкина, Ласточкина и Пампушка...

Алексей Викторович не успел далеко отойти, как дверь помещения, где репетировали Сергей, Глория и Лена Петрухина, широко распахнулась, и из-за нее, громко топоча, выбежала Пампушка. На глазах ее блестели слезы, а сама она ругалась самыми изысканными выражениями, которые и какой-нибудь грузчик не всегда себе позволит. Через некоторое время выбрались в коридор Сергей, Глория и оператор. Лица у всех троих были донельзя растерянными.

— А что я такого сказал? — жалобно проговорил Сергей. — Она ни на «слона», ни на «козу» не обиделась, а на «аппетитную попу» обиделась. Не понимаю. Я вообще-то комплимент хотел ей сделать, чтобы она успокоилась немного.

— Про попу хорошо вышло, — улыбнулся оператор. — Я думаю, эта сцена в монтаж пойдет. А как слезы у нее брызнули — красота! Я такое только в цирке видел, у клоунов.

— Я тебе когда-нибудь камеру разобью, — сказал спокойно Ежик. — И пусть меня Марфа убивает. Ты иногда таким вещам радуешься, аж страшно.

— Так это же искусство, — примирительным тоном проговорил оператор. — Документальная съемка — высокое искусство.

— Это с твоей точки зрения, Леня, — сказал Ежик. — А людям, которых ты фоткаешь, иногда это искусство может не нравиться.

— Ну... Вы в это дело сами вписались, — возразил оператор Леня. — Никто вас за руку не тянул. И что теперь? Перекур, что ли? Когда она вернется?

— Это у нас перекур, — злорадно произнес Сергей. — А ты иди и ищи ее. Создавай свое документальное искусство. Может, она тебе в камеру и выплachtetся. А то будет тебе от Марфы за простой.

— И то... — бормотнул оператор и, подхватив на плечо камеру, мелкими шагами засеменял в ту сторону, куда только что метнулась Пампушка.

— Ты нарочно ее разозлил? — сердито проговорила Глория, когда оператор скрылся за поворотом коридора. — Хочешь завтра провалиться?

— Я хотел ее в чувство привести, — жалобно ответил Ежик. — Ведь она дергается, как мочалка на флагштоке. Разве ты не видишь?

— Ты бы на ее месте не дергался? — еще больше рассердилась Глория.

— Я и на своем месте дергаюсь, — сказал он. — Но ведь никто съемки даже в свете новых событий не отменял. А я не хочу вылетать. Мне еще во многом разобраться надо.

— Нам всем надо разобраться, — сказала она. — Вон следователь стоит. Не вздумай перед ним дергаться. Ты вчера крепко спал в номере, а о смерти Мушкина только сегодня услышал.

— Конечно, — сказал Ежик. — Что я дурак?

— По-моему, да, — сказала Глория. — Не схвати ты тогда пистолет, никто бы тебя не подозревал.

— А по-моему, глупо подозревать человека, оставившего на оружии отпечатки пальцев, — Ежик наклонил голову, как будто бы хотел боднуть кого-то. — Нормальные убийцы не оставляют следов на пистолетах.

— Нормальных убийц не бывает, — сказала она. — Знаешь, что я хочу тебе сказать? Я намерена найти этого гада.

— Какого? — спросил Сергей. — Который Молочника убил, или который был вчера на крыше?

Глория вздрогнула.

— А разве это было... был не один и тот же... гад?

— Я не знаю, — сказал Сережа шепотом, потому что к ним направлялся Перепелкин. — Я одного понять не могу, куда он делся с крыши?

— Значит, ты не веришь в привидения? — нервно усмехнулась она.

— Это было не привидение, — сказал Ежик. — Он топал. Прямо как «аппетитная попка».

— Весело тут у вас, — подходя, проговорил Перепелкин и улыбнулся, как ему показалось, обаятельно. — За что же вы девушку обидели? Она вчера так перенервничала — не каждый день видишь, как человек с крыши падает. Я бы на ее месте ни петь, ни танцевать не смог бы.

— Она тоже не может, как видите, — сдержанно сказал Сергей. — А разве она видела,

как он падал?

— А разве она вам об этом не говорила?

— Конечно, нет, — ответил Ежик.

— Почему, конечно?

— Потому что она не видела.

От Алексея Викторовича не укрылось, что девушка после этих слов юноши слегка дернулась. Еле заметно, но все-таки...

— Откуда вы знаете? — как можно спокойнее спросил он.

— Догадываюсь, — хмыкнул Ежик. — Если бы она видела, как падает с крыши человек, она бы два дня в обмороке лежала. Вы ее не знаете, а мы немножко изучили: она в обмороки падает и истерики закатывает и из-за менее стрессовых ситуаций.

— А вы?

— Что я?

— Вы бы упали в обморок, если бы увидели такое?

— Не знаю, — ответил Сергей. — Я в жизни такого никогда не видел. Только в кино.

— Значит, вы вчера ушли с крыши до того, как Игорь Николаевич упал? — нейтральным тоном поинтересовался Перепелкин, и тотчас профессиональное следовательское чутье подсказало ему, что юноша напрягся, хотя внешне это никак не проявлялось.

— Я не был вчера на крыше, — сдержанно ответил Сергей.

— Он не был вчера на крыше, — быстрым эхом повторила Глория.

— Почему вы так уверены? — спросил девушку Перепелкин.

— Потому что знаю, — с ледяным спокойствием произнесла она. — Он был в другом месте.

— Ну, и хорошо, — улыбнулся Перепелкин. — А вы с Пампушкой, то есть с Леной Петрухиной сильно не ладите?

— Мы ладим, — подумав, ответила Глория. — Сегодняшняя ситуация — из ряда вон выходящее событие. Обычно мы так не ссоримся.

— Верю, что вы помиритесь, — сказал Алексей Викторович и решил пока не давить на собеседников. Что-то подсказывало ему, что не надо этого делать. И про показания Петрухиной говорить не следует.

«Надо вгрызаться в материал, — подумал он. — Посмотреть видео, личные дела... Было бы, конечно, грамотно здесь группой работать. Но кто ж мне группу даст? Да и Марфа эта, королева, то есть Король, не допустит, чтобы тут следаки и опера толпами ходили. Хорошо меня не гонит, и на том спасибо... По логике вещей ребята должны были либо искренне возмутиться моему вопросу, либо разыграть возмущение. Но они предпочли третий вариант. И это не может не сбить с толку даже такого неглупого человека, как я».

*«В иных делах стыдливость и молчанье
Вреднее откровенного признанья».*

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

Очень было плохо Ежику. Так плохо, что он едва дождался конца репетиции (Пампушка, конечно, через десять минут вернулась, что она дура без репетиции завтра показываться!), добрался до своего номера и повалился на диван. Тучи сгущались над головой. Если завтра жюри решит, что из него артиста не получится, то завтра же наденут на него наручники, посадят в узик — и прости-прощай, свобода, вся жизнь наперекосяк! И надо было ввязываться в это шоу! Нет, конечно, это счастье — находиться рядом с Глорией почти все время и в общем деле участвовать. Ведь ничто не сближает так, как общее дело. Но дело-то скоро может закончиться. А будет ли она ему передачи слать в тюрьму или на зону, неизвестно. То есть известно — не будет.

А как хорошо все начиналось! Он ведь давно собирался в Питер. Именно там находилось единственное во всей стране учебное заведение, в которое Сережка мечтал попасть, да куда не всякого брали. И вообще просто так туда прийти и документы подать было невозможно. Сначала приглашение присылали. Тем, кого по особым критериям отбирали. Критериям, неизвестным никому, кроме Ежика. Недаром он с третьего класса хакерским мастерством успешно занимался. А ко времени, когда он школу заканчивал, не было такой защиты, которая перед его умением выдержала бы. Вот и защита приглянувшегося Сережке вуза не устояла. Хотя в этом институте как раз и обучали созданию защитных программ информационных систем и технологий. И не каких-нибудь, а сугубо секретных, правительственных. Знал Сергей, что после такого взлома ему тоже приглашение полагается. А не пришлют, так он сам туда отправится. Ножками. И докажет, что ему, Петрову Сергею, там самое место. Вот только с деньгами проблемы были. Год надо было на хорошей работе повкалывать, чтобы на билет и жилье заработать. И увы, делая совсем не то, что он умел делать лучше всего. Говорят, в больших городах компьютерщикам разного рода легче деньги даются. Конечно, там у каждого и компьютер, и подключение к сети, и запросы программные соответствующие. А в Октябрьске только в трех крупных фирмах да на фабрике машины имелись. Да и то устаревших моделей. Простые тексты напечатать да вычисления на них еще можно было произвести. А программу какую поставить уже невозможно. Нормальная машина только у одного жителя Октябрьска была — у него, у Сергея Петрова. Спасибо дядьке, помог с покупкой — и денег дал, и в область свозил — в магазин компьютерный. Но тогда Сережке семь лет было. Потом дядька еще денег подкидывал — на модернизацию машины. А вот когда время к окончанию школы подоспело, заявил категорически: «Денег я тебе больше давать не буду. Ты теперь мужик взрослый, головастый, на дальнейшее ученье сам зарабатывать должен. Как в Америке принято. Оттого там и процветание, что с молодыми до седых волос не нянькаются». Ну, что поделать, повернут был дядюшка на американском образе жизни. Хоть и прожил всю жизнь в областном центре, магазином продуктовым заведовал. Вернее, сначала заведовал, а потом выкупил магазинчик по остаточной стоимости и полноценным хозяином стал.

И работать бы Сережке целый год при дядюшке (тот, понятное дело, в протекции ему не

отказал — место экспедитора предложил), да тут вот этот конкурс подвернулся. Ангелы небесные или черти рогатые Ежика в Октябрьский дом культуры затащили, то никому неведомо. И опять-таки неведомо, кто из них руку приложил к тому, чтобы Сережка отборочный конкурс выиграл, хотя раньше и не пел никогда всерьез. Наверное, все-таки ангелы. Потому что только они могли сделать так, чтобы все тютелька в тютельку сложилось, как в простой детской мозаике. Ведь до того, как объявили результаты, душа его ныла и болела. Что его ожидало до сих пор? Он должен был ехать в областной центр на заработки. А потом, через год — в Петербург учиться. В родном городе оставалась его первая и единственная любовь — Глория. Дилемма? Еще какая — неразрешимая! Но оказалось, что и он может поехать в город на Неве уже в этом году, и что самое прекрасное — вместе с Глорией! Правда, она совсем не хотела ехать, да и его компании вряд ли была рада. Но ведь поехала же в результате! А то, что компании не радовалась, так тут уже все от него зависело. А в себе, после того как все так удачно сложилось, он был уверен почти абсолютно.

К занятиям, репетициям и съемкам Ежик относился с изрядной долей иронии, принимал их, как неприятную, но необходимую пока данность. Думал — вот отмучается, денег заработает — и напрямик в институт своей мечты. Может быть, именно поэтому все у него до недавней поры получалось, все давалось легко, без волнений и «напрягов», как у других участников. Он легко прошел второй тур, легко попал в «тридцатку» претендентов на главный приз, педагоги нахвалиться не могли, Барчук по секрету прочил ему большое будущее, и даже Марфа Король кричала на него меньше, чем на других. Правда, компания «тридцатки» Сергею ужасно не нравилась — все мнили себя «звездами» и «крутыми», хотя на самом деле ничего из себя, как личности, не представляли: книг не читали, в компьютерах не секли, вести себя и разговаривать нормально не умели. А Сережке иногда страсть как хотелось с кем-нибудь поговорить. В том числе и о своей любви. Как там у Пушкина? «Когда от огненного взора мы чувствуем волнение в крови?... С приятелем нам нужно поболтать». Прав Александр Сергеевич. Очень нужен приятель, чтобы поболтать о своей страсти. Может быть, по этой причине Ежик сошелся с поэтом Вениамином Молочником. Тот хоть и был в два раза старше участников проекта, но выглядел почти ровесником, был интеллигентным, начитанным, на компьютере умел не только тексты набирать — окончил институт по специальности программирование, стихи писал неплохие, а иногда, как казалось Сергею, даже и гениальные, а главное, он ни на кого не смотрел свысока, чем отличался от всех прочих, с кем приходилось сталкиваться. Веня-то и взялся помочь Сереже «одним огнем, в одном горниле зажечь два сердца, чтобы бились в такт» — так он выразился. Ну, то есть сердце Ежика зажигать не требовалось. А вот сердце Глории... «Наука покорения сердец, во-первых, существует, — говорил Вениамин Сергею, когда они подружились, — а во-вторых, проста. Это только вялые, бесстрастные люди думают, что любви добиться невозможно, что за нее не следует бороться, что она на тебя либо свалилась, либо нет. Ты что же думаешь, Марфа мне сама на шею бросилась семнадцать лет назад? Посмотри на меня и посмотри на нее. Знаешь, сколько парней вокруг нее всегда крутилось? И каких парней! И умные, и мускулистые, и талантливые, и спортсмены, и бизнесмены, и красавцы, да всякие... И я на их фоне — представь! Тогда еще никому не известный поэт, здоровье не слишком богатырское, телосложение тоже. Близорукость опять же... Перспективы благосостояния сомнительные. А ведь влюбилась в меня, по-настоящему влюбилась. И до сих пор любит».

Сергей верил Вене, потому что сам видел — Марфа, действительно, любит своего мужа. Словами такие вещи не описать, но их всегда видно. Вот смотрит человек на другого человека, и понимаешь, как он к нему относится. Вот Глория на Сережку смотрела, и сердце у него тоскливо сжималось, хотя она и улыбалась ему, и разговаривала по-дружески. Не было в ее взгляде любви. Предложи ему какой-нибудь колдун душу заложить взамен любви Глории, Ежик не задумывался бы — заложил. Но Веня не требовал никаких залогов, делился своим опытом бескорыстно. «Подозреваю, что за все предыдущие годы ты совершил множество ошибок, — говорил он. — Охи, вздохи, цветы, записки, подарки, приглашения в театр или на дискотеку. Многие молодые люди полагают, что такие знаки внимания рано или поздно очаруют возлюбленную. Чушь. В равной мере они могут отпугнуть или отвратить от тебя напрочь. Если ты видишь, что любимая девушка пока не готова ответить взаимностью, не торопись лезть с объяснениями и миллионом алых роз. Постарайся для начала просто подружиться с ней. Известно, что пребывать в дружеских отношениях, сдерживать свои чувства, когда сердце пылает страстью, чрезвычайно трудно. Но иного пути нет. Мы дружили с Марфой два года безо всяких намеков на что-то большее. Я ей розетки в доме починял, программы компьютерные ставил, насчет рифм советовался, получил почетное звание друга дома от ее мамы — и не более. Ты скажешь: так можно не два, а двадцать лет ходить в друзьях, и будешь в некотором роде прав. В некотором роде — потому что дружба, если она настоящая, может плавно перейти в любовь. Собственно говоря, чем дружба от любви отличается? Только силой чувства. А в остальном все похоже. И в любви, и в дружбе определяющим фактором становится нужда друг в друге, готовность пожертвовать собой ради другого, взаимопонимание на подсознательном уровне... Стало быть, что?» «Что?» — тупо спрашивал Ежик. «Нужно культивировать этот фактор». «А попроще нельзя?» — просил Сережа, немного раздражаясь на канцелярский стиль выражений Молочника, совершенно не подходящий для темы разговора и необычный для поэта. Легко сказать: «культивировать фактор»! А делать-то что конкретно? И как? Над недоумением Ежика Молочник откровенно смеялся. «Знаешь, чем несчастные влюбленные отличаются от счастливых? Тем, что несчастные в своей страсти совершенно теряют голову и не берут на себя труд подумать о простых вещах. Ведь казалось бы, чего проще стать необходимым, единственно необходимым для своей возлюбленной. Поставить ее в такую ситуацию, когда без тебя просто невозможно жить. Так нет — им легче вздохнуть и плакать, серенады под окнами петь, спать не давая, вместо того чтобы превратиться в тот кислородный коктейль, без которого она дышать не сможет». Метафоры Вениамина тоже раздражали Сергея, как и «канцеляризм». Он хотел рецептов. Быстродействующих и гарантирующих успех. Но Молочник некоторое время «кормил» Ежика только туманными или вовсе бессмысленными фразами. Иногда и вовсе стихи читал — красивые, но непонятные. Например, такие: «Я заставлю тебя умирать без меня, чтоб поленом сгорала ты, ночи кляня...» Как потом он признавался, хотел, чтобы Сережка сам «дотумкал». Но Ежик никак не мог дотумкать, как заставить Глорию без него умирать и поленом сгорать. «Был когда-то один хороший фильм, — сказал как-то Сергею Молочник. — Назывался «В моей смерти прошу винить Клаву К». Там два мальчика влюблены в девочку. Один из кожи лезет вон, чтобы ей понравиться. Контрольные дает списывать, больную навещает, на руках по перилам крыши ходит, пляски дикие устраивает. Глаза постоянно мозолит. Как сейчас ваше поколение выражается, достает ее ужасно. А другой ничего этого не делает. Только в какой-то момент раскрывает в ней талант. Музыкальный, что ли, не помню... И девочка выбирает его. А

несчастному «доставальщику» заявляет: «Ты всю жизнь дарил мне себя. А он подарил мне меня». Вот тебе и рецепт: дари любимому его самого. И он тебе за это не только благодарен будет. Он без таких подарков жить не сможет. Знаешь, я долго наблюдал за окружением Марфы и понял: все эти мускулистые красавчики видели в ней только красивую бабу, восхищались ее красотой и постоянно ей об этом говорили. Женщине, конечно, такое приятно слышать. Но если она не закомплексованная дура или, наоборот, не страдает нарциссизмом, проблема внешности ее не волнует. Ну знает она, что красива, и ей от этого ни холодно, ни жарко. А скорее, тоскливо, потому что человеку, даже женского пола, хочется, чтобы не только его внешность оценили, но и внутренний мир увидели. Знаешь, что с ней было, когда я впервые заявил ей, что она талантлива? А когда сказал, что у нее хорошие мозги? Этого никакими словами не описать, это видеть надо. И ведь что интересно, она после моих слов еще красивее стала. Огонь в ней загорелся. Она после этого стала встреч со мной искать — чтобы лишний раз про талант и ум услышать. А потом, действительно, в ней и талант, и ум проявился. Я ведь поначалу льстил ей немного. А она поверила и превратилась. В умную и талантливую. И поскольку умна, то понимает, что и я руку приложил к той метаморфозе, которая с ней произошла в молодости. Потом я ей много чего дарил. В чем она нуждалась. А в итоге она во мне стала нуждаться, потому что никто ей таких подарков не дарил. Для твоей Глории, наверняка, другой рецепт нужен. Она знает, что умна. Про талант ей Барчук твердит, кстати, заметь, она на него уже заинтересованным оком поглядывает. А ты найди то, что ей никто никогда не подарит. Кроме тебя. Но только то, что ей очень важно получить в подарок. Ты знаешь, что это?» Сергей не знал. Молочник озабоченно качал головой. «Тогда любовь ли это? — хмурясь, спрашивал он. — Если ты не знаешь, что нужно любимой, где же тут понимание на подсознательном уровне? Тогда ты сначала в своих чувствах разберись».

Так и проходила учеба. Молочник много советов давал. Историю своих отношений с Марфой чуть ли не всю рассказал. А Сергей все больше терялся. И к практике никак перейти не мог. Потому что считал Глорию верхом совершенства. И искренне не знал, какого-такого подарка ей в жизни не хватает.

«Ладно, — в какой-то момент Веня сдался, глядя на несчастную физиономию Ежика. — Придется самому взяться за дело. Попытаюсь прощупать почву. Только ты не ревнуй. Я с ней много времени общаться буду. Глубины души человеческой с лету не прозреешь».

И Глория стала проводить все свободное время с Молочником. А Сережке оставалось ходить вокруг да около и иногда за сахаром и чаем к ней в номер забредать. Чему она несказанно удивлялась: ведь бары на этажах, где можно было выпить и чаю, и кофе, и бутерброд съесть, работали до поздней ночи.

Через несколько дней Веня позвал Сергея к себе и с укором проговорил: «Ну ты даешь, парень! Больше десяти лет с девчонкой общаешься, а совсем ее не знаешь. Должен тебе сказать, что у тебя почти нет шансов». Ежик испугался и рассердился одновременно. С одной стороны, он доверял опыту своего старшего друга. С другой, — какого черта он каркает?! Тогда они чуть не подрались. Вернее, Сергей на Вениамина почти было набросился, да тот своим спокойствием и насмешливым взглядом пыл его охладил. «Я так и знал, что ревность в тебе разыграет. Сейчас еще больше разыграет, когда я тебе кое-что скажу. Ты ведь знаешь, что у нее в раннем детстве умерли родители. И воспитывала ее старенькая бабушка. Бабушка добрая и заботливая. Но все-таки не заменит ни папу, ни маму. У Глории навсегда останется потребность в родительской опеке. И она всегда будет искать в людях

качества, присущие родителям. В подругах — качества матери. В мужчинах — качества отца. Если кто-то захочет быть рядом с ней, должен принять эти роли. Вот Галка — ее подруга — это сознательно или подсознательно понимает и опекает Глорию. И та ей за это благодарна. А ты, извини, пока на роль папочки не тянешь. Даже к роли старшего брата не готов. Ты для нее мальчишка, которому в пору соплю вытирать. А ей это надо? Ей крепкое плечо нужно, а не младенец на шею». Сергей себя младенчиком не считал, но над словами Вениамина задумался. Как играть роль любящего отца, он не представлял. А главное, не был уверен, что Глории это понравится. Тем не менее, ловил моменты, когда можно было бы проявить «родительскую заботу». Пиджак ей на плечи пытался накидывать вечерами, когда холодало. Пару раз проучил насмешников, которые над Глорией шуточки шутили. Бутерброды в перерывах между съемками приносил. Но благодарности особой в ее взгляде не замечал. Конечно, «спасибо» она говорила. Но как относилась к нему, так и продолжала относиться. «Ничего, — думал он. — Вот закончится эта ерунда, пойду учиться, подрабатывать буду — тогда все будет иначе. Машину куплю, возить ее в институт буду. Или на репетиции и концерты, если у нее «звездная» карьера сложится. В том, что после съемок проекта Глория останется в Петербурге, он почему-то не сомневался.

Вот только с Молочником у него отношения осложнились. Ежик уже был не рад, что согласился на предложение поэта «войти в доверие» к Глории. Он видел, что девушка искренне радуется общению с Веней. Конечно, ведь он вполне годился на роль «папочки». И общие интересы нашлись — оба обожали поэзию. Напрасно Сергей пытался доказать Глории, что Молочник не Пушкин, и рифмы у него слабые. Она с ним никак соглашаться не хотела, а убеждать он не умел. Тем более, положила руку на сердце, в глубине души стихи Вениамина ему нравились, хоть он и не был большим знатоком поэтического искусства.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Вениамин по-прежнему учил Сергея жизни, а Ежик все больше и больше злился на него. Наблюдательные и жестокие «звезды» не упускали возможности позлословить насчет соперничества маститого поэта и сопливого артиста. Вениамину такие разговоры были по барабану. А вот Сережка был готов растерзать любого, кто подходил с «сочувственными» речами: «Что, бедненький, опять твоя муза к поэту упорхнула? Вероятно, следует ожидать нового гениального творения». А когда Молочника убили, поползли слухи о «мужском» поступке Сережки. Вот за эти слухи Мушкин и ухватился. Ну, если, конечно, не считать отпечатков пальцев на пистолете...

Новый следователь, понятно, материалы следствия Мушкина читал. Поэтому для него Ежик — тоже подозреваемый номер один. И этот вопрос о том, были ли они на крыше. Сергей видел, что представитель закона не поверил их словам. Глория слишком поторопилась со своим заявлением. И что теперь остается? Признаться в том, что они на крыше были и все видели? А что видели? Привидение. Это уже сумасшедшим домом пахнет, а не тюрьмой. А в сумасшедший дом Сергею никак нельзя. Не берут в учебное заведение его мечты из сумасшедшего дома. Из тюрьмы, может быть, и взяли бы, а вот сумасшедших туда не принимают. И какие поэтому следует предпринять действия? Во-первых, с признанием надо поговорить, решил Ежик. А во-вторых, нужно отыскать убийцу. И с привидением разобраться. Это единственное спасение. Только вот опыта расследования преступлений у Сергея не было. Это только в кино да в книжках любой дилетант убийства как орехи щелкает. А в реальной жизни совершенно непонятно, с какой стороны за такие дела надо браться. Проверять алиби? Искать того, кому выгодна смерть поэта? Опрашивать

продавцов оружейных магазинов, кому они продали шикарного «стечкина» с глушителем? Чудом откопать свидетеля, который видел, как убийца входил или выходил из кабинета жертвы? Или каждую ночь отпрапляться дежурить на крышу — вдруг дух там еще раз объявится? А еще надо к завтрашнему показу готовиться. Потому что вылетать из проекта в данный момент никак нельзя. И Глорию подводить нельзя. Вдруг она и вправду звездой станет?

В дверь громко постучали, и Ежик вздрогнул от неожиданности. «Может быть, следует смыться через окно?» — пришла ему в голову глупая мысль. Но, откровенно говоря, умные мысли последнее время его что-то не посещали.

— Да! — обреченно выкрикнул он. — Не заперто. Дверь распахнулась. На пороге стояла Пампушка с покрасневшими глазами.

— Ежик, прости меня! — трагическим тоном воскликнула она и со стуком захлопнула дверь. — Это я сказала следователю, что вы с Глорией вчера были на крыше. Не знаю, что на меня нашло. Он вас уже спрашивал об этом?

— Ага, — сдержанно ответил Сергей.

— И что вы ему ответили? — в глазах Пампушки читалась паника.

— Тебе-то что? — вяло усмехнулся он. — Ты свое дело сделала — сдала нас с потрохами.

— Ой, Еж, я такая дура! Хочешь, я пойду к нему и скажу, что все наврала?

— Ага, — сказал Сергей. — И заодно скажи, что это ты была на крыше и все видела.

— Но я ничего не видела! — проговорила Пампушка, задыхаясь. — Я же, действительно, ничего не видела.

— А зачем ты потащила Глорию на крышу? С кем, кроме Ласточкиной, вы сговорились? Кто это был?

— Кто? — глаза Пампушки стали круглыми от ужаса.

— Послушай, Елена, — вздохнул Сергей. — Ты понимаешь, во что вляпалась? Ты думала меня подставить или Глорию, а вляпалась сама по своей непроходимой дурасти. Ведь следователь не идиот. Он за ниточку потянет и все вытянет. Ведь получается, что ты оказалась в сговоре с убийцей. И убийцей не простого гражданина, а работника правоохранительных органов. А это очень серьезная статья. И оправдательных приговоров по ней не бывает. Судьи очень не любят, когда убивают следователей и милиционеров. Кто играл роль привидения? В каком придурке из наших талант проклюнулся драматический?

— Ты думаешь, это был... было не привидение? — прошептала Пампушка.

— Лена, ты совсем с дерева? — печально поинтересовался Ежик. — Или клею «Момент», как малолетка, нанюхалась? Или до белой горячки портвейном упиалась?

— Ничего я не нанюхалась! — выкрикнула она. — А портвейн я вообще не пью. Только пиво. А вчера вообще ничего не пила. Честное слово, нечего было.

— Тогда ты точно в сговоре с убийцей. И даже чистосердечное признание тебя не спасет. Кто это был?

Пампушка опустилась на деревянное складное кресло и скривилась, словно собиралась заплакать.

— Это был... — она всхлипнула. — Это был Веня. Если бы это был актер, я бы поняла. У меня высший балл по гри-и-и-му-у-у... Ты и сам его видел — я зна-а-ю...

— Допустим, это был Веня, — Ежик сдвинул брови. — Откуда ты знала, что он придет на крышу?

— Он сам сказал, — быстро ответила Пампушка, прервав всхлипы. — Он попросил привести Глорию. Мы и забили стрелку на полночь.

— Ага, значит, вы с ним еще до этого встречались?

— Ну, а я тебе о чем говорю! — Пампушка топнула ногой, лампа на столе подпрыгнула, а компьютер забасил.

— Допустим, — хмыкнул Ежик. — И как это было? Пампушка тяжело вздохнула и закатила глаза.

— Как-как... — проворчала она. — Мы пошли с Ласточкиной на крышу. Ну... у нас оставалась еще одна банка пива, и мы решили немного расслабиться.

— Понятно, — фыркнул Сергей.

— Что тебе понятно? — закричала Пампушка. — Ты спроси, успели мы выпить или нет! Не успели. А когда оно появилось, и вовсе банку потеряли. А она, между прочим, была последняя.

— Ты не отвлекайся, — нервно усмехнулся Ежик. — Откуда оно... то есть Веня появился?

— Ты сам меня отвлекаешь, — она сдвинула брови, вытянула губы и стала похожа на Верку Сердючку. — Мы с Нюсей поднялись, присели на лавочку, Нюся открыла банку, и тут выходит он из-за телескопа и говорит: «Прекрасная погода сегодня, не правда ли?»

Сергей расхохотался.

— Смейся, — Пампушка еще сильнее сдвинула брови. — Мы сначала не врубилась, кто это, другим заняты были, я на него и не смотрела, ответила что-то, типа «отвали, приятель, со своей погодой, у самих только одна банка». А потом Нюся пива отпила, банку мне протянула, голову подняла и свой кокетливый взгляд изобразила, ты знаешь, она всегда на мужиков таким взглядом смотрит. А потом как заорет. И рукой махнула, как царевна-лягушка на пиру. Помнишь, когда она косточки куриные разбрасывает? А Ласточкина банку вверх подбросила. Пиво улетело, я чуть с лавки не свалилась, и Веня тоже отскочил. Только я тогда еще не поняла, что это он. А когда на него взглянула, то...

Пампушка смолкла и задышала шумно и часто.

— Тоже заорала? — участливо спросил Сергей.

— Не-а... У меня, наверное, язык парализовало или горло слиплось. И ноги отнялись. А он подальше отошел. Понял, что произвел на нас... это... неизгладимое впечатление.

— А до этого вы чего-нибудь пили? — строгим тоном поинтересовался Ежик.

— Мы что — маленькие? В своих комнатах? Чтобы Марфа пары алкогольные унюхала? Мы только на крыше и то, когда там никого нет. Ведь понятно: желающие постучать всегда найдутся, — Пампушка положила руки на пухлые коленки, словно примерная ученица, и с непонятым торжеством уставилась на Ежика.

— Угу, — кивнул он. — И дальше что?

— Дальше? — она пожала плечами. — Нюся еще долго дергалась в истерике. Потом устала. А у меня спазм прошел. Ну, я и спросила: что это, мол, за цирк? Или что-то типа того. А он — вежливо: не пугайтесь, барышни. Теперь я бесплотен, но видеть меня еще можно. Еще целых тридцать три дня. Ну, это понятно, когда сорок дней проходит, мертвые души навсегда мир покидают.

— Хы... — сказал Сергей.

— Перестань прикалываться! — рассердилась Пампушка. — Ты его сам видел. Видел или нет?

— Видеть-то видел... — начал он.

— Тогда в чем дело? Какого черта ты хыкаешь?

— Не буду, — Сергей наклонил голову. — Ты продолжай. И желательно с подробностями. Как он стоял, что говорил, какими словами.

— Стоял он нормально, — пожала плечами Пампушка. — Словами обычными разговаривал.

— О чем он говорил-то? — начал терять терпение Ежик.

— Жаловался, — с готовностью ответила она. — На тоску. Скучаю, говорит, по Марфе ужасно. Так ее люблю, как без нее буду, не представляю. Глории, говорит, последнее стихотворение не успел прочесть. Про тебя говорил, между прочим, тоже. Была у меня еще одна идея, сказал, для Сережи Петрова. Жаль, умер я рано. А потом говорит: не могли бы вы следующей ночью Глорию сюда пригласить? Хочу ей поведать кое-что. Я пообещала. А потом спрашиваю: кто тебя убил, Веничка? А он отвечает: вот об этом я как раз с Глорией и хочу поговорить. Только ей скажу. А она пусть сама решает, что с этой информацией делать.

— Так и сказал? Что делать с этой информацией? — нахмурился Сергей.

— Это слово я хорошо помню, — уверенно кивнула она. — Потому что как-то было странно это слышать от... покойника. Я думала, они должны как-нибудь иначе разговаривать. Красивее.

— И все? — требовательно проговорил Ежик.

— Вроде... — Пампушка снова пожала плечами. — А — вспомнила! Он еще сказал, что Мушкин — болван. Не в том направлении работает. Точно, так и сказал! Не в том направлении!

Сережка поднялся. Не верить Пампушке было невозможно. Она могла бы сочинить историю. Но выражения и слова, несвойственные ее лексикону — никогда. Слова «идея», «поведать» и «информация» она никогда не употребляла. Значит, они, действительно, встретились с кем-то на крыше, им это не пригрезилось. Сергей вспомнил, что ночью, когда Мушкин упал с крыши, фигура скрывалась за плотным слоем розоватого дыма. Ежик только потом сообразил, что запах на крыше был отвратительный! Как от индийских благовоний.

— Послушай, Леночка, — ласково произнес он. — А розовое облако тогда тоже было? Как сегодняшней ночью?

— Нет, — подумав, ответила Пампушка. — Точно не было. Он просто вышел из-за этой бандуры и все. Даже как-то... ну, как это называется, когда все слишком обычно?

— Заурядно... — рассеянно пробормотал Сергей. Когда «дух» вышел к Пампушке с Ласточкиной все было заурядно. А к визиту Глории была приготовлена плотная розовая завеса с премерзейшим запахом. Или благовония были приготовлены для Мушкина? «Дух» знал, что Мушкин объявится наверху? Или следовательно тоже получил приглашение?

— Ты его хорошо видела в прошлый раз? — спросил он. — Все-таки, наверное, было темновато. Как ты могла разглядеть, что это был не артист в гриме?

— Ночь была достаточно светлая, — сказала Пампушка. — Хоть белые ночи и кончились, но все равно видно все. Да черт с ней — с ночью! Я ж его потом на следующий день утром видела.

— Что? — опешил Ежик. — Утром?

— Мне тоже показалось это странным — духи по утрам не являются. А вот он... как ни странно... И никакого грима на нем не было и в помине. Ну, лицо — бледное, прямо белое, так это понятно.

— И ты утром с ним тоже разговаривала?

— Да, а как же... — кивнула Пампушка, но Сергею показалось, что она проговорила это с сомнением.

— Это тоже было на крыше?

— Да что мне с утра на крыше делать? — с досадой отмахнулась она. — Нет, конечно. Я видела его за хозяйственным корпусом. Там, где пищеблок и прачечная, знаешь?

— А возле пищеблока что тебе было делать с утра? — рассмеялся Сергей.

— Не твое дело! — обиделась Пампушка. — Если тебе интересно, слушай.

— Интересно, интересно, Леночка.

— Он проходил мимо этого корпуса. Увидел меня, остановился, рукой помахал. А потом говорит: не забудь, что ты мне обещала. Глорию приведи обязательно. Я сказала, что приведу.

— Далеко он от тебя проходил?

— Метрах в пяти. Я тебе чем угодно поклянусь — это был Веня.

«Я тоже могу поклясться, что в Венином кабинете с простреленной головой лежал Веня, — подумал Ежик. — Интересно, нет ли у нашего поэта брата-близнеца? Но даже если и есть, что за развлекаловка такая — людей пугать?»

— Ладно, — тряхнул он головой. — Репетировать еще будем сегодня? Без камеры?

— А ты хочешь? — лицо Пампушки довольно расплылось.

— Ну, надо же завтра всем класс показать, — пожал плечами Сергей и вспомнил знаменитое высказывание Штирлица: «Запоминается последняя фраза». Хотя к чему он это вспомнил, бог весть...

«Он долго изучал меня в упор».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 1

Всем номер был хорош — и душ с туалетом по европейским стандартам устроены, и телевизор с видеком последних моделей установлены, и компьютер имеется, и кровать двуспальная — хоть вдоль ложись, хоть поперек. Вот только кондиционер отчего-то барахлил. Поэтому в номере Алексея Викторовича Перепелкина было не просто жарко, а ужасно жарко. От духоты сжимало виски. Открытое окно положения не спасало — на улице не наблюдалось ни ветринки. «Сейчас бы впору окунуться, — уныло подумал он. — А завалы эти ближе к вечеру разгрести». «Завалами» он называл гору видеокассет, сваленных на просторной кровати. Он попросил материалы съемок, и ему, конечно, не отказали. Но он не ожидал, что их окажется так много. Неужели Игорь тоже все это просматривал? Интересно, можно их просмотреть за неделю, которая была в распоряжении у Мушкина? Он бросил тоскливый взгляд на золотистые блики, отражающиеся в ласковых волнах, на веселых пляжников, беззаботно резвящихся в воде и возле воды, и решительно отвернулся от окна. Кому резвиться, а кому и работать. Чем раньше начнешь, тем раньше все закончится. опытом проверено. Жаль, что после успешно завершённых дел следователям краткосрочного отпуска не полагается. Или хотя бы премии. Если бы эта практика была принята у них в управлении, Алексей самым богатым человеком был бы среди следаков. Ну, после Мушкина, конечно. Ибо почти не было дел, которые они не доводили бы до логического конца. То есть до прокуратуры и суда. И с этим делом он справится. Весь вопрос — когда? К сегодняшнему ужину, на который грозилась прибыть теща, он уж точно не успеет. И это самое скверное в этой истории. А дело? Не в первый раз на нас трудное дело сваливается, дело раскрутим... В таком оптимистическом настроении Алексей Викторович и приступил к просмотру «многосерийного фильма». При чем начал он с первой попавшейся кассеты, отступая от своего правила: начинать плясать «от печки». Потому что интуиция подсказывала ему, что хронология в этом деле не важна, напротив, самое интересное может объявиться в последних записях. А последовательность он потом выстроит — в своей умной голове. Сейчас главное подробнее присмотреться к определившимся уже «фигурантам» дела — к Лене Петрухиной, к Ане Ласточкиной, к двум мальчишкам — Косте и Диме, и, конечно, к Глории Кошелкиной и Сергею Петрову. Что-то темнят ребята. И что-то знают о преступнике. А в том, что сами они не преступники, Перепелкин почти не сомневался. Не по силам им такие преступления. Вот в этом и заключается их алиби, вне зависимости оттого, были они на крыше или нет.

Кассета началась с крупного плана Глории, и в этом Алексей Викторович углядел некий знак свыше. Раз с интересующего его лица началось, значит, дело пойдет. В кадре Глория плакала, хоть и старалась изо всех сил скрыть этот факт. На втором плане маячил Сережа Петров и пытался утешить девушку. Девушка его не слушала. Вернее, не слышала. А слушала и слышала она Григория Барчука — ведущего программы.

— Ну, что опять случилось, дорогая Глория? — в своей вальяжно-покровительственной манере интересовался Барчук, кося глазом в объектив, словно подмигивая зрителю. — Опять лягушка под подушкой спряталась?

Глория мотала головой и откровенничать с ведущим явно не собиралась. Вскоре произошла перебивка кадра, и вот уже две длинноногие красотки с энтузиазмом рассказывают Барчуку, как искренне они сочувствуют своей сопернице.

— Ах, Григорий, это так ужасно! — восклицает одна. — Я не представляю, что было бы со мной, если бы мне подсунули жабу в постель. У меня, наверное, произошел бы разрыв сердца. Какие глупые и жестокие люди те, кто это сделал. Нам и так тут трудно, а еще такой стресс. Просто негодяи! Неужели они думают таким образом выбить милую Глорию из седла. По-моему, они сильно ошибаются на ее счет.

— Да, крошка Лори очень сильная, — подтверждает другая девушка и противно ухмыляется. — Ой, простите, я имею в виду Глорию. Это прозвище, которое ей тут дали некоторые... э... нехорошие граждане... хи-хи-хи... просто дурацкое... В общем, идиотов здесь много... хи-хи-хи...

Крупный план Григория.

— Да, — вздыхая, говорит он прямо в камеру. — Мир шоу-бизнеса жесток. Герои нашего проекта еще не стали звездами, но уже всю играют в «звездные» войны. Свалить конкурента, вышибить его из седла — вот правила игры этих войн. Вернее было бы сказать — идет игра без правил. Хватит ли мужества у будущей «звезды» Глории противостоять такой игре? Посмотрим. А вы, уважаемые телезрители, присылайте свои сообщения на номер нашей программы. Согласны ли вы с тем, что на пути к звездам все средства хороши? С вами был Григорий Барчук, встретимся завтра. Пока.

«Ну, это понятно, — подумал Перепелкин, через некоторое время поняв, что кассета была целиком посвящена травле девушки. На чем-то он останавливал свое внимание, какие-то куски просто перематывал. — Понятно, что у девушки большая сила воли. Понятно, что она выбрана длинноногими красотками в качестве объекта для насмешек. Понятно, что около нее все время вертится Сергей Петров — влюблен. Зато не понятно, как она прорвалась сквозь такой бешеный конкурс. Ведь ничего особенного в ней нет. Ничем не выдающаяся фигурка, неяркая внешность. Похожа на девочку-подростка, таких «гадких утят» — тысячи. Может быть, организаторы шоу надеются, что из этого «гадкого утенка» вырастет прекрасный лебедь? Или голос у нее, действительно, потрясающий? И актерские способности, как сказал Барчук».

Он просмотрел несколько фрагментов с музыкальными репетициями, в которых участвовала Кошелкина, и остался в своем недоумении — голосок у девушки был и вправду «необработанным». Хотя было что-то в нем такое, что притягивало внимание. На занятиях по актерскому мастерству, которые блистательно проводила Марфа Король, Глория вообще пряталась за спинами других участников. «Ну, в конце концов, не мне судить о деле, в котором я все равно ничего не понимаю, — подумал Алексей Викторович. — Профессионалам виднее, что из кого вырастет. А вот Сережа Петров — интересный мальчик. Актерские способности налицо. И при этом так плохо сыграть перед следователем, не суметь вывернуться, изобразить гнев или недоумение? Значит, не считает нужным играть, чувствуя себя невиновным? Или, напротив, это более тонкая игра? Мол, я волнуюсь, конечно, из-за того, что вы меня подозреваете... В записках Мушкина про Петрова сказано: компьютерный гений. И четыре восклицательных знака. Знаки говорят о том, что гениальность юноши имеет отношение к делу. Игорь всегда испещрял бумагу восклицательными знаками, когда что-то чувал, когда ниточку ухватывал. Вот и после фразы из «Гамлета» он поставил пару таких знаков. И еще знак вопроса. Хотелось бы знать, какая

связь между убийством поэта, компьютерной гениальностью юного артиста Сережи и трагедией Шекспира. И почему разгадка этой связи привела Мушкина к гибели? Или он не успел ее разгадать?»

Почему отборочный конкурс прошла Лена Петрухина, хотя не была ни длинноногой, ни обворожительной, ни белокурой, Алексею Перепелкину было понятно. Такие барышни были в его вкусе, и он знал, что в своем вкусе далеко не одинок. Огромное заблуждение, вызванное средствами масс-медиа, что мужчинам нравятся женщины, похожие на куклу Барби. На самом деле дамочки, похожие на Барби, нравятся меньшинству. Как любил говаривать Игорь Мушкин: «Эрос возможен исключительно в столкновении несовершенств. Вождедель, любить совершенство и испытывать к нему страсть невозможно. Классический стандарт «девяносто-шестьдесят-девяносто», может быть, выглядит и неплохо. Но уж больно тоскливо смотреть на такую идеальную барышню». Перепелкин был полностью с другом согласен. Он и в жены выбрал «несовершенство» со стандартами, далекими от «классического», зато «несовершенство» это было страстным, нежным, добрым и веселым. Знал Алексей Викторович, что с «куклой Барби» умрет от тоски, а вот с женой своей готов жить до глубокой старости. Петрухина, или Пампушка (прозвище это мелькало в эфирных записях), похоже, ничего не знала о вкусах мужчин и от своего несовершенства страдала — это было видно. Комплекс неполноценности, который то в одной, то в другой ситуации давал о себе знать, порождал раздражительность иногда даже злость, отталкивающие ее от многих участников проекта. Вниманием мужской половины «звездного» коллектива она была явно обделена, отчего злилась и нервничала еще больше. Кроме того, Пампушка была не очень умной девушкой. Закомплексованная, раздражительная, глупенькая пампушечка... На сцене она была обаятельной и, судя по зрительским рейтингам, вполне имела шансы пробиться в финал. Про Петрухину в записях Игоря Мушкина ничего не было. Но Перепелкин помнил испуг, когда она была близка к тому, чтобы «запутаться в показаниях». И о том, что Игорь упал с крыши, она узнала одна из первых. От кого? Она вполне могла оказаться свидетелем преступления, выведать у нее это будет несложно. Но говорила ли она правду о Глории и Сергее? Аня Ласточкина — типичное «совершенство». Но Барчук сказал о ней: «Годится лишь в группу «бэк», то есть на подпевку и подтанцовку. Она была вместе с Пампушкой, когда убили Мушкина. На сцене выглядела испуганной, и немудрено — на каждой репетиции ей больше всех доставалось от Марфы Король. Похоже, Марфа просто невзлюбила эту «куколку» всеми фибрами своей души.

Алексей Викторович перебрал богатство, сваленное на кровати, и нашел кассету с надписью «Жюри». Да, Барчук говорил ему, что есть подробные записи обсуждения всех участников проекта, хотя в эфир из этих съемок попало немного — слишком редко члены жюри пользовались литературными выражениями. Перепелкин подумал, что эта кассета может многое рассказать не только о будущих «звездах», но и о жюри, в состав которого входили и Марфа Король, и Григорий Барчук, и покойный Вениамин Молочник. Следовательно откупорил очередную бутылку с минералкой, вставил кассету и щелкнул пультом...

— Я вообще здесь не вижу ни одного яйца, из которого можно было бы вылупить звезду, — сказал Демьян Джига и сердито оглядел своих коллег-подчиненных. — Дамы и господа, вы куда вообще смотрели-то? Какого фига я оплачивал вам командировочные? Вы хоть знаете, в какую копеечку мне обошлись ваши поездки?

— Не плачься, — строго проговорила Марфа Король. — Эту копеечку ты благополучно

отбил на рекламе. Мы тоже считать умеем.

— А ты не считай мои деньги! — выкрикнул Джига. — Ты своим делом занимайся. И вы все тоже! Вот скажи мне, Гриша, зачем ты тянул за уши эту худосочную девицу? У нее только один плюс — ее красивое, вычурное имя. Впрочем, в комплекте с фамилией оно вообще производит сногшибательный эффект. Глория Кошелкина — звезда российской эстрады. Звучит, твою мать! Вы с ума все посходили, вот что я вам скажу! Где будущая Пугачева? Да черт с ней, с Пугачевой! Пусть недоступная сияет, царствие ей... земное! Где хотя бы Фруктоза или Дима Баклан?

— Фруктозных бакланов полный кузов, — фыркнул Барчук. — Но не волнуйся — мы им перья общипаем, в товарный вид приведем. На самом-то деле здесь нет ни одной бездарности. Из любого конфетку можно сделать. Не зря мы по долинам и по взгорьям мотались. А Кошелкина — вообще будущая Эдит Пиаф, помяни мое слово.

— Согласен, — сказал Вениамин Молочник. — И про Кошелкину и вообще. Здесь очень много талантливых ребят. Только их учить надо. И не месяц, во время проекта. А лет пять.

— Через пять лет они состарятся и никому не будут интересны, — сморщился Джига.

— Ты зажигаешь звезды на несколько дней? — пожал плечами Молочник. — Неразумно и недальновидно. Даже с финансовой точки зрения.

— Ну, конечно, ты у нас финансовый гений, а я так, погулять вышел, — разозлился Демьян. — Но даже я, ничтожный в сравнении с тобой, понимаю, что они интересны зрителю, пока молодые. До старости немногие артисты на сцене живут. Единицы. Остальные — однодневки. Это данность, Веня!

— Это данность, Дема, — согласился Молочник. — Но не мы ли эту данность создаем? Делали бы качественный продукт, жили бы наши артисты на сцене дольше.

— Ну-ну... — Джига сбавил обороты. — Делайте качественный продукт. Из некачественного...

Перепелкин нажал на «паузу». Он впервые видел Вениамина Молочника «живьем» (впрочем, трупы поэта он также не видел) и был немного озадачен несоответствием реального образа с образом, который представлялся ему до сих пор. Поэт — человек не от мира сего, в этом Алексей Викторович был твердо уверен. Потому что обычный, здравомыслящий человек, живущий в двадцать первом веке, поэзию серьезным делом считать не может. Тот же, кто выбирает поэтическое искусство призванием и занятием на всю жизнь, явно далек от современных реалий. Но Вениамин Молочник не был похож на мечтателя, витающего в облаках. Интересно, пошутил или сказал правду Джига, когда называл покойного финансовым гением? Нужно выяснить эту сторону вопроса. В бумагах Мушкина о финансах Молочника не было сказано ни слова. А ведь «финансовую» версию Игорь не мог не крутить...

Несмотря на то, что жюри было многочисленным и именитым (здесь были и знаменитые артисты, телеведущие и даже представитель министерства культуры), судьбу конкурсантов решали всего несколько человек. Например, главный продюсер проекта Демьян Джига. Этому Перепелкин не удивился — Джига тут полноправный хозяин, ему и бал править. Но вот взять хотя бы Григория Барчука. Он, конечно, человек известный. Но ведь в проекте он исполняет вполне скромную роль ведущего. Однако в обсуждении он явно имел и право вето, и заступничество его за того или иного претендента имело решающее значение. Марфе Король смотрели в рот все, когда она снисходила до речей. Вениамин Молочник, похоже, тоже обладал правом решающего голоса. Алексею Викторовичу это

казалось странным. Ведь Молочник всего лишь автор текстов песен, которые должны были исполнять будущие «звезды». Тем не менее, когда он говорил: «Вася Сидоров для проекта бесперспективен, а Машу Иванову надо бы еще покрутить», Васю Сидорова тут же исключали из списка счастливицов, Машу же оставляли. Без всяких споров и возражений.

Перепелкин отвлекся от экрана, извлек из папки Мушкина листок и стал бегло просматривать запись. Все, что здесь было написано, он почти уже выучил. Вениамин Евграфович Молочник, 1968 года рождения, в 1990 году окончил Ленинградский электротехнический институт, в этом же году женился на Марфе Ивановне Король, через год стал лауреатом телевизионного конкурса «Песня года». Автор двенадцати поэтических сборников, имеет несколько изобретений в области бытовой техники. После окончания института проработал год в коммерческой фирме «Стикс», которая занималась программными разработками. А потом уволился по собственному желанию — вписался в ряды вольных художников. Неоднократно бывал за границей, чаще всего ездил в Германию и Францию. Родители живут в поселке Шапки, там же чета Молочник-Король имеют двухэтажный коттедж с гаражом, бассейном и сауной. Детей нет... Почему у Марфы Король и Вениамина Молочника не было детей, в деле, естественно, не было ни слова. Но все равно Алексей Викторович посочувствовал им, поскольку был уверен: бездетная жизнь в супружестве тосклива и неполноценна.

Он снова повернулся к экрану, снял изображение с «паузы» и стал смотреть на происходящее, переключив свое внимание с содержания обсуждения на его форму. То есть на нюансы взаимоотношений членов жюри. Чем черт не шутит — а вдруг убийца Молочника находится среди них? Конечно, не приходится надеяться на то, что сейчас Алексей Викторович узреет чей-то взгляд, полный ненависти к поэту. Но мало ли...

Во взглядах Джиги ненависти не было. По большому счету в них вообще не было никаких чувств. И улыбался, и хмурился Демьян как-то не по-настоящему. Перепелкин пригляделся и понял: глаза генерального продюсера были пустыми и холодными. Оттого и улыбка на болезненно полном лице казалась резиновой, и сердитость — наигранной. Хотя, подумалось Алексею Викторовичу, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Демьян работал перед объективом камеры. Может быть, он просто сдерживал чувства от нежелания или боязни их выказать. А вот Григорий Барчук своих чувств перед камерой не скрывал. Он был открыт и беспечен, не боялся припечатать крепким словом коллегу, высказавшего откровенную глупость, шутил, насмехался, издевался, хмурился, широко зевал, смотрел влюбленно-ироничным взглядом на женскую часть жюри и с чувством превосходства — на мужскую его часть. Ничто в его поведении не говорило о каких-то особых отношениях с Марфой, да и перед Вениамином знаменитый артист чувства вины, казалось, не испытывал. Сам Вениамин Молочник был спокоен, поглядывал на собеседников доброжелательно, говорил тихо, не обижался, когда его ненароком перебивали, и производил впечатление истинно интеллигентного человека. А вот Марфа Король заметно нервничала. Напор, с которым она произносила очередную тираду, был чрезмерен, и чрезмерность эта бросалась в глаза. Перепелкин подумал и сказал себе, что это состояние можно было бы назвать любимым словом Достоевского — «надрыв». Да, это был именно надрыв, хотя люди, далекие от творчества Федора Михайловича обозвали бы это банальной женской истерикой. Но члены жюри, похоже, истерики этой не замечали, а может быть, просто данное состояние было для Марфы обычным, и они к этому привыкли. «Нет, — остановил себя Перепелкин. — Истерика Марфы Король — явление не совсем

обычное. Сегодня ночью, стоя у трупа Мушкина, она была абсолютно спокойна. Никакого напора, никакого надрыва. И занятия с ребятами она ведет грубо, но вовсе не истерично. Перепады настроения у женской половины человечества, конечно, случаются, и нервозность на обсуждении конкурса может ничего и не значить, но эта женщина вполне способна держать себя в руках. А что показывает запись? Вот, и вот, и еще... Откуда этот испуг при взгляде на милого, интеллигентного супруга?»

Перепелкин остановил запись и резко поднялся. Психологические нюансы — вещь, конечно, полезная, подумалось ему. Но пора собирать фактуру. Вряд ли на пленке может быть зафиксировано то, что приблизит к разгадке преступления. Почему у Мушкина, который занимался делом целую неделю, этой фактуры кот наплакал? Игорь так не работал. За неделю он мог три тома информации накопить. А в его номере на столе лежала тоненькая папочка со скуными фактами биографии фигурантов, протокол осмотра места преступления, копия заключения экспертизы... Протокол допроса свидетеля Петрова, свидетельницы Марфы Король... Дежурные вопросы, скудные ответы. Удивительным было и еще одно обстоятельство. Как было известно Алексею Викторовичу, на вопросы начальства, которое своими звонками изрядно истерзало мобильник Игоря, Мушкин отвечал кратко и уклончиво. А это вообще никак не было на него похоже. Игорь любил хвастаться своими успехами перед начальством.

Перепелкин допил минералку, сделал несколько звонков в родное управление, потом решился на звонок домой, выслушал наполненную экспрессией речь супруги о его работе и о нем лично, а затем, потирая пылающие уши, отправился на свежий воздух — размять конечности, а если повезет, поболтать с кем-нибудь на фоне сосен и волн о деле. Тем более что, судя по расписанию дня, врученного Перепелкину заботливым администратором, у «звезд» и их «надсмотрщиков» в данный момент намечался обеденный перерыв.

«Я под землей до правды доберусь».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

Море было спокойным и ласковым, золотистые блики на гребне легких волн дразнили и звали в воду. Над Глорией смеялись все кому не лень, когда она называла Финский залив морем. «Какое же это море? Это лужа, а не море!» Она и сама знала, что лужа, Маркизова лужа, и по географии, и по истории у нее всегда были пятерки, но почему нельзя называть залив так, как ей хочется? Тем более что с точки зрения географической науки не так уж она и не права. Залив — часть моря, поэтому тоже море. Она любила его. И лужей именовать никак не могла. Это просто спасение, что в дневные часы можно было вырваться на свободу. Иначе она просто сошла бы с ума. Проводить все время за высоким забором с колючей проволокой сверху, видеть одни и те же лица — бр-р-р!.. Хорошо, что есть «Галкина тропа». Хотя это никакая и не тропа, а просто лаз в заборе за густым кустарником. Галка гвозди собственными руками расшатала, вытащила, потом на место приладила. Для того чтобы выйти, нужно просто их вынуть, а потом обратно засунуть, но не до конца, чтобы шляпки чуть выступали... Тот, кто не знает о «тропе», нипочем не догадается, что доска на честном слове держится, а гвозди так, для видимости торчат.

Здесь, на «воле», несмотря на множество галдящих, праздных пляжников, Глория наслаждалась одиночеством. Она не знала никого, и ее никто не знал, никому не было до нее дела. Спасатели и их подружки в это время «несли вахту» — бороздили водные просторы на стареньких шлюпках, лениво поглядывая на резвящихся пловцов. Их умения здесь никому не были нужны — утонуть в «луже» можно только если очень постараться. О том, что по берегу гуляет Глория, они не догадывались, а посему и не навязывали ей свою компанию. Обычно она доходила по берегу до самого Комарово, покупала в пляжном павильоне мороженое (запрещенное в пансионате!) и возвращалась обратно, успевая к следующим съемкам. Но сегодня в Комарово она не пошла, купила мороженое прямо на пляже у мороженщика, суетящегося с огромной сумкой-холодильником среди загорелых, обнаженных фигур, и присела на небольшой валун в тени, куда народ особенно не стремился.

Ей нужно было успокоиться и сосредоточиться. И понять, что следует делать дальше. Очень хотелось все бросить и уехать домой. Дома хорошо, спокойно, там не смеются тебе прямо в лицо, не стреляют в затылок и не толкают людей с крыши. Там добрая, мудрая, старая бабушка, которая все понимает и никогда не сердится, и печет такие вкусные пироги с вишней и черной смородиной. Бабушка ничего не сказала, когда Глория все-таки решила ехать в Петербург, но ведь было видно: она против этой затеи. Да и Глория была против! Если бы не Барчук с его даром убеждать кого угодно и в чем угодно, она бы, конечно, осталась. Но он сумел убедить даже бабушку, которая современную эстраду на дух не переносила. Да что там говорить! Она по телевизору только передачи канала «Культура» смотрела. Да изредка новости. Если бы не Григорий...

«Вы сын Барчука? — спросила бабушка, когда он переступил порог их дома, и глубокие морщины, испещрявшие все ее лицо, удивительным образом разгладились. — Да, конечно, вы очень похожи. Сергей Барчук — один из моих любимых артистов. Какой талант!» Глория

видела, как смутился Григорий. И даже пробормотал некстати: «Да и я тоже ничего...», но потом спохватился и отчетливее произнес: «Да, отец был хорошим актером. И очень хорошим человеком». И злость в глазах, с которой он пришел в дом Кошелкиных, пропала напрочь. Они понравились друг другу — бабушка и Барчук. Бабушка искренне не понимала, как он — сын такого замечательного человека — может участвовать в таких «сомнительных» проектах. Барчук искренне не понимал, как «девочка может оставаться в Октябрьске, имея талант, молодость и красоту», а ее бабушка — «не заботиться о будущем своей любимой внучки». Они разговаривали интеллигентно, по-доброму, даже радостно как-то, как люди, которые долго искали близкого по духу человека и наконец-то нашли. Глория в их разговорах не участвовала, но когда бабушка выходила на кухню в очередной раз подогреть чайник, шептала Барчуку: «Никуда я не поеду. Вы же видите, какая она беспомощная. С кем она здесь останется?» Гриша удивленно смотрел на нее и переспрашивал: «Беспомощная? Вот эта милая леди — беспомощная? Девочка, где твои глаза? Да она нас с тобой переживет!» «У нее больное сердце», — объясняла Глория. «Тогда мы устроим ей путевку в санаторий, — весело проговорил Барчук. — Как раз на время съемок. А там поглядим. Может быть, ты сделаешь карьеру и перевезешь бабушку в Питер. Или в столицу». «А корова?» — ужасалась Глория от перспективы, нарисованной Барчуком. «Сдадим кому-нибудь в аренду, — смеялся он. — Наверняка в Октябрьске найдется какой-нибудь кот Матроскин. Да Бог с ней, с коровой! Я вам потом другую корову куплю». «Но зачем вам это нужно? — окончательно терялась Глория. — Приехали вот, уговариваете... Путевку бабушке, корову в аренду... Разве мало таких, как я?» «Много, — соглашался он. — Но я не могу бегать за всеми. Вот выбрал тебя. А раз выбрал, значит, не отстану. Характер такой, понимаешь...» Глория не понимала. А бабушка... Бабушка вздыхала, смотрела ласково на Григория и мягким, проникновенным тоном спрашивала: «Григорий, вам, действительно, кажется, что Глория вполне справится с такого рода... работой? Я полагала, что для нынешней эстрады необходима несколько иная... натура...» «Ну как... — Барчук изображал задумчивость. А может быть, по-настоящему задумывался — про него никогда нельзя сказать, играет он или нет. — Ведь это смотря с какой стороны смотреть на это дело. Во времена вашей молодости и молодости моего отца была одна эстрада. Шульженко, Утесов, Козин, Русланова... Во времена моей молодости — другая. Зыкина, Магомаев, Кобзон... Сейчас эстрада отличается от эстрады времен оных. Но откуда мы знаем, какой она должна быть? Вот пляшут сейчас мальчики и девочки по сцене, безобразно пляшут и поют паршиво, а мы думаем, какая дрянь все нынешнее искусство! Но ведь это не искусство виновато, а конкретные люди, которые допустили дрянь на сцену. Может быть, на современной сцене как раз не хватает таких артистов, как Глория... с ее натурой... Лично мне не хватает... А вы кем ее хотите видеть в будущем?» Бабушка от этого вопроса терялась. Бывшая учительница, одна воспитавшая сына, а потом и внучку, она никогда не думала о карьере Глории. Вернее, она была твердо убеждена, что никакую карьеру девушке делать не нужно. Она постоянно пыталась внушить эту мысль Глории. Вот она выучилась и оттрубила в школе больше сорока лет. Сына выучила на инженера, а закончил он жизнь путевым обходчиком. Ну, это он сам, конечно, виноват, мужчина должен вверх продвигаться в своем деле, а он, напротив, по наклонной катился. А вот женщина... Для женщины главное семья, дети. Много детей. И любящий муж. Вот какой был предел мечтаний бабушки. Может быть, потому что ей самой ужасно этого не хватало. Глория с бабушкой не спорила. Понимала, пока бабушка жива, ни о какой карьере думать не приходится. Выучится она на учительницу, будет малышкой учить,

как бабушка, — вот ее карьера. Потом прискачет принц на белом коне или хотя бы на велосипеде и возьмет ее замуж. А потом родятся дети... Принц, действительно, прискакал. На «мерседесе» цвета «зеленый металлик», а не на велосипеде. Он не звал ее замуж. Он звал в другую жизнь. И звали этого принца Гриша Барчук.

«Надеюсь, это ненадолго», — неуверенно проговорила бабушка, понимая, что Барчук без ее внучки не уедет. «Все будет хорошо, Лизавета Матвеевна, — ответил Барчук. — Мы еще с вами споем... втроем...»

Домой ехать нельзя. Во-первых, бабушка из санатория только через две недели вернется. Во-вторых, это глупо. Уж если она обещала Барчуку, что пройдет весь этот ад до конца, то умрет, но пройдет. Не заставляй же его еще раз ехать за ней в Октябрьск. Есть еще одна причина, чтобы не ехать. Это как раз сам Барчук, что уж тут самой себе врать! Не хочется ей с ним расставаться. Это и смешно, и нелепо, и он к ней никаких чувств, как мужчина, не питает — он с Марфой в отношениях, это все видят. И больше того, Марфа заставляет его «роман разыгрывать» и с ней, и с Ласточкиной. Но это все равно. Ведь разыгрывает он роман или нет, но не проходит дня, чтобы он не подошел к Глории, не поинтересовался, как у нее дела. Видеть его, слышать чуть хриловатый голос — уже счастье. Пусть оно продлится недолго, но зато оно есть. Некоторые всю жизнь живут и счастья не знают. А ей повезло. Она не была уверена, что это любовь. Нет, правильнее было бы сказать: она была уверена, что это вовсе не любовь. Потому что радоваться встрече с человеком, ощущать себя при этом счастливой, еще не означает любовь... Или все-таки — означает? Когда человек начинает понимать, что к нему пришла любовь?

Вообще странно все это. Вот, например, все думали, что у нее с Молочником были отношения. Потому что все уверены, если мужчина и женщина встречаются, то у них обязательно роман. И никто не хочет понять, что между людьми может быть просто дружба. Независимо от пола. Хотя сейчас вообще никто дружбы не понимает. Если мужчины тесно общаются, значит, они геи. Если женщины — значит, лесбиянки. Почему люди так на людей смотрят? Завидуют? Или у них просто сознание убогое? Так бабушка говорила. «Ты дураков не суди. Они не виноваты, что мозги у них набекрень». Вот и про многих участников «Звездолета» так сказать можно. Да почти про всех. А ведь они потом на большую сцену выйдут, культуру в массы будут нести. И какая же это будет культура?

Глория повздыхала и поняла, что отвлеклась от главной проблемы, которую нужно было как-то решать. И не когда-то, а прямо сейчас. Говорить или не говорить следователю, что она была прошлой ночью на крыше и видела, как упал Мушкин? С одной стороны, следствию врать нельзя. И не потому, что так утверждает закон. А потому, что если соврешь, то дело в сторону может уйти. И преступник от правосудия скроется. С другой стороны, как рассказать о том, что она видела? Следователь просто покрутит пальцем у виска, а если и не покрутит (кажется, он вполне интеллигентный молодой человек), то все равно подумает про Глорию, что не надо. И что делать? «Что ты сама с собой-то рассусоливаешь? — рассердилась она на себя. — Вот бабушка бы ругалась от такой рефлексии! Ты же знаешь, что делать. Преступника искать, который Мушкина с крыши сбросил. Дух, если он дух, этого сделать не мог. А сделать это мог только человек. И он здесь, в пансионате находится. Не такая уж сложная задача — среди двух сотен честных граждан одного нечестного отыскать». И с духом надо как-то разбираться. Дух он или нет, но надо с ним, как говорят в дурных сериалах, на контакт выходить. Пампушка говорит, что она его возле хозблока видела. А на крыше Глория его и сама видела. Стало быть, в двух местах надо появляться обязательно в

любую свободную минутку. А если он не дух, то это актер, конечно. И стало быть, он где-то под Веню гримируется. А на это время нужно. У кого из участников съемок или прочих граждан времени свободного много? И одевается он, как Молочник. Вот сегодня ночью у него (у духа? у актера?) ботинки были Венины. Их не спутаешь с другими: черные, в дырочку, правый шире левого, потому что у Вени косточка большого пальца очень сильно выпирала. Если найти эти ботинки (если, конечно, это не дух!), то они вполне могут на актера вывести. Итак, прогулки по крыше, возле хозблока, грим и ботинки... Глория вылизала из вафельного стаканчика все мороженое, потом с удовольствием съела вафлю (ах, как она любила есть ее отдельно от мороженого!) и поднялась. К хозблоку она пойдет прямо сейчас. А потом в примерку. Вдруг у гримеров пара коробок с гримом пропала?

«Как это нам проверить?»

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

— В чем-то ты прав, — проговорил Барчук, с уважительным интересом глядя на Перепелкина. Они встретились на побережье, и следователь поделился с ним своими сомнениями по поводу только что увиденного на кассетах. — Я и сам это заметил. Эта супружеская чета имела какие-то общие финансовые интересы с Демой. Я в эту фишку еще не врубался серьезно, да и на фиг мне это надо было? Но когда Демьян сказал мне, что собирается делать проект в Питере, да еще с помощью какой-то Марфы, я насторожился. Даже если бы Марфа была с профессиональной точки зрения семи пядей во лбу, то разумнее было бы пригласить ее в Москву. Питер — счастливый город только для сериалов. Шоу здесь, как правило, проваливаются. Тем не менее, Джига вбухивает свои капиталы в питерский вариант.

— Простите, Григорий, — перебил его Перепелкин. — Вы сказали о Марфе — «даже если бы»... На самом деле она — не семи пядей?...

— Да нет, толковая барышня, весьма, — покивал головой Барчук. — Но не из ряда вон. Я об этом раньше не особо задумывался, а вот ты спросил, и мысля заработала. А что если она или ее супруг поставили условие снимать шоу здесь? Тогда объясняется решение Демьяна. Потому что, сколько я его знаю, к городу трех революций он никогда теплых чувств не питал. Да нет, это я не так выразился. Понимаешь, Леша, ты извини, конечно, но он этого города вообще не замечает. С профессиональной точки зрения. Ну, провинция и провинция, еще раз извини.

— А ты можешь спросить об этом Марфу прямо? — Перепелкин впервые решился обратиться к Григорию на «ты». — Со мной она вряд ли будет откровенничать. Да ведь и с Джигой вы друзья...

— Знаешь, как говорят: дружба дружбой, а конфетки врозь, — усмехнулся Барчук. — Я не лезу в его финансовые заморочки. Он мне платит по контракту, мы вместе водку пьем по праздникам или когда приспичит. Но по поводу своих бизнес-стратегий он со мной не базарит. Да и я бы удивился, если бы это положение вещей вдруг изменилось. Хотя... Раз пошла такая свалка, я тебе скажу: перед началом этой работы он пообещал мне не только гонорар, но и процент с прибыли. Ну, в устной форме пообещал, документально это нигде не зафиксировано. И я вот думаю: то ли он, таким образом, хотел меня уломать, то ли... И здесь я останавливаюсь. С какой стати ему это делать? Я ведь бабки свои в это дело не вкладывал.

— А Марфа с Вениамином, получается, вкладывали? — задумчиво проговорил Перепелкин.

— Какая-то сермяга в твоём предположении есть, — кивнул Барчук. — Как ты верно заметил, уж слишком они с ним фамильярны. Наемные рабочие так себя не ведут.

— Ты тоже с ним... фамильярен, — сказал Алексей Викторович.

— Ну так мы с ним с детства кореша, — улыбнулся Григорий. — Говорю я тебе: бабок моих в проекте нет. Это легко проверить.

«Проверим», — подумал Перепелкин, а вслух перевел разговор на другую тему:

— А о чем с тобой Мушкин беседовал? Какие вопросы задавал?

Барчук поморщился.

— Версию треугольника крутил. Накапал ему кто-то, что мы с Марфой... ну, ты понимаешь...

— М-м-м... — Алексей Викторович отвел взгляд. — А и правда — может быть такая версия... Игорь спрашивал, как на ваши отношения реагировал Молочник?

— В точку, — вздохнул Барчук. — У вас шаблон, что ли, какой имеется для допросов?

— Шаблон имеется. Но и без шаблона понятно, что спрашивать, если треугольник.

— Чего ж не спрашиваешь?

— Во-первых, я занимаюсь смертью Мушкина, а не Молочника. Дела поэта мне официально пока еще никто не передавал, — ответил Перепелкин. — Во-вторых, не знаю, как Игорь думал, а я твердо убежден, что муж еще может любовника порешить, а вот любовник мужа — только в одном случае. Если ему очень надо жениться на любовнице. А такие случаи очень редко бывают. В романах Бальзака разве... Или в итальянских фильмах. А в наше время люди спокойно рога друг другу наставляют безо всякой итальянщины.

— Ты мудрый парень, Леша, — хмыкнул Барчук. — Только я все-таки скажу, что я твоему предшественнику ответил. Молочник знал о наших отношениях с Марфой и относился к этому с изрядной долей скептицизма и стоицизма. А проще говоря, плевать ему было, с кем Марфа спит.

— Так не бывает, — тихо сказал Перепелкин. — Если он был нормальным человеком, ему не могло быть все равно. Это он сам тебе сказал, что ему плевать?

— Сам не сам, какая разница? — Барчук слегка смутился. — Я могу сказать одно: мы не были соперниками с Молочником. И борьбы за женщину у нас не было. Я вообще считаю, что смысла нет за баб бороться. Пусть лучше они за нас космы друг другу выдергивают.

— Я приблизительно так и думал... — пробормотал Перепелкин. — Ты часто моего предшественника здесь видел?

— Да он все время здесь толкался, — ответил Григорий.

— Это я знаю, — кивнул Алексей Викторович. — Но ведь можно мельком обращать внимание на человека, а можно видеть, наблюдать, беседовать, водку с ним пить, в конце концов...

— Ни разу не видел, чтобы твой приятель водку пил, — Барчук задумчиво выпятил нижнюю губу. — И не пахло от него никогда даже пивом. Поэтому мне и в голову не приходило сто грамм ему предлагать. Он все больше с нашими барышнями по пляжу гулял. Наблюдать я за ним не наблюдал, а беседовали мы только один раз. Под протокол.

— Но ты же наблюдательный человек, как и все актеры, — польстил Перепелкин Григорию. — Как тебе кажется, он напал на какой-то след или так, вслепую работал?

— Трудно сказать, — Барчук пожал широкими плечами. — Бутафорил он много — это да. Вон с Петрова нашего не слезал, совсем парня извел. Но я, как и всякий актер, прекрасн видел, что это для отвода глаз делается. Потому что дураку ясно, что наш Сережа из рогатки в ворону стрелять не станет, не то что из серьезного оружия — в человека.

— Бутафорить — это прикидываться? — догадался Перепелкин, триллеров про спецназ не читавший, а посему впервые услышавший термин. — А ведь Мушкин Игорь Николаевич тебе не нравился.

— Не нравился, — согласился Барчук. — Он никому здесь не нравился. Но что поделать — встречаются в жизни необаятельные люди. Вот ты мне понравился. Сразу как увидел, когда вы с экспертами труп осматривали. Мне сразу стало понятно: нормальный мужик

делом занимается.

— Спасибо, — смутился Алексей Викторович, понимая, что знаменитый актер не остался в долгу за лесть, во-первых, а во-вторых, что он ни капельки не задержался, когда ему намекнули, что покойный следователь не вызывал у него симпатии. — Тогда позволю еще один вопрос... по шаблону. Ты сам-то что про все это думаешь? Не для протокола вопрос, учти.

— О чем? — сощурился Барчук. — Кто Вениамина убил? Или твоего друга?

— Обо всем... — туманно ответил Перепелкин.

— Ответ еще классики дали, — хмыкнул Барчук. — Кто шляпку спер, тот и старушку пришил. Ищи, что сперли у Вени. А потом и у твоего предшественника.

— Сперли? — эхом отозвался Алексей Викторович, забыв, что не употребляет просторечных выражений. Какая-то мысль промелькнула у него в сознании, но не удержалась — пропала...

«Слова, слова, слова...»

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

В опечатанный кабинет Вениамина Молочника можно было попасть только через балкон соседнего номера. Но соседний номер тоже был опечатан — там до сегодняшней ночи жил следователь Мушкин. Оставалось только взломать ту или другую дверь. И тем самым усугубить свое положение до предела. Если, конечно, его застанут за взломом или в самом кабинете. Риск был велик. Но Ежик твердо решил добраться до компьютера Вениамина. И как это ему раньше в голову не пришло? Разгадка смерти поэта может вполне таиться в памяти машины. Вдруг у Молочника не только стихотворные файлы имеются? Вдруг переписка какая-нибудь сохранилась? Или просто дневниковые записи, а в них фраза: «меня хотят убить...» Конечно, это было бы слишком большим везением, но вдруг?... Мушкин, понятное дело, машину смотрел. Так ведь не большой спец по компьютерам был этот Мушкин. Если у Вениамина все запаролено, а Сережа в этом не сомневался, то вряд ли покойный следователь чего из памяти компьютерной извлек. А Сережа извлечь сможет. Только бы там было что-нибудь! Хоть намек какой-нибудь. Уже будет шанс от обвинения отбиться.

Время обеденного перерыва для осуществления задуманного плана было выбрано не случайно. Во-первых, сам Ежик в это время был предоставлен самому себе. Во-вторых, весь «звездно-тивишный» народ — уставший и оголодавший — не меньше получаса будет тратить на прием пищи. Но и после никто по коридорам гулять не будет — одуревшие от духоты в репетиционных помещениях все обязательно рванут на свежий воздух. Там хоть и такая же температура воздуха, что и в стенах пансионата, но все-таки есть чем дышать. Да и вообще — что делать в помещении, когда на дворе лето, солнце, воздух и вода? Стало быть, полтора часа у него в запасе есть. Только бы какой-нибудь обалдуй не надумал все-таки заглянуть в свой номер по какой-нибудь острой нужде.

В коридоре, где находились номер покойного следователя и рабочий кабинет покойного поэта пока было пусто. Сергей подошел к дверям и с минуту любовался на желтоватые полоски бумаги с размазанными печатями. Потом спохватился и достал из кармана стамеску, которую накануне позаимствовал у павильонных рабочих. Опыта взлома Ежик не имел, но решимости хватало с лихвой. Он содрал бумажку, просунул лезвие инструмента в щель между косяком и дверью на уровне замка и стал бодро расшатывать конструкцию. На бордовую дорожку посыпались мелкие щепки. «Господи, — вдруг подумал он с ужасом, — а если бы двери были металлическими?» Через некоторое время, оглядев творение своих рук, он понял, что теперь ему точно не сносить головы — следы взлома были налицо, хотя до самого взлома дело еще не дошло. Ежик посмотрел на часы — на бесплодное занятие он потратил около десяти минут. В отчаянии он принялся расковыривать отверстие замка. Замок шатался, скрипел, но не поддавался. «Если через минуту он не поддастся, буду ломать вторую дверь», — подумал Сергей, переставая что-либо соображать. Но не через минуту, а именно в эту самую секунду под инструментом что-то щелкнуло, а дверь приоткрылась на два миллиметра.

— Ну то-то же, — произнес Ежик вслух и тихонько рассмеялся, подумав, что в

следующий раз прихватит для взлома что-нибудь более внушительное. Например, гвоздодер и кувалду.

Но только он закрыл за собой дверь, как решимость и бравада оставили его. Ежик вспомнил, как он входил в этот кабинет неделю назад, какая картина открылась его взору, как задрожали внезапно ноги... Ноги и сейчас задрожали. Потому что в помещении все было, как тогда. Ну, за исключением маленькой детали — трупа Вени не было. Зато возле стола на ковре красовался жирный абрис фигуры, которая здесь некогда лежала.

«Странно он падал, — вспомнил Сергей слова Мушкина. — Ведь почти под стол упал. Может быть, вы, Сергей Иванович, его как-то подвинули ненароком? И если да, то зачем?»

Сергей Веню ни ненароком, ни каким иным образом не двигал. Он вообще к нему близко не подходил. Но удивления Мушкина не понимал. Положение тела было вполне объяснимо. Убийца выстрелил Молочнику в затылок. Тот перед выстрелом сидел в своем кресле и работал. Когда в него попала пуля, он дернулся, кресло на колесиках откатилось, а Молочник рухнул лицом вниз. Но Мушкин был убежден, что есть что-то в падении тела неправильное. Ему, конечно, как профессионалу, виднее. Впрочем, и в его падении было что-то неправильное.

Ежик пересилил страх, пододвинул кресло к столу, постарался не думать о том, что сейчас наступает на *то самое* место, и включил компьютер. Тот отозвался знакомым и успокаивающим гудом. И Сергей нешуточным усилием воли отогнал все ненужные мысли. Сейчас требовались сосредоточенность, сообразительность и быстрота. От этого зависело многое. Например, его, Сережкино, будущее. Только бы найти зацепку...

Прежде всего он открыл доступные файлы, в которых Молочник работал последние дни. В них, как и ожидал Сергей, были стихи и ничего, кроме стихов. Искать намеки на мотив преступления и личность преступника в них было глупо. Но Ежик прочел несколько. А последнее особенно внимательно.

«На перекрестке двух дорог
Я уголю свою печаль.
На перекрестке двух начал
Я украду чужую жизнь.
На перекрестке двух сердец
Я замету свои следы.
На перекрестке двух мечей
Я утону в твоих глазах.
На перекрестке двух ночей
Я закричу во тьму веков.
На перекрестке двух ручьев
Я не смогу забыть тоску.
На перекрестке двух речей
Я прикажу закрыть окно.
На перекрестке двух смертей
Я соберу тебе грибов...»

Стихотворение показалось Сергею вполне законченным. Правда, он ничего не понял

про грибы, но считал, что поэт вправе писать то, что хочет. Однако, подумалось ему, довольно-таки нелепо завершать жизнь такой вот строкой. А о чем думал в последние секунды жизни Мушкин? О чем вообще человек думает в последние секунды? По спине Ежика пробежали мурашки. Как страшно, наверное, падать с высоты, зная, что это конец...

«Соберись», — приказал он себе и окинул быстрым профессиональным взглядом еще несколько текстов. В одном он нашел слово «убийство», но вряд ли оно имело отношение к смерти поэта.

«Стой, кто идет?

Нет, сам ты кто, скажи!

И я шагну в пустую темноту.

Там нет пути, там нет фигур, сдержи

Из уст творящих крика немоту.

Огонь погас, но пламя той свечи,

что некогда так согревала нас,

сожгло мне сердце, празднуя в ночи

убийства, власти и всезнанья час».

«Значит, «на перекрестке двух смертей я соберу тебе грибов»? — задумался Ежик. — Пламя свечи празднует ночью час убийства... Дух доказывал Глории свою подлинность, рассказывая о том, как у него выпал из кармана огарок свечи. Полная дурь. Жизнь и смерть поэта непостижима. Но ведь убийство Вени было совсем непоэтичным. И вовсе не при свете свечи, а при ярком сиянии лампы дневного света. Убийца был своим. Потому что вежливый и интеллигентный Вени не позволил бы себе в присутствии малознакомого человека сидеть спиной к нему и работать. Даже когда приходил я, а он в этот момент работал, он тут же вставал и пожимал мне руку. И никогда не садился обратно, хоть и творил до этого. Что же это значит? На кого он мог совершенно не обращать внимания, наплевав на правила этикета? На свою жену? На близкого друга? Или, наоборот, на уборщицу или горничную? Не уборщицы не убирают номера и кабинеты в присутствии их обитателей. А может быть, он так заработался, ища рифму к слову «грибы», что просто не услышал, как кто-то вошел?»

Сергей понял, что не силен в дедуктивном методе, и полез в почту Молочника. Здесь он немного повозился, подбирая пароли и коды. Но, взломав простенькую защиту, и здесь не нашел ничего интересного. Письма от поклонников и поклонниц. «Дорогой Веничка, прочла ваш триптих о принце Датском. Потрясающе! Ничего более гениального я в жизни своей не видела...» И все в таком духе. Письма от издателей. Письмо от Демьяна Джиги. Рутинная деловая бодяга... Письма от недоброжелателей. «Слушай, чувачок, бросил бы ты этот отстой. Колени и голени рифмовать может только такой кретин, как ты...» Заявка на установку новой программы — это уже от самого Вениамина послание. В компьютерную фирму. Зачем Вениамину понадобилась последняя программная новинка для архитекторов, Сергей не понял. Наверное, поэт дом новый собрался строить и самостоятельно разработать проект, решил он. Прочтя еще несколько посланий, Ежик впал в уныние. Все зря. И дверь взламывал зря, и пароли. Скорее машинально, чем надеясь на что-то, он попытался открыть папку «Триптих». Папка была защищена паролем и не каким-нибудь простеньким, а очень даже навороченным. Сергей взмок, пока пытался взломать защиту. Но не придумали еще

такой защиты, которая бы не поддавалась умению великого взломщика Сережи Петрова. Через десять минут он открыл первый файл папки. «Есть много, друг Горацио...» — сразу бросилась в глаза строка, выделенная крупным красным шрифтом. Далее снова шли стихи. В том числе и про то, о чем писал недоброжелательный критик Вениамину.

Быр-мыр-пыр, как бы — нот ту би? А потом удивляешься, что не поняли? Ты лучше бабу свою поцелуй в колени, ланиты и голые голени.

«Да, неудачная поэзия», — подумал Ежик и нажал на стрелку прокрутки, а затем, не обнаружив ничего, кроме таких же сомнительных стихов, он открыл следующий файл под названием «Тень». И увидел то, что заставило его забыть о плюсах и минусах творчества Вениамина Молочника...

«Черт возьми, тут есть что-то сверхъестественное».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

Для Глории, которая предпочитала одиночество всему остальному, гулять возле хозблока было одно удовольствие. Находящееся на самых задворках двухэтажное здание было со всех сторон окружено зарослями бузины и боярышника, внутри кипела работа — из распахнутых настежь окон доносились веселые женские голоса, что-то позвякивало, гудело, скрипело и брэнчало. Входили и выходили люди — с ящиками, кастрюлями, баками, стопками белья, тут же бегали дети работников, но никто не обращал на Глорию ни малейшего внимания. И это было одиночество, как на пляже, пусть и «публичное», если пользоваться театральной терминологией, но все же одиночество. «Где же могла его видеть Пампушка в столь ранний час? — удивленно подумала Глория, несколько раз обойдя здание вокруг и даже оцарапав локти о колючий кустарник. — Ведь утром здесь, наверное, точно так же кипит работа. Или на него точно так же не обращали внимания, как на меня? Но разве это возможно? Телевизор все, наверное, смотрят. Видели и «криминальный сюжет», где Вениамина показывали во всей красе. И живого, и мертвого».

Из-за торца здания раздался грохот, а затем Глория увидела, как тщедушный, длинноволосый парень в рваной робе с трудом толкает тележку, нагруженную ящиками с фруктами и овощами. Взгляд его был странно мутным — он словно не видел ничего вокруг, в том числе и своей тележки. Он проехал мимо нее и внезапно притормозил.

— Ты чего сейчас-то пришла? — не глядя на Глорию, сипло спросил он. — Не видишь, я работаю?

— Вижу, — оторопев, проговорила она. — Работай на здоровье.

— Да, ладно... — парень отпустил телегу и выпрямился. — Подождут. Счас схожу. Тебе сколько?

— Чего — сколько? — Глория окончательно растерялась.

— Бутылок, — как о само собой разумеющемся сказал он и поднял на нее глаза. Какая-то заинтересованность в его взгляде промелькнула. — Или тебе вмазать требуется?

— Вмазать... — пробормотала она. — Вмазать не требуется.

— Ну, тогда чего дуру валяешь? Чего тебе — вина, водки или, может, коньяку?

— А... — Глория стала немного вникать в ситуацию и теперь судорожно соображала, как из нее выйти. — Шампанского нету?

— Крутая? — хмыкнул парень. — Я так и думал, когда на тебя по ящику зырил. Не-а... Извини, шампуня не держу. Могу, конечно, вечером прикупить. Но на это время требуется. И аванс.

— Сколько? — изобразила она озабоченность.

— Смотри сколько бутылок тебе требуется, — сощурился парень. — За услуги — полташка. Остальное — по ценнику.

— Позже принесу, — сказала Глория. — А чего-нибудь из другого разряда ты не можешь достать?

— Я все могу, — кивнул он. — Дури, что ли, надо?

— Дури не надо. А вот... пушку можешь?

— Блин! — воскликнул парень и схватился за перекладину тележки. — Пушка-то тебе зачем?

— Много будешь знать, плохо будешь спать, — усмехнулась она. — Для самозащиты, допустим. Ты же, наверное, слышал, что у нас тут творится.

— Ну, у тебя и запросы... — озадаченно фыркнул он. — Ладно, закину крючки. Но не обещаю ничего. Стволы — не мой профиль. А насчет шампусика не беспокойся. Притараню. Он махнул рукой и медленно покатил свою поклажу в сторону главного здания.

— Глория! — послышался тихий голос.

Она вздрогнула и резко обернулась. В пяти метрах от нее возле куста боярышника стоял... Вениамин, а вокруг него клубился розоватый дымок.

— Глория, а я новые стихи сочинил, — сказал он. — Хочешь, прочитаю?

Глория растерянно оглянулась на парня, который не успел отъехать далеко. Тот, словно почувствовал ее взгляд, обернулся. Она непроизвольно подняла руку и показала грузчику на Веню.

— Тоже глючит? — невесело рассмеялся он. — Пес его знает, чего он тут поселился. Ты его не бойся. Топни ногой или глаза зажмурь — испарится на раз. — И он спокойно повез тележку дальше.

— Глория, Глория... — с упреком проговорил Вениамин. — Все еще сомневаешься в моем существовании? Другие ведь тоже меня видят.

— Он, по-моему, наркоман или алкаш законченный, — сказала она и заставила себя сделать шаг навстречу духу. — И сейчас или под кайфом, или с сильного похмелья.

— Но ты-то не с похмелья, — улыбнулся он.

— Я не с похмелья, — сказала она. — Поэтому сомневаюсь не в твоём существовании. А в твоей... бестелесности...

— Правильно делаешь, — кивнул он. — Иди и потрогай меня.

— Зачем? Я вот сейчас возьму камень и брошу тебе в голову, — сказала Глория. — А потом посмотрим, что из этого выйдет.

— Ты посмеешь бросить в меня камень? — Вениамин засмеялся. — Ну, брось, если так хочется. Только предупреждаю: я сразу же исчезну. Знаешь, мне все равно, но природа моя теперь так устроена, что я не выношу никаких злых эмоций по отношению к себе.

— А я без эмоций брошу, — сказала она. — Просто в порядке эксперимента.

— Валяй, — печально проговорил дух и опустил голову. — Всякий может обидеть мертвого. Впрочем, меня и живого неоднократно обижали. Ничего, я привык.

Розовое облако вокруг него сгустилось. Но очертания фигуры были ясно видны. Глория оглянулась в поисках подходящего булыжника. Хотя после слов Вени ей совершенно расхотелось проводить эксперимент. Через некоторое время на глаза ей попался увесистый осколок кирпича, Глория подняла его и размахнулась.

— Ты еще здесь? — спросила она, вглядываясь в густую розовую пелену.

— Ага... — печально отозвался Веня. — Можешь подойти поближе, чтобы не промахнуться.

Глория подумала и сделала два маленьких шажочка по направлению к нему.

— Ближе, ближе... — теперь в его голосе звучала насмешка.

— Эй, ты, что собираешься делать? — громкий окрик за спиной заставил ее опустить руку и оглянуться. Перед ней стояла полная женщина средних лет в белом, застиранном халате, с красными руками. В руках она держала ведро и швабру.

— Вы... — голос Глории внезапно сел. — Вы что-нибудь там видите?

— Конечно, вижу, — грубовато ответила женщина. — Грешно в неуспокоенные души камнями кидаться. Брось каменюгу сейчас же!

Глория послушно выронила камень.

— Он... он тут...

— Да, — сказала непрощенная собеседница. — Он тут часто появляется. И никто его не обижает. И ты не смей! Грех это.

Когда женщина скрылась за дверью здания, Глория почувствовала, как сильно бьется сердце.

— Ты ее не слушай, — предложил дух. — Продолжай свой эксперимент.

— Я пойду... — произнесла она дрожащим голосом.

— Подожди, — проговорил он умоляющим тоном. — Мы ведь тогда на крыше не договорили. Ты молодец, что догадалась сюда прийти. Я многое должен тебе сказать.

— Говори, — сдалась она. Ноги ее дрожали, и она ничего не могла с этим поделать. — И прежде всего, скажи, зачем ты сбросил следователя с крыши?

— Я не сбрасывал, — ответил дух. — Я не могу никого сбросить. Он зацепился за трос. Крепление на лебедке сорвалось — будь прокляты халтурщики всех времен и народов. Я не хотел его смерти. Честное слово.

Глория вспомнила — действительно, была там какая-то конструкция на перилах. И трос болтался. Но ведь следователь, приехавший сегодня ночью, занимается делом *об убийстве!* Значит, это вопрос решенный — ни о каком несчастном случае и речи не идет.

— Хорошо, — сказала она. — Раз уж ты здесь, раз уж я здесь, раз у тебя есть тут покровители... то, наверное, я сошла с ума. И поэтому... я не буду бросать в тебя камень. О чем ты хотел поговорить?

— Ты помнишь, чем закончился наш прошлый разговор? — деловито спросил дух Вени.

— Ты сказал, что убийца должен сидеть в тюрьме, — быстро ответила она. — И собирался назвать его имя. Несмотря на то, что ты сидел спиной, когда он выстрелил, ты каким-то образом узнал его.

— У тебя всегда была прекрасная память, — с удовлетворением кивнул он. — Вот только сложность заключается в том, что вряд ли мое свидетельство будет иметь значение в суде. Я хочу попросить тебя...

— Да-да... — перебила его Глория. — Ты взываешь к отпущению. Я помню. Но у меня нет оружия, да если бы оно и было, разве я смогу в кого-нибудь выстрелить? Или еще как-нибудь... убить?...

— Оружие тебе достанет Анатолий, — сказал дух. — Этот парень с тележкой. Я ему в этом помогу. Ты же сама просила. Извини, но я слышал весь ваш разговор. Ты пристрастилась к порошку? И зачем тебе понадобился пистолет?

— Защищаться от убийцы, — сказала она.

— Убийца больше никого не тронет, — сказал дух Вени. — Ему нужен был я.

— И Мушкин, — упрямо проговорила Глория.

— Да нет же! — воскликнул он. — Мушкин его не интересовал. Мушкина Бог наказал за любопытство. Его никто на крышу не приглашал. Глория, я помню тебя другой. Ты очень изменилась за последнюю неделю. Ты не хочешь за меня отомстить? Мне казалось, что ты неплохо ко мне относилась. А теперь тебя даже не интересуют мои новые стихи.

— Ты тоже очень изменился. Раньше ты не так разговаривал, — пробормотала она. — И

я не знала, что духи могут сочинять стихи.

— Что в этом такого? — обиделся Венин дух. — Сознание еще живо. Тебе, правда, не интересно? Можно подумать, что тебе каждый день предлагают творения из мира иного.

— Я хочу поскорее уйти отсюда, — призналась Глория. — Поэтому стихи ты считаешь мне в следующий раз. Ты хотел назвать имя своего убийцы. Я слушаю тебя очень внимательно.

— А сама ты еще не догадалась?

— Нет, — покачала она головой. — Я склоняюсь к мысли, что это был совершенно посторонний человек. Потому что все наши к тебе очень хорошо относились.

— Видимость, дорогая Глория, одна сплошная видимость, — тихо засмеялся дух. — Тот, кто больше всех проявлял любовь на людях, больше всех ненавидел меня. Меня убила Марфа. Подлая тварь. Как она радовалась, когда следователь вцепился в твоего Сергея. Если бы мальчика засадили, в ее душе не дрогнуло бы ничего.

— Почему? — тихо спросила Глория. — За что она тебя убила?

— За что? — с горечью воскликнул дух. — А вот послушай:

По белому снегу зимой
Я шел, спотыкаясь, домой.
По черному снегу весной
Я шел, спотыкаясь, домой.
Не знаю времен я других,
хотя, говорят, я не прав.
Такой уж неласковый нрав
у мыслей и песен моих.

Нравится? Прости, я все-таки не удержался от исполнения. Но эти стихи отвечают на твой вопрос.

— Да? — удивилась Глория. — Но я не понимаю этого ответа.

— Хорошо, тогда вот тебе другие строчки:

Ты думаешь: красавица,
так всем должна понравиться?
А мне вот ты не нравишься,
Хоть желчью изойди.
Ну, и вообще... иди!

Она ненавидела меня за то, что я не рассыпался перед нею в нежностях, — ответил дух. — Эта ненависть началась давно. Но когда-нибудь чаша терпения переполняется. У нее появился новый любовник — красавчик, видимо, она прочила его в новые мужья, а я мешал. Все просто и старо, как мир. Она — дрянь, и готова продать или убить любого, кто стоит у нее на пути. Ты и сама этой поймешь, когда в финале начнется раздача слонов и подарков. Присмотришься к ней. Я не настаиваю на том, чтобы ты начала мстить сразу. Но, уничтожив ее, ты не только отомстишь за меня, но и убережешь многих живых от зла, которое она

несет.

Неожиданно прямо над головой Глории громко засвиристела какая-то веселая, беззаботная птица. Глория подняла голову, пытаясь разглядеть ее в густой листве каштана, возле которого стояла. Но ничего не увидела, а посвист раздавался все громче. Она перевела взгляд на Веню, но... Веня исчез. И розовая дымка исчезла. Как будто бы ее и не было только что. Она бросилась к кустарнику, стала раздвигать ветки, оцарапала лицо и руки, но дух исчез бесследно.

«Наверное, это все-таки сумасшествие, — подумала она, выбираясь из зарослей боярышника. — И дух, и уборщица, и парень с тележкой мне привиделись. А сама я нахожусь вовсе не здесь, а где-нибудь совсем в другом месте. Потому что это совсем не похоже на реальность. Может быть, мне что-то подсыпали в суп или минералку? Эта звездная команда на все способна... Но если это мои видения и мои мысли, то почему я решила, что Веню убила Марфа? О ней, как об убийце, я никак не могла подумать. Да что же это делается? Если передо мной сейчас стоял дух, то почему ему никто не удивляется? А если живой человек, разыгрывающий непонятный спектакль, то получается, что они тут все в сговоре. И среди них вполне может оказаться преступник...»

«Будем надеяться, что голос ваш не фальшивит».

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

Разговор с Перепелкиным взбудоражил Григория помимо его воли. Казалось бы, ни о чем особенном и не беседовали. Просто Барчук почувствовал, что молодому следователю нужна поддержка и помощь, и не стал изображать недоступную «звезду». Тем более, что парень был ему симпатичен. Но слово за слово, и Григорий стал постепенно заражаться теми же сомнениями, что тревожили Перепелкина. Бредя по побережью и полной грудью вдыхая свежий морской воздух, Барчук признался себе, что до недавнего времени имел совершенно превратные представления о Вениамине Молочнике. Скромный, застенчивый, доброжелательный, отзывчивый, интеллигентный — вот определения, которые первым делом приходили на ум, когда речь шла о поэте. Веня терялся в присутствии своей супруги, бледнел и краснел, когда она повышала на него голос. Он мог поддержать любую тему разговора — познания его в какой бы то ни было сфере были поистине безграничными. Глядя на Молочника, вряд ли кому-нибудь пришло в голову, что он интересуется финансовыми операциями, бизнесом, котировкой валют, ценами на недвижимость и прочими подобными вещами. И тем не менее, Барчук прекрасно помнил то заседание жюри, на котором Джига назвал поэта финансовым гением. Григорий знал, что Дема таким образом шутить не стал бы. Да и тон, припомнил Барчук, с которым Джига произносил эти слова, был скорее завистливым, нежели насмешливым. Марфа о финансовых способностях мужа отзывалась презрительно, даже сказала как-то Барчуку, что вынуждена заниматься всеми делами Вениамина, связанными с издательским бизнесом, хотя ей совершенно недосуг. Но насколько она была искренней, говоря это? «Что я знаю об организационной стороне проекта? — спрашивал себя Григорий. — Да ровным счетом ничего. Демьян знает, что меня подобные темы никогда не занимали, поэтому и в курс дела не считает нужным вводить. Но те члены жюри, которые прислушивались к мнению поэта, видимо, знают больше. Например, Махалов или Мирзоян редко вообще кого-либо слушают, кроме себя любимых. А тут умолкали, когда начинал говорить Молочник. Нюанс многозначительный. И как это я тогда не обратил на это внимание?» Барчук вполголоса беззлобно выругался. Как-как... Понятно как. Он тогда вообще ни на что не обращал внимания. Он тогда Марфой Король любовался. Остальное ему было по барабану. Он даже на девчонок длинноногих не смотрел. А выступил один раз, когда за Глорию Кошелкину пришлось заступаться. Он тогда ее отстоял, да и Вениамин сказал свое веское слово в ее защиту. Потом Марфа долго Гришу пилила. «Не понимаю, что ты нашел в этой дурнушке, — говорила она. — Да, я согласна, под роль «козы отпущения» в моем сценарии она подходит идеально. Но таких на втором туре было пруд пруди. Почему именно эта девчонка? Говорят, ты еще к ней на малую родину ездил — уговаривал. Объясни!» Барчук сначала отшучивался, а когда Марфа пристала к нему в очередной раз, обнял ее за плечи и проникновенно посмотрел ей в глаза. «Дорогая Марфа, — сказал он мечтательно. — Ты никогда в детстве не грезила о том, чтобы к тебе приплыл корабль с алыми парусами? Или хотя бы о том, чтобы прискакал принц на белом коне? Ну, на крайний случай, на белом „мерседесе“?» Марфа усмехнулась и отрицательно помотала головой. «Терпеть не могла всякие сладкие сказочки, — сказала она. — Видишь

ли, я очень рано поняла, что на принцев в нашей жизни рассчитывать не приходится. Все зависит только от меня. Как только я свыклась с этой истиной, мне стало очень легко жить». «Я тоже рано свыкся с этой истиной, — сказал Барчук. — Несмотря на то, что все меня считали и до сих пор считают «золотым мальчиком» и баловнем судьбы. Как только я встал на актерскую тропу, а это произошло лет в двенадцать, родители очень быстро вдолбили мне, что на их поддержку я могу не надеяться. Снимают мальчика — пусть снимают. Но проталкивать меня они не собираются. Так я и пробивался — исключительно сам. Но с одной детской мечтой я до нынешнего дня так и не смог расстаться. Мне еще лет в семь, когда я впервые прочитал историю про Ассоль, очень хотелось стать таким, как капитан Грэй. Приехать на большом, красивом корабле в какую-нибудь глухомань и осчастливить какую-нибудь бедную девушку. Ну, если и не на корабле, то хотя бы на машине „Победа”. Мне казалось, что дарить счастье другому — самое трудное, но зато и самое почетное занятие на свете. А теперь я еще знаю, что ты и сам становишься немножко счастливее, когда выступаешь в роли спасителя, чудотворца, ну или еще какого персонажа, подобного им». «А я не хочу никого делать счастливым, — жестким тоном тогда сказала Марфа. — Я поняла это тогда, когда увидела, что мне это вполне по силам. В молодости я умела делать из людей то, что хочу. Могла завести, куда угодно. Я и сейчас могу. Нет, не думай, помыслы мои были чисты, я хотела, чтобы все, кто меня окружает, стали лучше, сильнее, счастливее... А потом я подумала: какого черта? Какое я имею право? Может быть, человек вовсе не хочет, чтобы счастливым его сделала я? Может быть, лучше будет, если он сам добьется своего счастья? Вот Веньку я когда-то сделала счастливым. И что?»

И что? Тогда она не договорила. Потом всеми силами пыталась доказать и показать, что она его любит. Нет, остановил себя Барчук, она его по-настоящему любила. Этого не сыграешь. Но при этом позволяла себе иметь любовников. Однажды он в шутку спросил: «А нас твой Веничка не убьет, если застукает?» «Веничке все равно, с кем я провожу ночи», — ответила она. И в голосе ее было что-то похожее на отчаяние... Итак, она любила своего мужа, ему было «все равно», он был финансовым гением, но при этом она вела его финансовые дела. И его убили. Хладнокровно, профессионально. А потом убили следователя, занимавшегося этим делом. И будут убивать каждого, кто сумеет приблизиться к разгадке убийства поэта Вениамина Молочника. Поэтому пора остановиться и перестать играть в детектива. И даже подыгрывать детективу тоже не стоит. Но разве можно заставить себя прекратить размышления?

— Ой! — раздался писк у него за спиной.

Он оглянулся — за спиной оказалась Глория Кошелкина — испуганная, со странным, можно сказать, безумным взглядом.

— Что такое? — улыбнулся он. — У меня вся спина белая?

— Нет... — снова пискнула она. — Я просто шла-шла и не заметила, что иду прямо на вас. Чуть не врезалась.

— Да, мой миниатюрный торс трудно заметить, — рассмеялся он и расправил плечи, поигрывая мускулами. — О чем же задумалась юная девушка, прогуливаясь по морскому берегу? О принце на белом коне? Или о капитане корабля с алыми парусами?

— Нет, — ответила она. — Я думала о том, может ли человек, сходящий с ума, понять, что с ним происходит что-то не то. Вот я шла по берегу и смотрела на волны. А вдруг на самом деле никаких волн нет, и я вовсе не иду по берегу, а мне все это кажется?

— Ну-у-у!.. — протянул Барчук. — На этот вопрос и философы ответа не дают. Кого

хочешь спроси. Хочешь Декарта, хочешь Гегеля. Не читала еще, небось?

— Н-нет... Они не знают, как отличить настоящее от того, что кажется?

— Не знают, — подтвердил Барчук. — А, собственно говоря, зачем отличать?

— Как? — воскликнула Глория. — А как же они узнают истину?

— Истина в том, что ты идешь по берегу, смотришь на волны и тебе хорошо, — пожал плечами Барчук. — А потом натыкаешься на знакомого мужчину, начинаешь беседовать с ним на философские темы, и... тебе тоже хорошо. Кажется — не кажется... Какая разница? Главное, что ты есть. И есть твоя радость. Большая или не очень. Пищать по этому поводу необязательно. Тем более, что не за тем тебе ставили диафрагмальное дыхание, чтобы ты пищала.

— Я больше не буду пищать, — пропищала Глория. — Но с философами я не согласна. Если рассуждать, как они, получается, что все равно, сходишь ты с ума или нет. А мне не все равно.

— Что еще случилось? — Григорий согнал улыбку с лица и требовательно воззрился на «звездочку». — Кто тебя обидел на этот раз?

— Если бы я знала... — вздохнула Глория. — Хорошо хоть, что не вы.

— Я тебя никогда не обижу... — пропел Барчук. — Может, поделишься своими проблемами?

— И вы поймете, что я сумасшедшая, — снова вздохнула она. — Постараюсь справиться со своими проблемами сама.

— Как хочешь, — кивнул Барчук. — Но учти, если тебе нужна моя помощь, можешь на меня рассчитывать реально, как говорят в вашей тусовке. Я, конечно, разгильдяй порядочный, но вообще-то человек неплохой. И никогда никого не подставлял. Даже тех, кто сходил с ума. Ей-богу!..

— Я вам верю, — сказала Глория. — Но это все так странно. Я думала: будет проще, а оказалось совсем непонятно.

— Слушай, кончай говорить загадками, — взмолился Григорий. — Мои внутренности сейчас просто лопнут от любопытства — ты умеешь подать интригу. Что произошло? Если ты хочешь взять с меня клятву, пожалуйста! Разговор останется между нами, клянусь!

— Марфе расскажете, — вздохнула она. — А ей как раз и нельзя говорить. Пока... И вообще, она меня сразу в сумасшедший дом отправит.

— Если это так серьезно, не скажу и Марфе, — нахмурился Барчук. — Актеры — народ болтливый, мужчины, как известно, болтливее женщин, следовательно, актеры-мужчины — болтуны вдвойне. Но я поклялся. Если бы мы с тобой были знакомы подольше, то ты знала бы, что мне верить можно.

— Хорошо, — решительно вздохнула Глория. — Тогда расскажу вам сказку. Но если она вам не понравится, я не виновата.

«Нужны улики...»

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

После разговора с Барчуком Перепелкин вернулся в здание пансионата. Он вспомнил о том, что подсознательно не давало ему покоя все это время. Компьютер. Его поселили в номере с компьютером. Ему также было известно, что в номерах всех участников проекта имелись «умные машины». Но в номере погибшего Мушкина компьютера не было. По какой причине? Потому что он здесь «никому не нравился»? Но ведь Алексей Викторович Перепелкин, прибыв сюда чуть больше двенадцати часов назад, еще не успел никому ни понравиться, ни разонравиться. Тем не менее, в предоставленном ему номере машина стояла. А Мушкина почему-то обошли? Или?

Перепелкин с большим трудом отыскал администратора, который ведал здесь расселением и обеспечивал разнообразные блага всем здесь живущим. Его удалось поймать, когда он бегом направлялся к лифту — шагом тот человек, похоже, не передвигался. Администратор, заметив Алексея Викторовича, притормозил, не забыл изобразить вежливо-предупредительную улыбку и поинтересовался, устраивает ли следователя напор горячей воды, не искрят ли розетки, в порядке ли кондиционер.

— Кондиционер не в порядке, — улыбнулся Алексей Викторович. — Но это мелочь, на которую не стоит обращать внимание. — А искал я вас совсем по другому вопросу. Я был в номере у своего покойного предшественника. И удивился, не обнаружив там компьютера. Мне показалось, что эта техника находится в каждом номере.

— Да, — администратор выпятил грудь. — Наличие компьютерной техники в номерах было одним из условий договора обслуживания проекта. Но... — он тотчас же сник. — Фирма, поставляющая нам технику, оказалась, мягко выражаясь, недобросовестной. Несколько машин, попросту говоря, не пахали. Мы, конечно, предъявили иск, фирма обязалась исправить свое... свою оплошность, но несколько номеров остались без компьютеров. Это были резервные номера, так что мы особо не огорчились. Но вот покойного Игоря Николаевича пришлось поселить именно в резервный номер. В тот момент отремонтированная техника еще к нам не прибыла. Десять компьютеров, которые починили, привезли дня три назад. Один из них стоит в вашем номере. Претензии имеете? Нет? Я бы не допустил, чтобы и господин Мушкин остался без компьютера, в конце концов, отдал бы свой, но ему ведь он и не требовался.

— Но как же?... — развел руками Перепелкин. — Компьютер следователю очень даже пригодился бы.

— Конечно... — на лице администратора проступила растерянность. — Я так это и понял. Ведь Игорь Николаевич прибыл сюда со своей техникой. У него был очень хороший ноутбук, я даже удивился, что у простого следователя такая дорогая вещь... Извините... У нас в стране все знают, сколько зарабатывают работники правоохранительной системы.

— Так, — вздохнул Алексей Викторович. — У Игоря Николаевича, действительно, был очень хороший ноутбук. Ему отец подарил на двадцатипятилетие. Но где же он?

— Кто? — еще больше растерялся администратор.

— Не кто, а что, — Алексей Викторович изобразил на лице строгость. — Ноутбук где?

— Неужели свистнули? — воскликнул администратор и ударил себя по ляжкам. — Ну что за народ? Вот что значит провинция! Набрали невесть кого! Извините...

«Вот так-так... думал Алексей Викторович, направляясь к номеру Мушкина. — Очень интересно. Дверь в номер Игоря была заперта, когда я после осмотра места происшествия и некоторых предварительных бесед поднялся сюда. Никакого ноутбука в номере не было. Постель аккуратно застелена... — вспоминал он. — На столе бумаги сложены одна к другой... Игорь был вообще большой педант. Не отправился же он на крышу с ноутбуком! Неужели воришки подловили момент и... Но дверь ведь была не взломана, а заперта!»

И тут Алексей Викторович вздрогнул и остановился, как вкопанный. Потому что как раз подошел к номеру Игоря Мушкина. Но взгляд его случайно упал на соседнюю дверь. Которая, как он помнил, была тоже опечатана, как и дверь номера его предшественника. Но теперь было совершенно ясно, что кто-то посягнул на святая святых закона. Печать была содрана, а боковой косяк двери искорежен так, что создавалось впечатление — здесь работали гвоздодером с кувалдой как минимум. «Тоже воришки из провинции? — подумал он, пытаясь привести свои мысли в порядок. — Решили пожить тем, что мертвому уже не нужно? И страх им неведом? Ведь они знают, что здесь проводится следствие». Тут Перепелкин вздохнул и толкнул дверь в номер покойного поэта. По всем правилам следовало приглашать понятых и составлять протокол. «Ведется следствие» — фраза значительная. А кто его осуществляет? Для расследования такого дела здесь необходимо присутствие целой группы. Вот звонил он в свое родное управление давеча — просил прислать оперативно-следственную бригаду на подмогу. И что? Начальство радостно сообщило Алексею Викторовичу известную истину — людей нет, попытайся ты сам как-нибудь... Ну, «как-нибудь, как-нибудь так», как любит выражаться знаменитая Машенька. И интонация у начальства была прямо как у Машеньки. С начальством все ясно. А сейчас что делать? Вот побежит он в данный момент за понятыми. А вдруг за дверью преступник прячется? Его же брать с поличным надо. А если там никого нет, то потом никому ничего не докажешь. Не докажешь, что это не Перепелкин гвоздодером поработал и печати сорвал. За дверью номера Молочника преступник не прятался. Зато светился ярким светом монитор компьютера. Заставка «бегущая строка» кого-то наставляла на путь истинный: «Работай! Работай! Зарабатывай деньги!» Хотя как это кого-то? Молочника и наставляла. Неужели компьютер здесь работал все время после смерти поэта? Или его включил воришка? Если это воришка, то что здесь пропало? Нужно идти к себе, брать опись из папки Игоря. Еще желательно снять отпечатки пальцев с клавиатуры и прочих предметов. А у дверей желательно поставить кого-нибудь — охранять. Но кого, когда оперативно-следственная бригада выступает здесь в единственном числе и лице? И химикатов нужных нет у Алексея Викторовича, чтобы отпечатки снять. Вот красота!

Перепелкин подумал еще немного, извлек из «широких штанин» джинсов мобильник и набрал номер Барчука, которому из всей компании, находившейся в пансионате, он доверял полностью. Гриша — хороший парень, на него можно положиться. Вот он дверь и посторожит, пока Перепелкин за описью сбегает и экспертную группу вызовет, хотя бы из РОВД Курортного района.

«Тот дух был дьявол...»

Шекспир. «Гамлет», акт 2, сцена 2

Гриша Барчук погладил Глорию по голове, как ребенка. Мечты мечтами, а все-таки трудно быть капитаном Грэм. Сейчас он думал о том, что зря затянул эту девочку в их сомнительное предприятие. Да, он был уверен, что из нее вполне может получиться «звезда», что-то похожее на Эдит Пиаф или Лайзу Минелли, только на русский манер. Но нужно ли это самой девочке? И нужна ли такая девочка нынешнему шоу-бизнесу? Ее свежесть, непосредственность, поразительная сила воли, потрясающий внутренний стержень — все это может остаться незамеченным теми, кто правит бал на современной эстраде. В этом мире иные качества в цене. Например, длинные ноги и высокие бюсты. Возможно, он сумеет раскрутить ее в кино. Но для такой пичужки особый сценарий требуется. Значит, потребуются искать и сценариста. Ему, Грише, это нужно? Нужно, отвечал он себе. И дело не в том, что мы в ответе за тех, кого приручаем. Между прочим, Глория так и осталась неприрученной. И влюбляться по сценарию Марфы не желала. И благодарности, как Ассоль к капитану Грэю, она к Григорию не испытывала. Но разве ему нужна благодарность? А что ему нужно? Ему, сорокалетнему мужику, прошедшему и огонь, и воды, и медные трубы, и ненависть завистников, и восторги друзей, и осознание собственного несовершенства, и страх смерти, и прикосновение к бессмертию?... «Мне нужна любовь, — сказал он себе и удивился простоте истины. — Мне нужно, чтобы меня любили, чтобы так, как эта девочка, восхищенно и доверчиво заглядывали в глаза». Марфа смотрит не так. Он смотрит на него, как на жеребца или как на редкую бабочку, ну, или как на обыкновенную бабочку, но он — Гриша Барчук — для нее лишь функция. Определенная жизненная функция. И никогда в жизни она не посмотрит на него доверчиво, прося защиты. А ведь мужчине только это и нужно. Чтобы женщина надеялась на его силу, просила — хотя бы молча, доверялась, восхищалась и... плакала над могилой... Он видел — Марфа плакала над могилой своего мужа. Его хоронили неподалеку — в поселке Комарове, где похоронено много известных поэтов, писателей и артистов. Желающих проститься с Веней оказалось немного, на траурную церемонию заглядывали любопытствующие экскурсанты, пришедшие поклониться праху Анны Ахматовой, а Марфа ничего и никого не замечала. Она просто плакала над свежей могилой Вени Молочника. «Я хочу именно этого, — подумал Барчук. — Я хочу, чтобы кто-то, желательно женского полу, плакал над моей могилой». А что если постараться влюбить в себя Глорию по-настоящему? И влюбиться в нее самому? Конечно, по заказу или сценарию такие истории не приключаются. Но если говорить о «лекарстве от любви» к Марфе, то Глория — самый подходящий вариант. Потому что она — полная противоположность Марфе. А может быть, ему как раз и нужна противоположность?

— Хорошая сказочка, — бодро проговорил он, когда Глория закончила свое повествование. И вот сразу после этого и погладил ее. — Не бойся, малыш. Мы с этой нечистью как-нибудь разберемся.

И именно тогда Глория посмотрела на него доверчивым взглядом — таким, о каком он мечтал, таким, каким на него ни одна женщина не смотрела, а только эта девочка... И Гриша Барчук понял, что никакого сценария не требуется. Он и без сценария готов пропасть.

Он — «супер-супер», «секс-символ», «мужчина года» и черта в ступе... «Что же это такое происходит? Неужели я подошел к такому возрасту, когда любой заинтересованный женский взгляд заставляет замирать сердце и влюбляться всерьез? Ведь раньше я испытывал к женщинам совсем иные чувства. Даже к тем, на которых женился, у которых от меня рождались дети. Все было проще и легче... А теперь? Сначала Марфа, что вполне понятно, если подумать как следует. Марфа может вскружить голову кому угодно. А теперь — девчонка? Это уже совсем ни в какие ворота... Ведь она просто — Ассоль...»

А Глория чувствовала, как силы и решимость, с которой она принялась за «расследование», окончательно покидают ее. Рассказав все Григорию Барчуку, она словно переложила груз всех свалившихся проблем на него. Как в детстве, когда отец мог ответить на любой мучивший ее вопрос. Григорий не отвечал на вопросы. Да Глория их и не задавала. Но была уверена: начни она спрашивать, и он ответит. В отличие от Григория, она старалась не думать о любви. Да, Барчук ей нравился, и не просто нравился, она испытывала необыкновенный душевный подъем при встрече с ним. Но одновременно с этим ей многое в нем и не нравилось. Он оказался совсем непохожим на тех героев, которых играл в кино. Ее коробили шуточки, которые он отпускал в эфире, ей не нравилось, что каждый вечер от него пахло алкоголем и то, как он покорно подчинился Марфе Король, и то, что они с Марфой... Ей это особенно не нравилось. Во-первых, она считала отношения Барчука и Марфы безнравственными, что бы там ни утверждали поборники «свободы нравов». Во-вторых, ей казалось, что Григорий в этих отношениях играет жалкую, подчиненную роль, которая ему совершенно не шла. В-третьих, она видела, что Марфе он совершенно безразличен. На его месте мог бы оказаться любой мужчина, и она точно также смотрела бы сквозь него. Ей было немного жаль Барчука потому, он этого не видит, но в то же время ее раздражало то, что он ведет себя, как теленок.

Но сейчас, сидя рядом с ним на полусгнившей коряге почти у самой воды, ощущая его дыхание, она была готова расплакаться от чувства благодарности к нему. Он не стал иронизировать и отпускать свои знаменитые шуточки, когда она все ему рассказала. Он слушал внимательно и, кажется, верил ей. Нет, он точно ей верил. И вопросы задавал. И беспокойство ее ему передалось сполна. Он хороший актер, но такой проникновенности не сыграешь. Григорий, действительно, был озабочен обстоятельствами, о которых ему поведала Глория.

Их беседу прервал звонок, раздавшийся из нагрудного кармана жилетки Барчука.

— Да, Леша, — проговорил он в трубку. — Чего? И кому это понадобилось? Хе... Страсти накаляются. О чем разговор! Конечно... Подыщу. Счас.

— Ну вот, — вздохнув, обратился он к Глории. — История с каждым часом становится все интереснее и интереснее. Следовательно приглашает нас с тобой сыграть роль понятых.

— Еще кого-то убили? — ужаснулась Глория.

— Слава Богу, до этого не дошло, — задумчиво хмыкнул Барчук. — Но взломали дверь кабинета Вениамина. Комп зачем-то включили.

— Комп? — встрепелась Глория. — А может быть, он все время работал? Может быть, Мушкин его не выключал?

— Может быть... — пожал плечами Григорий. — А ты чего так вскинулась? Кто-то из ребят собирался навестить апартаменты Молочника?

— Откуда я знаю?... — смутилась она.

Когда они прибыли к двери кабинета Вениамина, там уже толкался народ —

встрепанный, красный, как рак, администратор, пара горничных, три охранника, гримерша Ангелина Волк, Сережа Петров и сама Марфа Король. Марфа порывалась войти в помещение, Перепелкин мягким тоном уговаривал ее этого не делать.

— Я должна быть уверена, что из кабинета ничего не пропало! — восклицала Марфа.

— Конечно, — соглашался следователь. — Я обязательно попрошу вас осмотреть кабинет вашего покойного супруга, но чуть позже, после того, как здесь поработают эксперты.

— Мы их до завтрашнего утра будем ждать, — сердясь, говорила она. — А вора нужно ловить немедленно. Вот что вы здесь стоите? Нужно пройтись по всем номерам и выяснить, не прячет ли кто-нибудь украденные вещи.

— Я не имею права, — смиренно вздыхал Перепелкин. — Для этого необходим ордер на обыск. А его может дать только прокурор.

— Так вызывайте прокурора! — злилась она.

— Я ему позвонил, — печально говорил он. — А что, Марфа Ивановна, в кабинете оставалось что-то ценное?

Марфа Король перевела дух и застывшим взглядом уставилась на Перепелкина.

— Ценное... — тихо проговорила она. — Для меня сейчас любая Венина вещь ценна. И записные книжки, и ручка «паркер», и даже, простите, носовые платки.

«Записные книжки! — ахнул про себя Сережа Петров. — Как же я мог забыть, что записные книжки бывают не только в компьютере, но и в ящиках стола! А вот так и мог... Разве в двадцать первом веке кто-то пользуется бумажными записными книжками?»

Следователь тоже встрепенулся, когда Марфа сказала о записных книжках.

— Прошу прощения, но разве прежний следователь не изъяс записные книжки?

Марфа немного подумала.

— Да, — через некоторое время кивнула она. — Он что-то забрал с собой... Кажется, записные книжки тоже...

— Как они выглядели? — спросил Перепелкин, прекрасно помня, что никаких записных книжек в деле не было.

— Среднего размера, кожаные, красного цвета, — ответила она. — Вениамин любил красный цвет. Да, теперь я припоминаю — ваш покойный предшественник их забрал вместе с остальными бумагами. Не знаю, чем ему могли помочь бумаги — черновые записи стихов...

«Ни черновых, ни белых записей в деле тоже нет, — с отчаянием подумал Перепелкин. — Итак, записные книжки, бумаги, ноутбук. Где все это? Неужели, действительно, придется нарушать процессуальный кодекс и обыскивать номера?»

Марфа Король словно прочла его мысли.

— Послушайте, господин следователь, — деловито проговорила она. — Сейчас я объявлю общий сбор. Объясню ситуацию. И попрошу всех добровольно открыть свои комнаты и показать вещи. Мы вместе все осмотрим. Насколько мне известно, такая процедура обыском не является. А охрану попросим никого не выпускать из здания. На всякий случай.

Алексею Викторовичу ее предложение показалось спасительным.

— Давайте так и поступим, — сказал он. — Трубите сбор, а здесь я попрошу остаться одного из ваших охранников и двух понятых, чтобы были наготове, когда приедет оперативно-экспертная бригада из района. Не беспокойтесь, им недалеко добираться — из

Комарова. Я звонил — они уже выехали.

— Кого? — деловито осведомилась Марфа, критическим оком оглядев присутствующих.

— Да вот, думаю, Григорий и Глория подойдут для этого дела, — невинным тоном произнес Перепелкин.

— Что ж... — сощурилась она. — Пожалуй. Только я сразу же попрошу у них ключи. Не возражаете, ребята?

— Что? — возмутился Барчук. — Вы будете осматривать мой номер без меня?

— Тебе есть что скрывать от следствия? — усмехнулась Марфа.

— Нет, — он усмехнулся в ответ. — Но мне не хотелось бы, чтобы вы выудили мою ночную рубашку не первой свежести из бара и рылись в ее потайных кармашках. Там есть кое-что, не предназначенное для таких морально-устойчивых субъектов, как вы.

— Ничего, мы закроем глаза на твои оригинальные привычки, — сказала она. — У вас, Глория, тоже есть возражения?

— Нет, — быстро ответила Глория и протянула Марфе свой ключ. — Мое грязное белье находится там, где полагается — в бельевой корзине. А потайных кармашков у меня ни на какой одежде нет.

«Да, навел я шороху, — задорно подумал Ежик. — Похоже, что вечерние съемки накрылись медным тазом. Только зря этот следователь так доверяет Барчуку. Вот в понятия его взял. Совершенно зря...»

Он подошел к Глории и тихо проговорил:

— Мне нужно срочно с тобой поговорить.

— Давай потом, — сказала она. — У меня от всего происходящего голова идет кругом.

— Но это срочно... — попытался настоять он на своем, но тут грозный окрик Марфы Король заставил его отказаться от своих намерений:

— Петров, вы идете? Мне нужно, чтобы все участники шоу через пятнадцать минут были в большом фойе. Озаботьтесь, пожалуйста, этой проблемой. Времени у вас не так много.

«Для такого дела у тебя имеется целый штат исполнителей», — сердито подумал Ежик, но послушаться Марфу Король не посмел.

«А если вор уйдет неуличенным...»

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 1

Результаты осмотра кабинета Молочника экспертной группой ничего не дали: взломщик тщательно протер клавиатуру, мышку и ручки двери. А вот результаты «добровольного досмотра» номеров повергли Алексея Викторовича Перепелкина в нешуточное смятение. Кожаные записные книжки красного цвета были обнаружены... в номере ведущего шоу «Звездолет» Григория Барчука. Правда, Барчук клялся, что видит эти книжки впервые. «Проверьте их на отпечатки! — требовал он. — Я к ним даже не прикасался». Перепелкин счел эти требования разумными, и отпечатки сняли, благо эксперты из района еще не уехали. Результат оказался ошеломляющим — «пальчики» Барчука совпадали с «пальчиками» на красной коже записных книжек. Теперь Алексей Викторович иным взглядом смотрел на готовность Григория к общению с представителем следствия.

Марфа Король закатила Барчуку скандал и отменила вечерние съемки. «Звездные» мальчики и девочки рассредоточились в барах-кофейнях и живо обсуждали последние события. Охране было приказано никого не выпускать из здания. А у кабинета покойного поэта выставили постового.

Перепелкин сидел в номере Барчука, с интересом листал записные книжки Молочника и с изрядной долей брезгливости наблюдал, как известный актер остервенело поглощает алкогольные запасы своего бара, почти не закусывая. Впрочем, из закусок на прикроватном столике Григория имелась всего лишь маленькая плитка шоколада «Особый». Перепелкин не мог запретить пить Григорию — все-таки тот был на своей территории и под стражей не находился. Барчук поглядывал на следователя вызывающе, и чем больше было опрокинуто стопок, тем в более веселое расположение духа он приходил.

— Замечательный выдался вечерок, — после очередной порции благобно-расслабленным тоном заявил он. — Вот так, чтобы не было работы, но зато имелось много выпивки и хороший человек сидел напротив — ох, как редко такое бывает! В такие минуты чувствуешь себя по-настоящему счастливым, удачливым, состоявшимся и вообще не зря родившимся на свет.

— Ничего себе счастье! — раздраженно воскликнул Алексей Викторович. — Впервые вижу, чтобы человек, попавший в разряд подозреваемых, так радовался.

— Да брось ты, Леша, — широко улыбнулся Барчук. — Не крал я этих книжек, ей-Богу!

— А отпечатки? — резонно поинтересовался Перепелкин.

— В здравом уме и трезвой памяти или надо наоборот говорить?... Ну в общем, будучи в сознании, я их не касался, — продолжал улыбаться ведущий «Звездолета».

— Ты хочешь сказать, что мог выкрасть их, будучи сильно нетрезвым? — заинтересовался Перепелкин.

Барчук некоторое время в оцепенении взирал на следователя.

— Не-а... — проговорил он протяжно и выпятил нижнюю губу. — Ты меня неверно понял.

— А как мне тебя понять? — с отчаянием воскликнул Алексей Викторович. —

Предметы, приобщенные к делу об убийстве гражданина Молочника, пропадают. Следователь, занимающийся делом об убийстве, погибает при невыясненных обстоятельствах. Пропавшие предметы находят в номере гражданина Барчука. На предметах имеются отпечатки пальцев гражданина Барчука. Какой вывод можно из всего этого сделать?

— Послушай... — Барчук боднул головой. — А че, там, в этих книжках, что-то ценное имеется? Крутая информация, наводящая на верный след? Может, там написано, что это я Веничку грохнул?

— Актер... — хмыкнул Перепелкин. — Ты же сам прекрасно знаешь, какая там информация имеется.

— Ну, допусти на миг, что не знаю, — улыбнулся Григорий и выпил очередную порцию прозрачной жидкости, налитой в солидную стопку из тонкой, изящной бутылки.

— Ну что же... От тебя мне скрывать нечего. Никакой там информации не имеется, — вздохнул Перепелкин. — Несколько страниц выдрано. На остальных — около сотни женских имен и фамилий с телефонами. Похоже, поэт был большим женолюбом.

— Да? — у Барчука поползла вниз нижняя челюсть. — Шутишь...

— Актер... — повторил Перепелкин.

— Кто — я? — расхохотался Григорий. — Или Вениамин?

— Я не имел чести знать Вениамина Молочника, — сказал Алексей Викторович. — А вы, Григорий, очень хороший актер.

— Благодарю, — Барчук картинно поклонился. — Но думаю, что до Вениамина мне далеко. Если бы ты видел Веню вживую! Ты сразу бы понял, что женский пол его интересовал чисто теоретически. Женщина для него была другом, товарищем и братом. Вот как, например, Глория. Или... Марфа...

— Хм... — сказал Перепелкин.

— Да, тебе, Леша, наверное, этого не понять. Ты думаешь, раз люди находятся в браке, то естественным образом проявляют друг к другу интерес известного свойства. Подозреваю, что у Марфы с Вениамином брак строился на чем-то другом. Ну ты подумай, ведь за все время нашей работы над проектом он ни разу не ночевал у нее. Ему это в голову не приходило! Жил в своем кабинете — спал, ел, писал шедевры. Какие женские имена? Может, это его поклонницы, с которыми он по поводу рифм советовался? Вот с Глорией он советовался, я слышал. Но никаких поползновений к определенного рода сближению или даже просто естественного интереса к девичьей ее природе не наблюдалось. Он действительно вел себя, как пионер, нет, как октябренок даже. Пионеры очень даже пионерками интересуются, насколько я помню.

«Пионерки, поклонницы, — с тоской думал Алексей Викторович, а к горлу подступала уже тошнота от душераздирающего зрелища под названием «пьющий Барчук». И ведь что интересно, Гриша ни капельки не пьянел, ну разве что язык слегка заплетался. А взглядом смотрел абсолютно трезвым. — Тем не менее, какой штат оперативников мне понадобится, чтобы проверить все эти телефонные номера. А что, попробовать наугад позвонить парочке пионерок-поклонниц?»

Он взял трубку, валявшуюся на кровати Григория, и набрал номер абонента под именем Аля. Долго никто не подходил, а затем в слуховой мембране раздался мужской голос.

— Мне бы Алю, если возможно, — елейным голосом проговорил Перепелкин.

— А кто это? — грубо поинтересовались на другом конце провода.

— Я звоню по просьбе Вениамина, — смиренно ответил Алексей Викторович.

— Не знаю такого, — сказали в трубке.

— Ну как же? — мягко настаивал Перепелкин. — Вениамин — поэт.

— Ну, — отозвались на том конце провода, кажется, удовлетворившись уточнением.

— Так я могу поговорить с Алей?

— Просьбу можешь мне сказать, — отозвался собеседник после мимолетной паузы.

— Он просил ее приехать, — кинулся в омут Перепелкин. — Завтра, к гостинице «Репинская». В полдень.

— Передай своему поэту, — голос в трубке прозвучал громче, и в нем угадывалось явное недовольство, — чтобы он думал, прежде чем такие заявки гнать. У Али на неделю график расписан. Совсем поэт оборзел.

В трубке запищали короткие гудки. Видимо, лицо Алексея Викторовича было настолько растерянным, что Григорий Барчук отставил недопитую стопку и посмотрел на молодого следака с искренним сочувствием.

— Отшили? — с жалостью поинтересовался он.

— Ага... — по-мальчишечьи ответил Перепелкин. — У Али на неделю график расписан. Она, что же... путана?

— Чего? — Барчук скривился в своей ироничной манере. — Ты хочешь сказать, что записные книжки Венички исписаны телефончиками милых девочек с панели?

— Ну... так... А как это еще понять-то? — Перепелкин развел руками и впервые с интересом посмотрел на бутылку «Окна в Европу», к которой так часто прикладывался Григорий.

— Выпьешь... — понял следователя Барчук.

— Скорее всего, да... — пробормотал Алексей Викторович. — Хотя я не пью и вообще, и сейчас... на службе... как бы...

— А ты не бойся, — ласково улыбнулся Барчук. — Если прокурор с ревизией нагрянет, нипочем не догадается, что ты пил. От этой водки выхлопа не бывает.

— Как это? — поразился Перепелкин.

— Наука не стоит на месте, — хмыкнул ведущий «Звездолета». — Продукт разработан специально под знаком борьбы с беспределом государственной инспекции безопасности дорожного движения. Ну, и с прочими беспредельщиками, типа жен, начальников и жен начальников. Правда, идет сие чудо почему-то исключительно на экспорт. Хотя, с другой стороны, оно и понятно: простому русскому человеку еще пока накладно пить водку ценой в тридцать баксов за поллитру.

— А у тебя она откуда?

— А!.. — Барчук махнул рукой и отправился по номеру в поисках второй стопки. — Поклонники подарили. Ящик... это... опытных образцов...

— Ящик... — обреченно вздохнул Перепелкин. — Я еще пару звонков сделаю.

— Путанам? — хохотнул Барчук. — Валяй. Можешь и для нас заказать. Марфа-то мне — от ворот-поворот, получается... по вашей милости...

— По нашей? — взвился Алексей Викторович, опомнившись и сообразив, что собирается сейчас выпивать с подозреваемым. — А может, по вашей?

— Да не брал я этих книжек! — Барчук тоже завелся, но при этом не забыл налить водки Перепелкину. — Я даже не знал, где они находятся. Я вообще о них представления не имел. Знал бы — обязательно Марфе показал бы. Вот повеселились бы.

— Хорошо, допустим, — кивнул Перепелкин и с каким-то странным видом взял стопку. Вроде бы и хотел выпить и не хотел одновременно. — Допустим, как ты утверждаешь, эти книжки тебе подсунули. И пальцы к ним твои приложили. Во-первых, как это могли сделать? И во-вторых, зачем?

— Ну ты вопросы задаешь... мудрые... — покачал головой Барчук, с любопытством наблюдая, как следователь пробует выпить водки. — Зачем, зачем... Чтобы на меня подумали, разве непонятно? А как? Ну, допустим, я спал. Спал я... у себя редко... Но когда спал, не запирался. Как тебе известно, еще я ночевал у Марфы... Но когда я спал у нее, я свой номер запираю. Книжки могли подсунуть и пальцы приложить, когда я ночевал у себя. А сплю я крепко, Леша, после такой пахоты.

— Ага, — задохнувшись, сказал Перепелкин, потому что секунду назад отпробовал напиток. — После такой пахоты, конечно.

— С почином, Алексей Викторович, — сдержанно проговорил Григорий. — С хорошей водки начинаешь, повезло тебе.

— Спасибо, — Алексей Викторович пытался восстановить дыхание. — Вообще-то ты слишком хорошо обо мне думаешь — я не начинаю... Но после женитьбы стараюсь не злоупотреблять. Жена, понимаешь, очень расстраивается, когда я прикладываюсь... Ну, в общем, дал я ей слово... Предположим, все так и было, как ты говоришь. Но почему книжки подбросили тебе, а не Марфе, не Петрову, в конце концов?

— Потому что я похож на человека, который может хладнокровно выстрелить или сбросить несчастную жертву с крыши. А Петров не похож. А у Марфы алиби.

«А у тебя его нет, — спохватился Перепелкин. — Это ведь ты мне сказал, что находился на побережье, когда Мушкин падал с крыши. Но ничто тебе не мешало сначала сбросить его, а затем спуститься и начать звать народ. Спуститься... по тросу... Но тогда кто этот трос убрал? Сообщник? Лена Петрухина, которая точно была на крыше примерно в то время, когда было совершено преступление. Они тут все в Барчука влюблены. На все ли они готовы ради него? Ну, это так — фантазии под действием чудо-водки. А спуститься он мог и не по тросу, а по лестнице. И даже на лифте».

— Ты, Алеша, не в том направлении копаешь, — вдруг серьезно проговорил Барчук. — Тебе надо Вениамином заниматься. Историей его жизни. А ты здесь толчешься, гадаешь на кофейной гуще. Вот с Марфой еще ни разу не поговорил. Чует мое сердце, побаиваешься ты ее.

— Побойваюсь, — не стал спорить Перепелкин. — Один ее звонок моему начальству по поводу того, что я оказался ей несимпатичен, и пойду я в районный отдел милиции рядовым дознавателем работать. А у меня семья, между прочим. Мне знаешь, что начальство сказалось? Чтобы я тут на цыпочках ходил и не мешал творческому процессу. Вот я и хожу. Водку с тобой пью, вместо того, чтобы под стражу тебя взять.

— Я не убегу, не надо меня под стражу, — еще серьезнее сказал Барчук. — А что водку со мной пьешь — хорошо. Значит, веришь, хоть и подсознательно. Я тебе так скажу, Леша, на след мы выйдем. У меня одна ниточка от волшебного клубочка уже появилась. Только я пока тебе о ней ничего не скажу.

— Та-ак! — пропел Перепелкин. — Ну-ка, наливай...

«А ведь это чудная мысль — лежать у ног девушки».

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 2

Сергея продемонстрировал Глории то, что сумел скачать из файла Вениамина Молочника, и торжествующе потянулся в кресле.

— Видела? — спросил он, сдерживая вырывающиеся наружу эмоции.

— Да, — сказала Глория. — Только я не понимаю, чему ты так радуешься.

— Я радуюсь, что мы с тобой приближаемся к разгадке привидения, — сказал Ежик.

— И в чем разгадка? — пожалала она плечами. — Ты же видишь — он не в себе. По моему, у него даже с речью проблемы.

— Почему? — нахмурился Сергей. — Он вполне внятно говорит. А главное, голос? Ты заметила? Ну, один к одному! Я так и предполагал, что здесь без двойника не обошлось. А двойник — вот он, на пляже бутылки собирает и с Гришей Барчуком пиво пьет.

— Это был не он, — сказала Глория. — Успокойся и забудь. Я его сегодня видела, он совсем на этого пляжного дурачка не похож.

— Ты его сегодня видела? — упавшим голосом осведомился Сергей. — Где, когда?

— Ежик, — вздохнула Глория. — Успокойся и отстань. Я сама с этим разберусь.

— Да неужели ты не понимаешь, что это все от начала и до конца — затея Барчука? — воскликнул Ежик. — Вениамин предчувствовал что-то, вот и снял эти кадры.

— А там, где они втроем в лодке... без собаки... это кто снимал? — поинтересовалась Глория.

— Ну... — Сергей замялся. — Какой-нибудь пляжник. Знаешь, как бывает, просят какого-нибудь чела пофоткать компанию.

— Ненавижу, как ты выражаешься! — разозлилась Глория. — Ты из деревни, что ли, приехал? Пофоткать! Гадость какая... И «чел» не лучше. Ты бы учился культуре речи, Сергей, если в Петербург приехал.

— Ну пока я до Питера еще не доехал, — поморщился Ежик. — А потом — чего такого сказал? Так все тут выражаются.

— Если все с крыши станут прыгать, ты тоже прыгнешь? — фыркнула она. — Послушай, что ты мне хочешь доказать? Что Барчук где-то на диком пляже отыскал не очень нормального человека, который зарабатывает тем, что собирает бутылки и просит милостыню. Григорий понял, что тот похож немного на Веню. Потом он убивает Веню, а теперь Венин двойник является нам в качестве духа?

— Так ведь это очевидно, Глория! — воскликнул Сергей. — Опять-таки записные книжки Вениамина найдены у Барчука. Он хороший актер и, наверное, выкрутится. Но я на двести процентов уверен, что он организовал эти два убийства.

— А я в этом совсем не уверена, — сказала Глория. — Зачем ему это?

— Да кто их знает, этих барчуков! — Ежик сжал кулаки. — Не поделили что-то. Вот Марфу они точно не поделили. Из-за этого не убивают, но может быть, у них еще какие-нибудь общие дела были.

— Ты скопируй мне дискету, — попросила Глория, стараясь сохранять спокойный тон. — Я ее на сон грядущий еще раз посмотрю.

— Ты уже уходишь? — растерялся Ежик.

— А ты мне еще что-нибудь хочешь показать?

— Я думал, мы еще... поболтаем... — голос Ежика дрогнул.

— О чем?

— Да так просто...

— Так просто болтать — зря время терять, — сказала Глория безо всякого выражения. — Эту присказку бабушка мне напоминать очень любила. В результате ее воспитания я теперь просто болтать не умею.

— Глория!.. — срывающимся тенором выкрикнул Сергей, хотя «природным» его голосом был баритон. — Неужели ты не видишь, что... что только я смогу тебя защитить?

— От кого? — спокойно спросила она. — И от чего?

— От всего и от всех, — выдохнул он с шумом. — На меня ты можешь положиться.

— Я приму это к сведению, — кивнула она. — Ты делаешь копию или нет?

— Делаю, — пробурчал Ежик и стал рыться в ящике стола в поисках чистой дискеты.

А Глория потеряла виски, потому что голова раскалывалась на тысячу кусочков, и попыталась сосредоточиться, что получалось плохо.

Несколько минут назад она посмотрела любительскую видеозапись, на которой Гриша Барчук гулял по побережью залива с Вениамином Молочником и каким-то парнем, чем-то напоминающим Веню. Нет, не так. Очень многим этот парень напоминал покойного поэта. Комплекцией, походкой, лицом. Только вот одно было очень серьезное отличие — юноша, похоже, был не от мира сего. И не так, как поэты. А вообще... не в себе... У него подрагивала голова, улыбка его была бессмысленной, а улыбался он почти все время. Как бешеный пес, он набрасывался на пустые бутылки и банки, валявшиеся на песке и возле урн, мычал что-то нечленораздельное, по подбородку его текли слюни, и еще он все время чесывался, как маленькая обезьянка. Допустить, что этот человек мог сейчас играть «тень отца Гамлета», то есть — Молочника, было невозможно. Занятен был эпизод, где Гриша сидел в лодке на корме, а рядом сидели Веня и этот парень. Парня явно загримировали под Молочника, и на первый взгляд было трудно понять, где Веня, а где охотник за бутылками. Впрочем, приглядевшись, конечно, запросто можно было их отличить. И напрасно Вениамин старался исторгнуть из уст слюну и дергать головой. Бессмысленности во взгляде ему так и не удалось добиться.

— Глория, — позвал ее Ежик и оторвал от раздумий, которые уже было подходили к какому-то логическому выводу. — Я копию сделал. А зачем она тебе?

— На память, — сказала Глория и поднялась.

— Подожди, — попросил он. — Я хочу тебе кое-что сказать. Вернее, спросить. Когда все это закончится, ты что собираешься делать?

— Поеду домой, естественно, — ответила она. — Как будто ты не знаешь. Я не собираюсь делать карьеру в шоу-бизнесе. И не могу.

— У меня есть другое предложение, — решительно проговорил он. — Выходи за меня замуж.

Глория не удержалась и хмыкнула.

— Это только на первый взгляд кажется смешным, — жалобно проговорил он. — Но я — совсем неплохая партия. Ты просто еще ничего не знаешь. А я очень перспективный жених. И уж всяко лучше всех женихов из Октябряска.

— Чем? — Глория не на шутку разозлилась. Ежик никогда не позволял себе подобных

объяснений и предложений. Он ведь знал, как она к нему относится. Так зачем же он такие разговоры заводит?! — тем, что скоро сядешь за решетку? Или ты забыл, что находишься под следствием? Или надеешься выиграть путевку в жизнь, как выражается Марфа Король? Но, ей-Богу, поп-звезды меня совершенно не интересуют. Как и осужденные.

— Ты дура! — сорвался Ежик и забегал по номеру. — Я — гений! И вовсе не в шоу-бизнесе. Я смогу обеспечить тебе такую жизнь, которая не снилась этим Барчукам и Королям. У тебя будет все, что ты захочешь. Понимаешь?! Все!!! Хочешь жить в Октябрьске? Пожалуйста. Я куплю тебе Октябрьск. Он будет твоей вотчиной. Но может быть, имеет смысл присмотреть место для житья получше? Где-нибудь в Калифорнии? Или в Комарово? В Репино? Хочешь, я куплю тебе этот пансионат? На память о не совсем удачно проведенном времени. А?

— Придурок, — тихо сказала Глория. А выйдя из номера Ежика, подумала, что следует, наверное, пожалеть своего бывшего одноклассника. Что-то он совсем с катушек съехал, если гением себя называет.

«Актеры не умеют хранить тайн и все выбалтывают».

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 3

Барчук молчал, как партизан, несмотря на то, что они распили еще одну бутылку из презентованного Грише ящика. Вернее, пил, в основном, Гриша. Перепелкин пригублял. Но и этого оказалось достаточно, чтобы он сдался и отстал от Барчука. Отстал, потому что, во-первых, тот молчал, как партизан, во-вторых, жутко клонило в сон, а в-третьих, на Григории Барчуке версии не заканчивались. И их надо было крутить. И еще видео досматривать. И еще мысли додумывать. А они роились в голове хаотично и не хотели выстраиваться логическим клином. В общем, напился Алексей Викторович. Но помнил, что он на службе находится. А следовательно, должен работать. Несмотря на поздний час.

Лежачая поза работе не мешает, подумал Перепелкин, настраивая видеоматрицу и вставляя в него очередную кассету из «завалов». Остальные кассеты он сбросил на ковер. Улегся на кровать и щелкнул пультом. «Господи, как мало может сделать один следователь в сутки, — подумал он с отчаянием. — А ведь сколько работы. Для такого дела нужно, как минимум три следователя и три десятка оперативных работников. Следователи просматривали бы материал, опрашивали бы народ под протокол, а опера обзванивали Оль, Аль, Тань и Маш... Разрабатывали бы биографии покойного поэта, его супруги, подозреваемых и прочих фигурантов. Совершенно непонятно, почему начальство не дает мне никого, да еще и просит ходить на цыпочках. Неужели никто не заинтересован, чтобы дело раскручивалось? Судя по всему, нет, никто не заинтересован. А почему?»

Тем временем, на экране появилось изображение. Дата в нижнем правом углу соответствовала дате смерти Молочника. «Ага, — сказал себе Перепелкин. — Криминальный сюжет, который потом частично пошел в эфир. Я его даже смотрел по телеку, потому что мне тогда звонил Игорь и попросил посмотреть. Но тогда я его смотрел исключительно как телезритель-обыватель...»

После традиционной заставки — Гриша Барчук смотрит в телескоп и загадочно улыбается — крупным шрифтом пошли титры «Звездолет. Экстренный выпуск». Сразу же после этого камера показала, как двое санитаров в синей униформе выносят из номера носилки с накрытым простыней телом. За кадром скорбным и сдержанным тоном Григорий Барчук поведал зрителям о трагедии, случившейся в здании, где проводятся съемки программы «Звездолет». Потом на экране появился Игорь Мушкин, снятый крупным планом, он не скрывал подробностей убийства: и о том, что оружие преступник оставил в номере, и о том, что пуля попала прямехонько в затылок Молочнику, и о том, что убийца вряд ли появился со стороны — по сведениям охраны никого из посторонних в здании пансионата не было. Перепелкин удивился такой разговорчивости коллеги — обычно на первом этапе следствия подобного рода обстоятельства не объявляются. Далее, вперемежку с красивыми видами побережья (зачем демонстрировать красивые картинки в таком сюжете, Алексей Викторович никак в толк взять не мог), шли интервью с участниками шоу. Мальчики и девочки, слегка испуганные и возбужденные, делились своими версиями случившегося и рассказывали о том, каким покойный поэт был замечательным и талантливым человеком. Версию о присутствии маньяка на территории пансионата первой

высказала в камеру Оксана Лобода. С круглыми от ужаса глазами она жаловалась ведущему, что теперь боится оставаться в номере одна, что не может спокойно репетировать, поскольку от волнения у нее совершенно сел голос, и что в каждом из телевизионных работников и «звезд» ей видится преступник. Марфа Король сообщала зрителям, что у ее супруга не было врагов, Глория Кошелкина со слезами на глазах рассказывала, как любил Вениамин Молочник прогуливаться вечерами по берегу моря, Сергей Петров поведал, что пришел к поэту, чтобы взять текст новой песни, Костя Вацура и Дима Краев хором вещали, что Молочник был «клевым» мужиком, только уж больно не от мира сего, Лена Петрухина охала и всхлипывала в камеру, так ничего толком и не сказав, а Аня Ласточкина флегматичным тоном высказала предположение о том, что поэта «заказали» конкуренты, «ну, типа как Сальери убил Моцарта» — так она выразилась. Потом Григорий Барчук столь же скорбным тоном объявил, что, несмотря на ужасное событие, съемки «Звездолета» прекращены не будут, что следствие обязательно выяснит мотивы преступления и найдет убийцу. «Благо, убийца находится среди нас», уверенно проговорил он. «Почему они так решили? — недоумевал Перепелкин. — Почему завели разговоры о маньяке? Если это был профессиональный убийца, то ему ничего не стоило проникнуть в здание, обведя вокруг пальца охрану. Или это просто рекламный трюк, дабы подогреть зрительский интерес к проекту и внести в съемки драматическую ноту? Если это так, то создатели передачи достигли нужного эффекта. Дальнейшие кадры подробно демонстрировали нервные срывы, истерики, проявления страха и подозрительности у участников «Звездолета». Вот Лена Петрухина репетирует песню с аккомпаниатором и вдруг резко оглядывается и визжит. Как выясняется, в помещение вошел всего лишь музыкальный редактор, но Пампушка срывающимся голосом утверждает, что ей показалось, как в дверной щели показалось дуло пистолета. «Это не пистолет, это ноты!» — пытается успокоить ее музыкальный редактор и размахивает перед ее лицом листом, свернутым в рулончик. А Лена Петрухина уже всю заливаешься слезами, выхватывает ноты, рвет их и убегает. Следующий сюжет — трое юношей стоят на лестнице и пьют лимонад от фирмы-спонсора. Один из парней убежденным тоном рассказывает своим товарищам о том, что видел в коридоре неизвестную личность в черном плаще, из-под полы которого явно торчал пистолет с глушителем. Парни, похохатывая, заявляют, что неплохо бы обзавестись бронежилетами и касками, да и выступать в таком виде на сцене в присутствии жюри. Вот камера подглядывает за разговором следователя Мушкина с Сергеем Петровым. Сергей растерян донельзя, Мушкин — напорист и деловит. «Зачем вы схватились за пистолет? — спрашивает Игорь. — Да просто так! — кричит Сергей. — Мне просто было интересно! — Странный интерес, — говорит следователь. — Тем более, при таких экстраординарных обстоятельствах».

«Да, — подумал Перепелкин. — Интерес к передаче подогревается изо всех сил и небезуспешно. Реальное убийство в риал-шоу — сильная вещь. Тут захочешь — не захочешь, а смотреть будешь. Можно сказать, что организаторам съемок несказанно повезло, хоть и звучит это кощунственно. А может быть, Молочника за этим и убили?... Дикая версия, но вдруг?»

Он просмотрел еще несколько кассет с черновыми записями и почувствовал, что в глазах начинает рябить от ярких заставок, частых перебивок кадров и повторяющихся крупных планов будущих «звезд». «Какие они все некрасивые, — вдруг подумалось ему. — Вроде бы и черты лица правильные, и фигуры пропорциональные. А большей частью, за редким исключением, производят отталкивающее впечатление. Интересно, в чем дело?»

Может быть, потому что в них «жизни нет», как говорил Александр Сергеевич? Или интеллекта не хватает? Да, пожалуй, ни того, ни другого. Пустые глаза, потому что за душой ничего, и даже музыка их не одухотворяет. Впрочем, разве это музыка?»

Громкий стук в дверь заставил Перепелкина отвлечься от невеселых размышлений.

— Да! Войдите! — крикнул он и поднялся с кровати.

Но никто не вошел. Алексей Викторович повторил приглашение, но поскольку за дверью снова не отреагировали, он подошел к ней и распахнул. За дверью никого не было. Не было никого и в длинном коридоре. «Барабашка», — подумал Перепелкин, а взгляд его упал на белый прямоугольник, лежащий прямо у двери, на ковре. «Нет, не барабашка, — сказал он себе. — А почтальон Печкин. Только невидимый почтальон. Ладно. — За невидимками пока гоняться не будем». И поднял конверт.

«Если вы хотите приблизиться к разгадке преступления, приходите ровно в полночь на крышу, — было написано в послании ровными печатными буквами. — Уверю вас, вы увидите много интересного».

«Кажется, это называется предложением, от которого невозможно отказаться, — сказал себе Алексей Викторович. — Хотелось бы знать, прошлой ночью Игорь Мушкин тоже получил такую записку?»

«Вот два изображенья...»

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 4

Такие дни не прибавляют душевных сил, думала Глория, отправляясь в очередное путешествие на «волну» по «Галкиной тропе». Сколько раз сегодня все переворачивалось с ног на голову! Сколько открытий, разочарований, неожиданностей, сколько восторга, ужаса и отчаяния одновременно. Такой насыщенной жизни в Октябрьске у нее никогда не было. И не будет. И неизвестно, что лучше: жить размеренно и спокойно, наперед зная, что случится завтра, и через месяц, и через год, или вот так, как сегодня, когда душа то взмывает вверх от ощущения абсолютного счастья, то падает камнем в пропасть от горького разочарования.

Да, она была счастлива — там, на берегу, сидя рядышком с Григорием Барчуком и ощущая его мощное, уверенное дыхание. А его взгляд? Разве когда-нибудь кто-то смотрел на нее таким взглядом? Нет. И описать этот взгляд невозможно. Была ли в нем любовь? Да при чем здесь это? Ее совершенно не волнует, как к ней относится Барчук. Совершенно не важно, что он чувствует по отношению к ней. Он смотрел на нее не так, как влюбленные. Не так, как, например, Ежик. Ежик был в нее влюблен, это она знала давно, да и сегодня в этом очередной раз убедилась. Ох, лучше бы он не был в нее влюблен! Какую чушь он выкрикивал вечером! Он — гений! Кажется, так говорят о себе сумасшедшие. Нет, Моцарт тоже так о себе говорил в пьесе Пушкина. Но он при этом не кричал, говорил спокойно, как о само собой разумеющемся. А кричат сумасшедшие — точно. Гриша Барчук, наверное, не гений. Но очень хороший актер и хороший человек. Он поверил ей и искренне хочет помочь. Он смотрел на нее сегодня, как на друга, ради которого можно пойти на все. Вот и определение. Настоящая дружба именно в таких взглядах проявляется. А еще так смотрел на нее отец — по-доброму, с искренней заботой и нежностью. Только вот что непонятно. Григорий — хороший человек, а записные книжки Вениамина Молочника у него оказались. Вся «звездная» компания только об этом и говорит. Многие поверили, что Барчук книжки украл у Мушкина. И самое страшное, что она тоже на минуту поверила. И получается — предала Гришину дружбу. Потом, конечно, Глория уверилась, что кто-то ему их подсунул. Но ведь была минута, когда она засомневалась.

Сложно все. Сложно и непонятно. И вовсе не шатающийся повсюду «дух» причина всех сложностей. Сложно в себе разобраться. Сложно любовь от дружбы отличить, влюбленность — от желания быть любимой. Вот с Вениамином Молочником у них была дружба, «духовная близость», как Пампушка выразилась. Глория думала, что ей будет очень его не хватать, когда узнала, что его убили. Но вот появляется его «дух», и ей бы радоваться, что можно снова слушать его стихи, задавать непростые вопросы, разговаривать... Ведь это сейчас она твердо уверена, что это не Веня. Но она и первый раз, когда поверила, что это его дух, никакой радости не испытала. А если бы Гриша умер, она бы обрадовалась, если бы он к ней явился? Хотя бы во сне? «Да, — сказала себе Глория. — Я была бы счастлива. Только что за глупые мысли приходят в голову? Дай Бог Гришеньке здоровья и долгих лет жизни...»

Вся компания «спасателей» была в сборе. Снова потрескивали угли, снова аппетитный аромат шашлыка разносился на весь пляж, снова ребята держали в руках пластиковые стаканчики с дешевым вином, и снова раздавались шуточки и беззаботные смешки.

— А у нас тут днем чуть дачник один не утоп, — весело сообщил Жорик пляжную новость Глории и протянул ей шампур с нанизанными на него огромными кусками мяса. — В десяти метрах от берега. Развлечение было на всю округу! Бабы визжат, мужики матерятся, дети хохочут, интуристы зрелище на видео запечатлевают. Редко у нас такое бывает, да, Боря?

— Так напиться, чтобы в луже захлебнуться, ага, редко, — печально кивнул Боб. — Хорошо мы с Колей к берегу в тот момент направлялись — пиво у нас кончилось. А если бы не кончилось? Так бы и утоп придурок. А что с нами было бы? Я не понимаю, что дежурный на вышке делал? — и он строго посмотрел на Пашу-Танка, который старательно отводил глаза от «шефа».

— Да не утоп бы он... — промямлил Паша и вцепился зубами в сочный кусок шашлыка. — Такие обычно не тонут. Только он не дачник. Он на дереве живет.

— На каком дереве? — ахнула Галка.

— На дубу, — ответил Паша.

— Сидит ворон на дубу, он играет во трубу, — пропел Борис. — Что ты городишь?

— Правду говорю, — усмехнулся Паша-Танк. — Он и еще один придурок домик построили на ветках, типа скворечника. Да вы второго чувака знаете. Моня-Глиста его звать. Он тут тарным бизнесом промышлял. Ну и просто копеечку просил. Тощий такой, убогий... Последнее время, правда, чего-то его не видно.

— Слушай, а как они в скворечнике-то живут? — не перестала любопытствовать Галка. — Там же не поместиться.

— Так они большой скворечник построили, — рассмеялся Паша. — На две человеческие персоны. Лесенку приставили, чтоб удобней было забираться. Кажется, даже электричество провели. Еду на плитке готовят.

— Классно, наверное, там жить, — мечтательно проговорил Коля Радостев. — Птички по утрам поют, снизу не дует, сверху не капает. А Глисты и правда давно не видно. Заболел, что ли?

— С дуба рухнул, — рассмеялся Жорик. — А у тебя какие новости, Глория? Как твой дух поживает? В смысле — дух поэта?

— Хорошо поживает, — мрачно проговорила Глория. — Среди бела дня является. И никто ему не удивляется.

— В рифму заговорила, — хихикнула Оленька.

— Пообщайся с поэтами, и сама в рифму заговоришь, — сказала Галка. — Лор, он действительно повсюду бродит? А операторы ваши его на камеру снимают?

— А это мысль, — невесело проговорила Глория. — Надо будет в следующий раз его хотя бы сфотографировать. Галка, у тебя, кажется, есть фотоаппарат?

— Бери круче! — воскликнула Галка. — У нас с Жориком теперь цифровое видео есть. И новый компьютер. Жорик теперь мне такое портфолио отгрохает! И видеосессию. Не стыдно будет на «Ленфильм» пойти, в актерский отдел.

— Да мы все пойдем! — весело сказал Паша-Танк. — Там говорят, артистов нехватка. Все в сериалах переснимались, новые лица и фигуры требуются.

— Твоя фигура им точно требуется, — сказал Боря. — Будешь братка изображать на заднем плане. И то сказать — карьера! Но мы отвлеклись. Глория нам интересную историю собиралась рассказать.

— Я уже все рассказала, — вздохнула Глория. — Дух гуляет по территории пансионата,

все его видят и считают его появление вполне нормальным событием. Тетка со шваброй не дала мне бросить в него камень.

— Пожалела, значит, духа, — сказал Боб. — Народ у нас, как известно, жалостливый. Слушай, а давай мы на него охоту объявим!

— У меня есть другое предложение, — сказала Глория. — Его нужно нейтрализовать. Сделать так, чтобы он больше не захотел являться. И вы должны мне в этом помочь. Вернее, не должны, но я хочу вас попросить об этом.

— Легко, — сказал Паша-Танк. — А как?

— Во-первых, давайте исходить из того, что духов не бывает, — твердо сказала Глория.

— Мы можем исходить из допущения, что духов не бывает, — уточнил Борис.

— Ну да, — согласилась она. — И тот, кто является то здесь, то там, просто человек, талантливо перенявший манеру покойного Вениамина и умело изменивший внешность.

— То есть актер, — снова уточнил Боб.

— Конечно, — кивнула Глория. — Причем задуривший многим мозги. Пампушке, Ласточкиной, уборщице, парню-грузчику... Он вообще, кажется, в хозблоке свой человек.

— Хорошо сказано, — сказал Коля Радостев. — Дух — свой человек. Хорошая песня может получиться с такой строчкой. Духи как люди... Духи — повсюду... Мой знакомый дух сдает в ларьке посуду... Он в любой компании — свой человек... — и он стал выбивать ритм шампуром по мангалу. — Этот дух играет на баяне... Этот дух всегда немного пьяный...

— Ну пошло-поехало... — проворчал Жорик. — Рэп-фолк-сити...

— Чтобы ты понимал, — обиделась за своего бой-френда девушка Света. — Колька новое слово в роке открывает.

— Назови мне хотя бы одно новое, — не сдавался Жорик.

— Ша! — сказал Боб. — Лора, в чем твоя идея?

— Я знаю, что где-то здесь на пляже появляется человек, очень похожий на Вениамина, — сказала Глория.

— И он исполняет роль духа? — воскликнул Боб. — Что же ты молчала до сих пор? Так мы его быстро скрутим и объясним, какие шутки допустимы в приличном обществе, а какие нет.

— Он вряд ли может исполнять какую-нибудь роль, — сказала Глория. — Он, мне кажется, не совсем в здравом уме. Я принесла дискету, на ней файл с его изображением. Возможно, вы его узнаете и поможете мне его найти. И если он не совсем не в себе, то мы его загримируем под Веню и предъявим некоторым участникам проекта. Петрову, Пампушке, Ласточкиной... И Марфе, и Барчуку. Я хочу посмотреть на их реакцию. — Если кто-то причастен к этому розыгрышу, то он отреагирует на появление духа спокойно. А еще... еще я хочу... Но это потом. Сначала нужно понять, сможет ли этот человек с пляжа сыграть тот спектакль, который мне нужен.

— Доставай дискетку, — сказал Жорик. — Я сейчас ноутбук принесу.

Он скрылся в недрах спасательной станции и буквально через минуту вернулся с изящным чемоданчиком.

— А вот и моя ласточка... — Жорик ласково провел ладонью по крышке и открыл ноутбук.

Некоторое время «спасатели» и Глория молча смотрели «кино».

А потом Паша-Танк не выдержал.

— Блин! — воскликнул он. — Так это же Моня-Глиста. Который на дереве живет.

— Так... — пробормотал Жорик. — Я, ребята, что-то конкретно не догоняю. Это у них что за сейшн?

— Игра «Найди десять отличий», — проговорила Алена. — По-моему, и Барчук, и этот ваш поэт очень довольны, что нашли Моню. Может быть, они тоже готовили какой-то розыгрыш? Хотя нельзя сказать, что Глиста очень на покойника похож. Совсем даже не похож.

— Да нет, почему? — задумчиво сказал Коля Радостев. — Вот они очками поменялись, вот причесались одинаково... Глиста, конечно, постройнее будет... Но если на них смотреть метров с пятидесяти, то, пожалуй, и не отличишь.

— Глория, а ты у Барчука спрашивала, зачем он в такой компании перед камерой позировал? — спросил Борис.

— Я не хочу пока спрашивать, — сказала Глория. — Потому что, возможно, он тоже причастен к появлению духа. Понимаешь, если у него давно какая-то идея о розыгрыше появилась, он и после смерти Вениамина мог с ней не расстаться. Только подобрал нормального актера, вместо Мони... Ему трудно разве актера найти?

— А зачем? — спросил Паша-Танк.

— Развлекается он так, — хмыкнул Жорик. — Детей пугает.

— Или еще хуже, — сказал Борис. — Не забывайте о том, что случилось на крыше прошлой ночью.

— Барчука не было на крыше прошлой ночью, — сказала Глория.

— Ну и что? — сказал Борис. — Зато был его сообщник. Если, конечно, допустить, что он причастен к воплощению духа... — добавил он.

— Одно обстоятельство говорит о том, что он непричастен, — проговорила Глория и рассказала о том, что «дух» обвиняет в своем убийстве Марфу Король.

— Не скажи, — Борис задумчиво потер переносицу. — Возможно, это сделано для отвода глаз. Ведь его, так называемое свидетельство, все равно ничего не стоит. Марфу правосудие не тронет, она останется с Барчуком, если, конечно, не охладет к нему. А вот то, что дух обвиняет ее, доказывает со всей очевидностью, что Барчук о нем ни сном, ни духом не знает. Ой, неудачный каламбур получился!

— Послушайте, — сказала Оленька. — А вдруг это все-таки настоящий дух?

— Нет, — сказала Глория. — Теперь я в этом уверена на сто процентов.

— А что произошло за последние двадцать четыре часа? — озабоченно спросил Боб. — Прошлой ночью ты хотя бы сомневалась.

— Понимаете, — вздохнула Глория. — Он хоть и разговаривает голосом Вени, и лицо у него Венино, но на Веню он совсем не похож. Тот никогда не был так... навязчив...

«Да вот же он!»

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 4

Может быть, от «чуда-водки» выхлопа и не было — Перепелкин не имел возможности это проверить, себя не понюхает, но вот ноги подкашивались здорово, когда он поднимался по лестнице. И в голове шумело. Может быть, конечно, после долгого воздержания от алкоголя. «Ничего, — бодрился он. — На крыше проветрюсь. Да и разве может что-нибудь случиться с человеком от двух рюмок? С ног свалить я и сейчас кого-нибудь смогу, случись что...» И сам чуть не упал, подходя к железным дверям, ведущим на крышу. Но не упал, удержался за скобу, потянул ее на себя. И оказался на печально знаменитой площадке. Ночь была безлунной, и сначала он ничего не увидел. А затем...

«Господи, как красиво!» — не смог сдержать он восторга. Прямо на середине площадки разгоралось сияние, переливающееся всеми цветами радуги. Но не в этом заключалась красота. В этом сиянии проступали очертания изящной девичьей фигуры то ли в телесном трико, то ли вовсе обнаженной. Фигура проделывала замысловатые движения — это походило на замедленный, ритуальный танец. Перепелкин, как замороженный, не мог отвести от нее глаз.

— Что же вы стоите? — кто-то проговорил совсем рядом тихим, насмешливым голосом. — Не хотите пригласить девушку на танец?

Алексей Викторович оглянулся по сторонам, но никого не увидел. Он подобрался, приготовился дать достойный отпор кому бы то ни было, но никаких движений и даже колебаний воздуха вокруг себя не почувствовал, а посему усомнился — не послышался ли ему голос. А через некоторое время в пространстве волшебного сияния появилась мужская фигура в длинном балахоне. «Либо мне совсем уже нельзя пить, — сказал себе Алексей Викторович, — либо Барчук подсунил мне какой-то абсент, а не водку без вкуса и запаха. Самым правильным сейчас будет отправиться в номер — и в постель. Вот артисты-шутники! Ладно, завтра, Гриша, ты у меня попляшешь...» Он уже было развернулся, как мужчина в балахоне тоже развернулся, откинул капюшон и посмотрел прямо на следователя.

— Вы по-прежнему не хотите присоединиться к танцу? — озабоченно спросил он.

— Нет... — выдавил из себя Перепелкин и понял, что сходит с ума. Потому что разговаривал с ним не кто иной, как покойник Вениамин Молочник!

— Напрасно, — улыбнулся покойник. — С такой девушкой и сам сатана не отказался бы станцевать. Да, Анечка? Потанцуем еще?

— Анечка... — пробормотал Перепелкин в прострации. — Анечка... Ласточкина...

— Анечка-Ласточка, — поправил его покойник. — Танцует она божественно. А как летает! Вы имеете возможность увидеть это воочию. Пойдем, куколка. Покажи господину следователю, как мы умеем летать.

Слова в голове Алексея Викторовича не хотели складываться в предложения, «Бред... Маниакальный... Маньяк... Крыша... Летать...» Тем временем сияние перемещалось к краю крыши, а вместе с ним перемещались Аня Ласточкина и покойник Молочник. «Они сейчас полетят, — неожиданно для себя сделал вывод Перепелкин. — Они сейчас полетят, и будет еще два трупа. Нет, один. Другой уже труп... Ё-мое...» Алексей Викторович понял, что

только что несвойственным ему образом выругался, и сознание его слегка прояснилось. Сейчас он твердо знал: что бы все это ни значило и что бы ни случилось дальше, он должен удержать Аню-Ласточку от полета.

— Ласточка... — забормотал он и стал медленно двигаться в сторону сияния. — Ласточка, стой... Я совсем не хочу, чтобы ты сейчас летала... — и вдруг закричал в совершенно несвойственной ему манере: — Анька, очнись, дура!

Фигуры от неожиданности остановились, и этого мгновения Алексею Викторовичу Перепелкину оказалось достаточно, чтобы в прыжке сбить с ног покойника, а затем подхватить девушку на руки и начать движение к железным дверям...

*«Так какой же дьявол
Средь бела дня нас в жмурки обыграл?»*

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 4

Поход к домику на дереве решили не откладывать. Во-первых, потому что дело не терпело отлагательств. Во-вторых, неизвестно, можно ли будет застать обитателей «скворечника» завтра — наверняка на свой обычный промысел отправятся — ищи их свищи по пляжу. Насчет Мони-Глисты, конечно, вообще ничего неизвестно, но сегодня они имеют шанс застать хотя бы его «соседа». В-третьих, на завтра у Галки были запланированы глобальные мероприятия, и в них требовалось участие компании. В общем, несмотря на поздний час, под предводительством Паши-Танка, который вызвался быть проводником, они отправились в сторону Дома композиторов — неподалеку от него и находился «домик на дубу».

Пока они шли, Глория немного повеселела. Хорошо было идти в хорошей, надежной компании, будучи уверенной, что призрак или тот, кто вздумал играть роль призрака, не появится ей на пути, а если и появится, то с ним быстро справятся. Хорошо не ловить на себе завистливых или насмешливых взглядов «звезданутых», ощущать «надежное плечо» подружки Галки, да и у прочих плечи, кажется, тоже надежные. Хорошо смеяться незамысловатым шуткам «спасателей», хорошо вдыхать ночной воздух, и вообще замечательно ощущать себя свободной. Разве за «сеткой» и железными воротами территории пансионата такое почувствуешь? Она завидовала Галке, которой не нужно было завтра выступать на сцене перед маститыми представителями жюри, не нужно было выслушивать резких замечаний Марфы Король и недовольного ворчания костюмеров и гримерш, не нужно говорить бессмысленных слов в камеру о том, как он стремится стать звездой, и как все в проекте «Звездолет» замечательно, «клево», «кайфово» и «стильно». Нет, конечно, она никогда таких слов еще не говорила, но режиссеры постоянно ругались, требуя от нее именно таких речей. Да, они с Галкой с удовольствием поменялись бы местами. Глория знала, что подружка завтра намеревается проникнуть на территорию пансионата, «поймать за хвост», как она выражалась, кого-нибудь из членов жюри и уговорить его устроить ей просмотр. А вот Глория все бы отдала, только бы уехать отсюда. Нет, конечно, сначала нужно разобраться с «призраком». И не потому что ей очень хочется играть роль детектива. А потому что нужно докопаться до истины. Иначе она до конца своих дней не успокоится. Да и преступник должен сидеть в тюрьме. В этом она с «призраком» вполне согласна.

Путь к домику на дереве оказался недолгим, и Глория даже пожалела, что замечательная прогулка так быстро закончилась. Но даже если бы нужно было пройти десяток километров под проливным дождем, в одиночку или даже в неприятной компании «звезд», стоило бы это сделать, чтобы увидеть такое чудо архитектуры. Домик на дереве был просто загляденье! Сложенный из тоненьких бревнышек, с резными наличниками и расписным фронтоном, со смешным петушком на самом верху крыши, с ярко светящимися окошками, он отлично смотрелся бы и на земле. А в листве огромного, наверное, столетнего дуба он выглядел сказочной избушкой какого-нибудь лешего или другого фольклорного персонажа. От домика исходил приятный аромат свежего хлеба и жареных грибов.

— Дома, — удовлетворенно проговорил Паша-Танк. — Хавчик готовят. Или уже приготовили. Да и окошки светятся. Позовем их сюда или сами поднимемся?

— Все мы там, пожалуй, не поместимся, — сказал Боб. — Хотя я бы предпочел подняться.

— Строение весьма внушительное, — сказал Жорик. — И сделано грамотно. Вы с Пашей поднимайтесь, а мы потом на интерьер поглазим по очереди. Если уж снаружи такая красота, то что же там внутри должно быть? Очень хочется посмотреть.

— Ты, Глория, тоже давай поднимайся, — предложил Борис. — В конце концов, мы здесь твои интересы представляем. Думаю, что риска нет никакого. Если хозяева настроены недружелюбно, мы с Павлом сумеем объяснить им что к чему. А домик выдержит. Эх, хотел бы я в таком жить, честное слово!

И закончив свою речь, он стал подниматься по лесенке, приставленной к необъятному стволу. За ним полез Паша-Танк, но притормозил, потому что Борис, как хорошо воспитанный джентльмен, остановился у двери на «крылечке» и постучал.

— Кого черти в такое время носят? — сразу же прозвучал из-за двери хрипый, недовольный голос, и некоторые из девушек, в том числе и Глория, взвизгнули.

«Ну точно леший на дереве живет», — подумала Глория.

— Принимайте гостей, отшельники! — весело произнес Боб. — Детское телевидение приехало, сказочку будем тут у вас снимать.

— Это ночью-то? — «леший» за дверью расхохотался. — Мы честной компании всегда рады, да только когда компания не с пустыми руками приходит.

— Не с пустыми, — заверил его Борис и жестом потребовал у Коли Радостева, чтобы тот достал из своего рюкзака оставшиеся запасы.

Коля извлек три бутылки с вином, подумал и третью спрятал обратно, а две передал Паше.

— Ну, открывай, что ли, — благодушно предложил Борис «лешему» и в знак миролюбивости намерений легонько постучал бутылкой о бутылку, которые по эстафете передал ему Паша-Танк.

— Так не заперто, — весело проговорил хозяин «скворечника». — Только больше трех не входить. Не вместимся.

— А нас как раз трое, — ответил Боб.

И они вошли. Внутри «скворечника» было не так благообразно, как снаружи. Посередине стоял небольшой, низенький стол, покрытый облупившейся клеенкой, по обе стороны стола стояли низенькие лавочки. Возле дальней стены стоял шкаф, явно из бывшей офисной мебели, около шкафа лежал надувной матрас, на электрической плитке, располагавшейся прямо на полу, стояла большая кастрюля, от которой исходил грибной дух. Сам же хозяин — невысокий, худощавый мужичок неопределенного возраста с редкой бородкой и в очках без оправы, стоял возле окна и протирал идеально белой тряпкой листья фикуса, стоявшего на довольно широком подоконнике. На втором подоконнике примостился маленький, портативный телевизор, по которому шла трансляция футбольного матча.

— Привет честной компании, — обнажая щербатый рот, хрипло проговорил он, потом присмотрелся к «честной компании» и неожиданно тоненьким голосом ойкнул. — Вы чего? За бабками пришли? Так у меня нету. На подножном корме сижу.

— Какие бабки, дед? — удивился Паша-Танк. — Мы чего, в натуре похожи на рэкетиров?

— Ага, — кивнул «леший». — То есть, нет. Вы ж меня сегодня из омута вытаскивали.

Вот этот молодой человек, — он показал на Бориса.

— Из омута! — расхохотался Паша. — Где ты в нашей луже омут нашел?

— Ну как же... — «леший» почесал бороденку. — Там, когда я с камушка-то упал, как забурлило, как закрутилось...

— Ага, все водяные со дна поднялись на тебя, бедолагу посмотреть, — продолжал смеяться Паша. — От этого и омут образовался. Закружились, заразы... от... хы... смеха закружились...

— Ну... — «леший» смутился. — Каждый поскользнуться может... Спасибо вам, что вытащили.

— Работа у нас такая, дед, — сказал Борис. — Вы извините, мы вашего имени-отчества не знаем.

— Лаврик, — «леший» с готовностью протянул руку Бобу. — То есть Лаврентий Павлович, если полностью.

— Во как! — ужаснулся Паша-Танк. — И фамилия — Берия?

— Не, — засмеялся Лаврентий Павлович. — Фамилия наша Ивановы. Просто папашка мой, царствие ему небесное, большой шутник был. Я ведь в сорок шестом году родился. Вот он и подумал, что с таким имечком я точно в жизни не пропаду. Нет, чтобы наперед-то поглядеть в будущее. Ох, потом я и намаялся. И в партию меня из-за этого имени не приняли, и в начальство дорога была закрыта. А уж от шутников прохода не было. Хотел поменять я Лаврентия на Ивана, а потом думаю: да Бог с ним с именем, как нарекли, так нарекли. С ним и в могилу сойду. Если после каждых метаморфоз политического момента имя менять, так это ж в ЗАГС ходить умаешься.

— Да ты, дед, мудрец, — улыбнулся Боб. — И говоришь красиво. Только вот в омуты больше не захаживай, ладно? А то нас уволят всей командой. А ведь как работу такую менять не хочется. Ты ж понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Лаврентий Павлович и приободрился. Даже голос у него прежним стал — низким, с хрипотцой. — Солнышко, вода, девочки... Понимаю. Ну, так милости прошу к столу. Сейчас грибочки как раз подспеют.

— Грибочки — это хорошо, — сказал Боб и выставил бутылки на стол, чем обрадовал «лешего» Лаврентия несказанно. Тот засуетился, стал стаканы из шкафа доставать. — А куда твой сосед запропастился? Ты ведь не один здесь живешь, мы слышали.

— Про наш с Мoneй домик многие знают, — кивнул Лаврентий Павлович и стал зубами откупоривать одну из бутылок. — Вот вы тут насчет телевидения пошутили, а ведь и правда оттуда к нам приезжали. Снимали и снаружи, и внутри. Потом по телевизору показывали в программе «Вести». А после этого такая слава о нас пошла! Архитекторы приезжают чуть не через день и диву даются. А чего, собственно, удивляться? Я по образованию архитектор. А потом, когда работы не стало, своими руками строить научился. Если бы не это дело, — он дотронулся кончиками пальцев до кадыка, — я бы такие бабки имел! Между прочим, за две недели в одиночку могу дом поставить. Ну, понятно, не считая внутренней отделки. Меня тут многие дачники приглашают. Халтуру помаленьку. И Мoneйка мне помогает. Помогал, вернее...

— И куда же он делся? — спросил Боб. — Неужели в омут попал, а мы не подспели вовремя?

— Мoneя в омут? — рассмеялся Лаврентий Павлович. — Да он плавает не то что, как

рыба — как пиранья!

— Ну... — вздохнул Борис. — Мало ли... Все-таки человек не совсем в своем уме...

— Видели его, да? — хитро посмотрел на гостей «леший» Лаврик и разлил вино по стаканам. — Вы присаживайтесь, когда еще в таком интерьере окажетесь. И вы, девушка, не стесняйтесь. Нравится вам у меня?

— Очень, — честно призналась Глория.

— Всем нравится, — улыбнулся Лаврентий Павлович и поднял стакан. — За приятное знакомство.

— За твое второе рождение, — хмыкнул Паша-Танк.

— И это верно, — согласился хозяин, медленно осушил стакан и изящным жестом поставил его на стол. Глаза его стали грустными. — Скучно без Моньки. И без его друзей скучно. Они тут, знаете, какие концерты закатывали? Гриша на гитаре играл, песни хорошие пел. А Веня стихи читал. Очень душевно.

— Гриша и Веня? — не сдержалась Глория. — Вы Барчука имеете в виду? И Вениамина Молочника?

— Барчука, ага, — кивнул Лаврентий Павлович и снова занялся виночерпием. — Очень он мне нравится в одном сериале. Может, видели, «Неженские дела» называется?

— Да, — проговорила Глория смущенно. — Мне он в этом сериале тоже нравится. Но что они тут у вас делали?

— Я же говорю: в гости приходили. Винцо пили, песни пели. Кстати, Вениамин меня попросил проект разработать для его нового дома в Шапках. И проект уже почти готов... А теперь, как Моня пропал, так и они не заходят... А в пансионат, где они поселились, меня не пускают.

— Вениамина застрелили, — сдержанно проговорил Борис. — К сожалению, накрылась твоя халтурка. По ящику, между прочим, об этом сообщали.

— Да я как-то больше футбол... — растерянно пробормотал Лаврентий Павлович. — Убили? В таких разве стреляют?

— В каких — таких? — спросил Паша-Танк.

— Ну... — задумался хозяин домика. — Как сказать... Раньше таких блаженными называли. Я имею в виду, что он совершенно безобидный был и какой-то беспомощный, что ли... Стихи хорошо читал. Славные такие стихи. Очень они душу согревали, прямо, как вино. Вот Монька он совсем другие стихи писал. Ерничанья в них было много. А иногда и просто похабства. А Веня не... Он совсем другой был. Ай-яй-яй, застрелили... Жалко... Давайте за упокой его выпьем?

— Погоди, дед, — с удивлением произнес Паша-Танк. — Ты сейчас сказал, что Монька стихи писал? Я ж его лет сто знаю. Он же говорить не умеет. Быр-дыр-фыр...

— Сколько лет ты его знаешь? — усмехнулся Лаврентий Павлович. — Ты сам-то местный? Сколько лет тут живешь?

— Всю жизнь, — гордо сказал Паша. — Шестнадцатый год пошел.

— Много. А родители твои тоже всю жизнь здесь живут?

— Вроде да... — кивнул Паша. — Лет тридцать точно.

— Тогда спроси у них, каким они помнят Моню, — посерьезнел хозяин домика. — Пусть расскажут, как Моня в консерватории учился, на оперного артиста, какие тут сольные концерты отдыхающим устраивал. И как потом в дурачка решил переквалифицироваться, когда у него работы не стало в Ленконцерте.

— Че-е-е?... — растерянно протянул Паша. — Травишь, дед.

— Зачем? — печально проговорил Лаврентий Павлович. — Мы тут все не от хорошей жизни дурачками да убогими прикидываемся. Моня рассказывал, что его однокурсница бывшая — первая красавица, кстати, на курсе — милостыню просит у гостиницы «Прибалтийская». И зарабатывает получше всяких путан. Не захотела она в путаны пойти, милостыня, решила, честнее будет и для здоровья безопаснее. А знаешь, в каком она виде нищенствует? Бабушку изображает — слепенькую и несчастную. Она и Моне идею подала. Ну, кто дурачку на пляже в лишней копейке откажет? Лет десять он так уже зарабатывает. Родители его, между прочим, на его деньги новый участок купили — здесь, в Репино. А тебе, наверное, известно, какие тут цены.

— Моня — участок? — промямлил Паша. — Это же сколько мне лет трубить надо, чтобы на участок заработать?

— Смотря чем займешься, — усмехнулся Лаврик. — Но дурачка убогого из тебя точно не получится. Вот вышибала из тебя хороший выйдет.

— Так-так-так! — потребовал к себе внимания Боб. — Давайте выпьем за упокой поэтовой души, и Лаврентий Павлович, наконец, расскажет нам, куда делся его сосед — гениальный оперный артист Моня-Глиста.

Глория вздохнула и, пока мужчины выпивали за Венин упокой, думала, что, кажется, знает, куда делся гениальный артист Моня. Два артиста воспользовались трагедией и решили устроить розыгрыш для участников проекта. Ах, Гриша, Гриша!.. Ведь она... почти в него влюбилась... Но неужели они и Мушкина убили? Зачем? За что?

— Пропал Моня где-то с неделю назад, — поведал Лаврентий Павлович, отставляя стакан. — Просто пропал и все. Ни на пляже не появился, ни здесь. Я подумал, может, он к родителям перебрался, мало ли что, вдруг ему надоело роль играть. Но и родители ничего о нем не знают. Предположили, что он в город подался на какие-нибудь актерские заработки. Он и раньше исчезал ненадолго, а потом выяснялось — снимался. То в ролике рекламном, то в эпизоде киношном. Я одну рекламу с ним видел — нипочем не скажешь, что это Моня-дурачок, который, как вы выразились, двух слов связать не может. Фрак, бабочка, культурная речь, манеры — прямо аристократические. Но оно и понятно — оперных певцов, в основном, учат аристократов играть. Арии для бомжей редко кто писал.

— Ох, — вздохнул Боб. — Кажется, все ясно. Да, Глория?

— Кажется, да, — печально кивнула она головой. — Спасибо вам, Лаврентий Павлович. Пойдем мы.

— А как же грибочки? — искренне расстроился хозяин. — И бутылочку вторую не распили.

— Бутылочку мы вам оставим. Грибочками в следующий раз угостимся, — пообещал Боб. — А Моню мы разыщем, вы не волнуйтесь. Никуда он не денется.

До пансионата Глорию провожали Боб, Алена и Галка с Жориком. Поскольку жили они на спасательной станции — то им предстояло ночную вахту нести. Остальные отправились по домам — отсыпаться перед вахтой утренней.

— Я так понимаю, надо этого Моню хватать, — сердито проговорила Галка, когда ей пересказали историю бывшего оперного артиста. — Ведь получается, что он не просто развлекается. Он ведь еще следака с крыши сбросил. Вот тварь! Десять лет дурачка играл и сам сумасшедшим сделался.

— Да, похоже на то, — согласился Борис. — Только у любого сумасшедшего

преступника все равно мотив имеется. Ну, разыгрывал он бедную Глорию и пару дурочек. Наверное, и к супруге поэта являлся — сюжет известный. Но следака зачем мочить?

— Так чтоб не поймал, — объяснил Жорик. — Ведь этот Мушкин его чуть за хвост не схватил.

— Ну, схватил бы — что такого? — сказал Боб. — Призраком прикидываться — в этом состава преступления нет.

— Не скажи, — вступила в разговор Алена. — Его ведь могли каким-то образом приплести к делу об убийстве поэта. Вот он и испугался.

— Тогда он точно сумасшедший, — фыркнул Борис. — На каком основании его могли приплести?

— А на каком основании нашего Ежика приплели? — сказала Галка. — Ментам основания не нужны. Им процент раскрываемости подавай. Нашли бы, как дело обтяпать.

— Да нет, ребята, это вы чересчур, — покачал головой Боб. — Есть же суд, в конце концов, адвокаты. Вздумай я играть такую роль, я бы даже от предварительного следствия отбился бы.

— Ты бы отбился, — сказала Алена. — А Моня — натура тонкая, консерваторская. Он испугался.

— Ой, послушайте! — воскликнула Галка. — Я чего подумала? Ведь Моня так просто свою доходную работу на пляже бросать не стал бы, ну, в смысле ради развлечения. Знаю я этих нищих. Они если поляну заняли, то косят на ней по полной программе. А вдруг ему за роль духа пообещали большие бабки? Больше, чем он на пляже зарабатывает? И контракт нужно обязательно отработать. Иначе не заплатят. А тут Мушкин вмешался. Ну и — понятно...

— Да... — задумчиво кивнул Боб. — Резон в твоих словах, Галка, есть. А кто ему пообещал заплатить? Кому нужен этот розыгрыш?

— Похоже, Барчуку, — сказала Галка сдержанно и осторожно покосилась на Глорию, которая шла понуро и участия в разговоре не принимала.

— Зачем? — вздохнул Боб. — Из склонности к розыгрышам? Или тут что-то серьезное таится?

— Вопросы риторические, — сказал Жорик. — Пока Моню не схватим, ответа не получим. Не станешь же у Барчука спрашивать.

— Почему? — рассеянно проговорила Глория. — Я спрошу. Я обязательно спрошу.

— Не вздумай! — закричала Галка. — А вдруг он преступник? А вдруг у него еще один пистолет есть?

— Какой пистолет? — удивилась Глория. — Уж не думаешь ли ты, что он Веню убил?

— Теперь, когда я точно уверена, что розыгрыш с призраком не обошелся без его участия, я могу все предположить, — сказала Галка безапелляционным тоном.

— А мы должны решить, стоит ли нам самим Моню отловить или просто следует обо всем рассказать сотруднику правоохранительных органов, — сказал Боб.

— Лично я — за отлов, — сказал Жорик. — Прикольно за призраком погоняться. Только вот кто нас в пансионат пустит?

— Ты забыл про тропу, — сказала Галка.

— Я не забыл, — сказал Жорик. — Только на территории полно охраны. Как ты думаешь, они совсем не удивятся, если мы там всей толпой объявимся?

— А пойдете туда прямо сейчас, — предложила Галка. — Я знаю, у них охрана ночью

спит. Да, Глория?

— Я не знаю, — пробормотала Глория. — После всех событий они вроде бы бдительнее стали... Но понятно, что по территории они с собаками не гуляют. У них два поста всего — у ворот да у входа. Остальная охрана — в самом здании.

— А как же наша с вами почетная служба? Которая почетно спасательной называется? — усмехнулась здравомыслящая и трезвая Алена.

— Сегодня вода холодная, — сказал Жорик. — Народ и днем-то не очень купался. А уж ночью и подавно не будет. А если кому и суждено утонуть без нашей помощи, то он и так утонет.

— Оптимист, — проворчал Боб. — Я не против охоты. Только не очень понимаю, где и как мы его ловить будем.

— Ловить мы его будем на живца, — авторитетно заявил Жорик, как будто всю жизнь занимался ловлей духов.

«Ах... сердце рвется пополам!»

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 4

Марфа Король разорвала вторую упаковку снотворного. Теперь она без этого снадобья не обходится. Всю жизнь обходилась, а теперь не может. Даже любовные утехы с Григорием не спасают. Да и редки стали эти утехы по вполне понятной причине. Сейчас, думая о Барчуке, она не испытывала ничего, кроме горечи и опустошения. Зачем все эти годы надо было изображать раскомплексованную особу, создавать и поддерживать имидж «циничной леди», кидаться, как в омут, в объятия к мало-мальски понравившемуся мужику, убеждать и его, и себя, что свидания в постели ничего стоящего не значат, забываться в угаре плотской страсти и давить в себе малейшие душевные порывы? Да, в их профессиональной среде так живут многие, и никого такое поведение не удивляет. Но разве это нормально? Разве так должно быть? Тем более, когда знаешь, что такое настоящая любовь... «Вот в этом все дело», — подумала Марфа и проглотила очередную таблетку. Сейчас она снова забудется тревожным сном где-то на полчаса, потом к ней придет Вениамин, разбудит ее, и она снова потянется к снотворному.

И Григория сегодня, как назло, нет. Не пришел Григорий и даже не предупредил, что не придет. Она помнила ту неловкость, с которой он обнимал ее в последний раз. Барчук тоже слывет циником и «вольным стрелком». Но оказывается, душа его вовсе не черства. Ему вовсе не все равно, как поступать с безутешной вдовой. Он считает, что постельные утехы — не лучшее утешение для женщины, недавно потерявшей мужа. Странно. Она думала о нем хуже. А ведь и правда — не стоило ложиться с ним в постель. Вот легла — и Веня не дает покоя. Легко ей было говорить вчера Григорию, что явление покойника в их снах — дело обычное, не стоящее внимания. Но на самом деле ей было очень страшно. Особенно, когда Григорий рассказал о своем сне. Значит, какие-то потусторонние силы все-таки существуют. Силы, которые позволяют Вениамину являться к ней каждую ночь.

Он давно уже не любил ее. Так зачем же приходит? Чтобы напомнить о тех страданиях, которые она приносила ему когда-то? Тогда, когда он был влюблен в нее, а она не обращала на него никакого внимания? Или тогда, когда она поняла, что ситуация изменилась на прямо противоположную? Да, именно так это и произошло. Года через три после их знакомства Марфа поняла, что жизни без него не представляет, а он... Сначала изменился его взгляд. Он смотрел на нее совершенно другими глазами, когда обнимал и ласкал ее, и стало понятно, что супружеские обязанности стали для него скучной, докучливой обязанностью. А потом он и вовсе забросил любовные утехы, объясняя это то упадком сил, то отсутствием настроения. Тогда, назло ему, она и начала собирать свою коллекцию. Может быть, в надежде вызвать в нем ревность. Но он не ревновал, а только посмеивался. Он прекрасно знал, с кем, когда и где встречается его жена — добрые люди просвещали. Потом она и сама стала «просвещать» его. На ее слова Вениамин пожимал плечами, высказывал свое мнение по поводу того или иного ее «партнера», а иногда давал небрежные советы, например такие: «Мише нужно внимание, иначе он закомплексует и рванет к менее уверенной в себе партнерше, а вот Вася любит завоевывать женщин, поэтому ты уж поломайся, моя деточка, перед ним, как следует». «Может быть, нам развестись?» — спрашивала она, со страхом

ожидая от него положительного ответа. «Зачем? — спрашивал он. — Разве нам мешает брак? И потом, ты без меня пропадешь. Кто для тебя будет зарабатывать деньги? Миша или Вася? Они за всю свою жизнь не принесут тебе в клювиках и сотой доли того, что я приношу тебе за месяц». Это было правдой. Несмотря на свой совершенно «неземной» вид, Веня зарабатывал много. И вовсе не своими стихами. Он был неплохим программистом, и работа его над совершенно новыми программами приносила сногшибательный доход. Она не вдавалась в подробности его бизнеса, поскольку ничего в нем не понимала. Но для остальных дело выглядело совсем иначе — все были уверены: Марфа Король ведет финансовые дела своего мужа, иначе он, бедненький «небожитель», давно бы был съеден алчными издателями. Ха-ха... Это он их ел, не разжевывая. Потому что у него были деньги, и он мог позволить себе ставить их в условия, выгодные для себя.

В последние дни перед смертью он стал совсем невыносим. Похоже, ее «роман» с Барчуком все-таки задевал его немного. А в тот день... «Знаешь, — сказал он, — я тут подумал на досуге, что ты права. Нам, действительно, стоит развестись. Конечно, ты лишишься всех накоплений, ибо все они находятся на моем личном счете. Но, полагаю, Гриша Барчук сможет тебя содержать так же, ну, или почти так же достойно, как и я. Кроме того, я слышал — Дема отстегнул ему долю в проекте. Если ты сделаешь из всего этого дерьма конфетку, Гриша получит неплохой барыш. Так что, старайся, детка. И выбери денек, чтобы оформить документы на развод».

Через два часа после этого разговора он умер. И все его счета теперь принадлежат ей. И не нужен ей никакой Гриша Барчук. И никто ей не нужен. Она теперь вообще может организовать свой проект. Такой, в котором не противно работать. Такой, о котором она мечтала всю жизнь...

Может быть, поэтому Веня приходит к ней? Злится, что она теперь и свободна в выборе, и богата?... Дурачок. Ведь она по-прежнему любит его. И, наверное, любовь эта не закончится никогда...

«Ты смотришь в пустоту».

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 4

Алексей Викторович Перепелкин очнулся от чьего-то ледяного прикосновения. Он с трудом разлепил веки, почувствовав при этом тупую боль в затылке, понял, что никто его не касается, а просто холодный ветер дует в лицо, постарался припомнить, что привело его в лежачее положение, и попытался приподняться. Да, сомнений не было, он, действительно, по-прежнему находился на крыше. Только вот девушка и... покойник исчезли.

«Что это было? — отрешенно подумал Алексей Викторович. — Видение в связи с неумным употреблением спиртного? Ах, да я же и не пил почти. И какое видение может так шарахнуть по голове? Интересно, кто меня все-таки ударил: покойник или Аня Ласточкина? Покойники, как правило, не дерутся. А Ласточкина... Господи, Аня Ласточкина! Она же собиралась полетать!»

Последняя мысль придавала Перепелкину силы, и он не без труда, но все же поднялся на ноги. И пошатываясь, направился к лестнице. Монументальное сооружение из Пулковской обсерватории, мимо которого он проходил, привело Алексея Викторовича в раздражение. «Вот ведь все из-за этой махины, — подумалось ему. — Не пришло бы кому-то в голову устанавливать ее на крыше, никто на крышу бы и не лазал. И мусора бы тут не было. И Игорь бы не погиб... И Ласточкиной полетать не захотелось бы... Нет, но все-таки что это было? И где Ласточкина? Неужели все-таки улетела?» Сильный порыв ветра заставил Перепелкина слегка покачнуться. А в чуде оптической техники что-то закрипело. «Вот сейчас как свалится», — пришла на ум Алексею Викторовичу глупая мысль. Но телескоп стоял непоколебимым колоссом, только вот где-то в недрах механизма что-то скрипело все громче и противнее. Любопытство не позволило следователю пройти мимо. Он подошел к сооружению и стал выяснять причину неприятного звука. У подножия платформы, на которой располагался телескоп, он обнаружил две металлические створки, одна из которых под порывами ветра то слегка поднималась, то опускалась, а трение края о край и создавало скрежет. Алексей Викторович дождался, когда створка приподнимется и образуется щель, подхватил металлическую пластину и поднял ее. При свете луны было видно, что под створками находилось пустое пространство метра два в глубину. На чугунной поперечине между створок был укреплен металлический трос. «Ага, — сказал себе Перепелкин. — Уж не этот ли трос потеряли рабочие?» Еще немного поразмышляв, он решился на спуск, открыв и вторую створку. Пространство внизу представляло небольшую квадратную комнату, в которой находился единственный предмет — небрежно сколоченный табурет из неструганых досок. А еще... В комнатке находилась маленькая железная дверь, которую, как ни толкал Перепелкин, открыть не удалось. «Чердак, — понял он. — Это просто бывший чердак. А то, что я принял за специальную платформу, просто еще одно кровельное сооружение. Предназначенное, например, для установки гигантских букв: «Слава трудовому народу». Не исключено, что в былые годы сюда и статую какую-нибудь устанавливали. И где-то есть лестница, ведущая к этой двери. Ну да, конечно, на такой большой крыше должно быть несколько входов-выходов. Так или иначе, но любой желающий может появиться на крыше именно отсюда. И здесь же он может скрыться. Что из этого следует? Что кто-то

этим воспользовался? Например, Барчук, чтобы незаметно подкрасться к Игорю и сбросить его с крыши. А потом так же незаметно уйти. Если пользоваться той лестницей, которой пользуются все, можно натолкнуться на нежелательного свидетеля. А вот об этом ходе, наверное, мало кто знает. Кроме, конечно, завхоза пансионата. И кому-то эти его знания пригодились...»

Перепелкин вздохнул, подставил табурет к проему и выбрался на свет божий. «Почему я подумал о Барчуке? — обругал он себя. — Этот покойник, будь он неладен... Он гораздо больше смахивает на существо, любящее чужие полеты. Только чертовщины мне в расследовании не хватает! Да, теперь — Аня Ласточкина... Как же я мог забыть о самом главном? Неужели все-таки я сейчас найду ее на земле?»

«Займем места...»

Шекспир. «Гамлет», акт 3, сцена 3

— Итак, ты прогуливаешься возле хозблока, заламываешь руки от волнения и тихим голосом зовешь Вениамина, — инструктировал Глорию Жорик. — Ну, вроде как слегка помешанная. Если минут через десять он не объявится, заходишь в здание и торкаешься во все двери. Со столь же безумным видом. Если тут, как ты говоришь, все его знают, то наверняка кто-нибудь наводку даст.

— А если он будет за какой-нибудь дверью? — испуганно проговорила Глория.

— Тогда песню запоешь, — хмыкнул Жорик. — Мы же поблизости будем — услышим.

— А какую песню? — совсем растерялась она.

— Да хотя бы песню сошедшей с ума Офелии, — сказал он. — Колька Радостев текстуху раскопал в собрании сочинений Шеспира и на музыку положил. Клево вышло.

— Я слова не помню, — улыбнулась Глория. — А музыку и вовсе не знаю.

— Музыку ты сама какую-нибудь придумай, — сказал Жорик. — А слова я тебе сейчас скажу. Без крышки гроб его несли, скок-скок со все-е-х ног, ручьями слезы в гроб текли, прощай, мой голубок. Скок в яму, скок со дна. Это припев, он два раза повторяется.

Алена с Галкой рассмеялись, Глория оторопела, а Боб озадаченно потер подбородок и спросил:

— Колька, значит, теперь на такие слова музыку пишет?

— Ты бы слышал, как он это исполняет! — задумчиво произнес Жорик. — Глория, ты слова запомнила?

— Ага... — словно в прострации, проговорила Глория. — Скок в яму, скок со дна.

— Молодец, — похвалил ее Жорик. — Хорошо в рольходишь. Все-таки, наверное, быть тебе звездой.

— Нет, — очнулась Глория и потрясла головой. — Я лучше про пиво буду петь. Чтобы лишний раз порепетировать завтрашнее выступление. А мои глаза, цвета пива, я сегодня ночью так красива... А твои глаза цвета водки, ты бежишь за мной — хвост селедкой...

Это еще лучше, — согласился Жорик, когда вся компания отсмеялась. — Значит, договорились: заходим с берега, дистанция — два метра. И главное, Глорию из виду не упускайте...

— Есть, командир, — баском отчеканил Боб. — Если бы мне кто-то неделю назад сказал, что я привидение стану ночью в Репино ловить, я бы тому в глаза плюнул. Будет что рассказать студентам.

— Я бы тебе не советовала этого делать, — усмехнулась здравомыслящая Алена. — Авторитет потеряешь.

То ли присутствие надежной компании за спиной, то ли изрядная абсурдность происходящего привели Глорию в прекрасное расположение духа. Страх от мысли, что Веня-Моня может наброситься на нее, пропал окончательно. А повторяя про себя то песенку сумасшедшей Офелии, то элегию про пивные глаза, она развеселилась окончательно. «Нет, не зря я все-таки сюда приехала, — подумала она. — С такими замечательными ребятами познакомилась. И весело здесь. Хотя и страшно немножко. Но получается, чем страшнее,

тем смешнее. О чем-то таком Вениамин однажды говорил. Какой-то еще специальный жанр есть под этот случай. Как же он называется? Трагикомедия — вот как! Настоящая трагикомедия, говорил Веня, заключается в том, что трагические моменты настолько страшны, что уже хочется не бояться, а смеяться. Так и здесь. Теперь мне хочется смеяться. А ведь еще днем я не знала, куда деваться от ужаса».

Она оглянулась и рассмеялась вполголоса. «Цепочка» друзей, крадущихся за ней на дистанции в два метра, выглядела комично. «Вот что надо снимать, — сказала она себе. — А не Ласточкиных с Пампушками, которые млеют и блеют от восторга и счастья, что им скоро выдадут «путевку в жизнь». Зачем нужна такая путевка? Лично мне будет, наверное, очень стыдно перед бабушкой и знакомыми в Октябрьске, если я узнаю, что они смотрели наше шоу».

В здании хозблока почти все окна были темными, только в двух из них горел свет. Зато и темные, и светящиеся окна были распахнуты, несмотря на поднимающийся ветер.

— Веня-я-я!.. — напрягла все свои актерские способности Глория. — Я пришла-а-а-а... Я хочу услышать твои новые стихи... Я соскучилась по тебе, Веня-я-я!..

Где-то за окнами раздался смех, а из одного освещенного окна на втором этаже высунулась лохматая голова. Глория узнала давешнего парня-грузчика, как назвал его призрак, Анатолия, который обещал достать шампанского.

— Ты че, с дуба рухнула? — громким шепотом поинтересовался он. — Уже и по ночам шяетесь. Совсем озвездели.

— С дуба я не рухнула, а по лесенке спустилась, — сказала Глория. — Мне нужно Веню повидать.

— Е-е-е!.. — застонал Анатолий. — Он по заказу не приходит, иди к себе.

— Никуда я не уйду, — тоном капризной звезды произнесла она. — Если мне что-то нужно, я своего добиваюсь. Если ты не понял, мы тут все такие.

— Оно и видно, — фыркнул он. — погоди, я спущусь, о деле побазарим. Я тут навел справки о том, о чем ты просила.

— Нет! — вскрикнула она. — Я о деле завтра разговаривать приду. Ты лучше скажи, где Веню увидеть можно. Мне с ним посоветоваться надо. Насчет отмщения. Это срочно. Потому что момент подходящий.

— Ладно... — пробормотал Анатолий. — Пойду... хи... посвищу его... Только ты подожди, мне для этого... свиста... дозу принять надо. Может, составишь компанию?

— Ты же знаешь, я только шампанское пью, — кокетливо проговорила она, удивляясь, как это у нее легко получается. — Ничего, я подожду. Погуляю пока... вокруг...

— Ну, гуляй... — сказал он, и его лохматая голова скрылась из поля зрения Глории. Она оглянулась. «Спасатели», как заправские спецназовцы, из разных укрытий подавали ей всяческие знаки, смысла которых она, впрочем, не понимала. Откуда-то из кустов неожиданно вылез Жорик, чем напугал Глорию ужасно.

— Я все слышал, — прошептал он. — Сейчас этот артист нарисует, или меня зовут не Жора.

— В следующий раз предупреждай, когда будешь вылезать, — ответила она дрожащим голосом. — Если не хочешь, чтобы здесь еще один труп образовался. В смысле — мой.

— Да ладно, чего тебе бояться, мы же рядом, — виновато проговорил он. — В общем, все складывается нормально. Тебе даже петь не придется. Сто бакинских ставлю, он сюда заявится.

— Конечно, — прошептала Глория. — Если он сейчас не на крыше. Сколько времени.

— Около двенадцати, — ответил Жорик, посмотрев на дисплей мобильного.

Глория ойкнула и закрыла рот ладонью.

— Ты думаешь, что он опять с кем-то встречается на крыше? — спросил Жорик и со свистом выдохнул. — Ну, конечно! Днем — здесь, ночью — на крыше. Какой же я болван... Идем к пансионату? Или разделимся?

— Здесь обязательно нужно оставить засаду, — сказала Глория. — Мне кажется, если он не выходит с территории, то должен скрываться здесь, где его любят и защищают. А я отправлюсь в основное здание. Поднимусь на крышу...

— Одна ты с ним не справишься, — не согласился Жорик. — Я пойду с тобой.

— Тебя никто не пустит, — сказала Глория. — Сейчас я позвоню Ежику. С Ежиком мы справимся. Если поймаете его вы, позвоните нам — Галка знает номер моего мобильного. Если поймаем его мы, то дадим отбой вам. Правильно?

— В лучших традициях искусства захвата, — кивнул Жорик.

Направляясь к «звездной обители», Глория еще раз оглянулась. «Спасатели» прилежно занимали позиции в зарослях возле хозблока. Луна скрылась за облаком, и территория пансионата погрузилась в мрак. Глория шла наугад, на свет тусклых фонарей, немощно освещающих главную аллею. Несколько раз споткнувшись и выйдя на «финишную прямую», она замедлила шаг, бросила взгляд на будку охранника, в которой никаких признаков чьей-либо бдительной жизни не наблюдалось, и поняла, что ей снова страшно. Все-таки надежная компания за спиной и отсутствие оной — две большие разницы. Ступив на аллею, она вспомнила, что собиралась позвонить Ежику, но так и не позвонила. А открыв «записную книжку» обнаружила, что номера Ежика в ней нет. Ну, конечно. Она его взяла и стерла сегодня. Это после его ужасного объяснения. И почему она подумала, что Сережин номер ей больше никогда не понадобится? Глория растерялась. Что делать, если Моня-Веня выйдет сейчас из темноты? Кричать? Звать на помощь охрану? Бросаться на него? Судя по видеозаписи, он не слишком богатырского сложения. Но и она не из плеяды девушек, увлекающихся бодибилдингом. А вдруг он ее просто убьет? Ведь убил же он следователя Мушкина. А тот наверняка приемами какими-то владел. И вообще был мужчиной крепким. «И кричать я не смогу, — сказала себе Глория. — Вот Пампушка сразу завизжала бы. И Ласточкина. И даже, наверное, Марфа. А я визжать не умею. Вот он появится, а я... Что мне делать?»

Она сделала еще несколько нерешительных шагов и поняла, что накаркала. От будки охранника по направлению к ней шла одинокая мужская фигура. И эта фигура была вовсе не в форме, а в обычном спортивном костюме. «Это не охранник... Охранники у нас гораздо выше и в плечах шире... А из наших в такой поздний час никто не гуляет... — мысли замелькали в ее голове беспорядочным калейдоскопом. — Кричать... Или чем-то тяжелым... Или просто вцепиться ему в лицо...» И тут она почувствовала, что страх внезапно куда-то улетучился. Может быть, потому что отступать было некуда и все равно нужно было хоть что-то делать. А не ждать, пока ее убьет Моня-Веня. Она решительно шагнула навстречу своему ночному кошмару.

— Глория, — услышала она, когда до фигуры оставалось шагов десять. — Ты с ума сошла в такую темень гулять.

Если бы Глория имела привычку ругаться, она бы выругалась. Перед ней стоял Ежик собственной персоной.

— Ты что тут делаешь? — сердито проговорила она. — Это у тебя с головой не в порядке — людей пугаешь!

— Я не хотел тебя пугать, — сказал Ежик. — Я тебя встречать вышел. Потому что мало ли что может случиться с девушкой, предпочитающей ночные прогулки крепкому сну. И что за страсть такая — гулять по ночам? Которую уже ночь гуляешь...

— А ты за мной следишь? — еще больше рассердилась она.

— Охраняю... — смутился он. — Вернее, пытаюсь. Сегодня я не заметил, когда ты скрылась. Всю территорию облазил. Снова на «волну» выползала? Как там Галка поживает?

— Ты и про это знаешь, шпион... — сейчас Глория ненавидела Ежика.

— Я не шпион, — обиженно сказал он. — Я за тебя беспокоюсь... На охрану нашу надежды мало. Слышала бы ты, какой храп из будки доносится. Вот послушай.

Глория, помимо своей воли, прислушалась. Но никакого храпа отсюда слышно не было. Зато явственно были слышны чьи-то осторожные шаги.

— Ну как? — усмехнулся Ежик. — Классно на массу давит, да?

— Тихо ты! — шикнула на него Глория. — Это не храп. Слушай!..

Сережа, послушный ее воле, прислушался, а потом помотал головой.

— Ничего не слышу. Наверное, на другой бок перевернулся.

Глория напрягла слух, но теперь все посторонние звуки исчезли — Ежик был прав.

— Пойдем, — сказала она, поняв, что если сейчас неподалеку крался преступник, то он вряд ли будет продолжать движение, пока они тут торчат.

— А может, охранника разбудим? — беспечно предложил Сергей. — Для прикола.

— По-моему, приколов здесь и без этого хватает, — сказала она.

И в ответ на эти слова из дальнего конца аллеи метнулась длинная тень.

— Ой, лови его! — вскрикнула Глория и рванулась за тенью.

— Кого? — не сразу сообразил Ежик, но бросился за Глорией сразу же.

А через несколько секунд за их спиной раздался грубый бас:

— Эй, кто там бегают? Стоять на месте, стрелять буду!

— Проснулся, служивый, — прокричал на бегу Сергей, обгоняя Глорию. — Стрелять он будет! Им и оружие-то не полагается.

Но Ежик был не прав. После нескольких смачных выражений, несущихся вслед бегущим, раздался оглушительный, звонкий выстрел — словно петарду взорвали. Глория споткнулась и рухнула на гравий, до крови содрав колени. Плакать и прикладывать подорожник было некогда, она тут же вскочила и побежала дальше, туда, где скрылись неизвестный и Ежик. Аллея закончилась, и Глория в нерешительности остановилась и огляделась. И тут совсем близко она услышала крик Сергея:

— Стой, зараза, не уйдешь!

Потом послышалась какая-то возня, глухие удары, приглушенный вскрик Ежика... и все внезапно стихло...

Акт четвертый

«Рвет и мечет, как прибой...»

Шекспир. «Гамлет», акт 4, сцена 1

Марфа Король металась по главному офису проекта, как разъяренная пантера. С утра начали прибывать члены жюри. Сам Моисей Симеонович Зон пожаловал, хотя его участие в съемках было до последнего момента под большим вопросом. Приехали Джига, Махалов, Мирзоян, с трассы звонил Хоменко — еду, мол, на своем новеньком «феррари», но в пробке застрял между Ольгино и Лисьим Носом. Марфа подозревала, что он сам эту пробку и устроил. Либо въехал в кого-нибудь, либо автографы поклонницам раздает. Съемки должны начаться через два часа, когда приедет из аэропорта победитель последнего «Звездного завода» — Фофан. Съёмочная группа в полной боевой готовности мается в большом концертном зале. Костюмеры выгладили последний воротничок, гримеры в возбужденном ожидании раскладывают свои баночки, коробочки и кисточки на гримерных столиках. Техники в седьмой или восьмой раз побежали аппаратуру проверять и настраивать — и так идеально настроенную. Одним словом, все и всё готово. Кроме одного незначительного элемента. А именно — самих артистов. Артисты (вернее, те, кто до недавнего времени собирались ими стать) до сих пор находятся в состоянии, далеком от мобилизационной готовности. Марфа уже охрипла, крича на Лиду Ефремову — женщину средних лет, отвечающую за моральный облик, мобилизационную готовность, работоспособность и душевный покой участников проекта, другими словами, исполняющую роль классной дамы, няни и инспектора по делам несовершеннолетних в одном лице. До сегодняшнего дня Лида уверяла Марфу, что с участниками все в порядке, что все они работают по двадцать четыре часа в сутки, не пьют, не курят и страстно желают стать звездами. Марфа ей верила, потому что у Лиды был большой опыт работы с молодежью, да и в лжи она до сих пор замечена не была. Но оказывается, что няня-инспектор давно выпустила ситуацию из своих рук. После трагических событий все пошло враздрай, гуляют по ночам, гоняются за какими-то духами, выпивают (Марфа самолично обнаружила в одном из номеров пустые бутылки из-под дешевого вина) и к показательному выступлению совершенно не готовы. У кандидата в победители Петрова фингал под глазом, Ласточкина лежит в обмороке (врач констатировал сильное содержание наркотического вещества в крови!), Кошелкина послала аккомпаниатора подальше, отказавшись репетировать, Лобода намеревается уезжать и уже позвонила своему «большому» папе, Петрухина бьется в истерике, остальные обсуждают какую-то чушь, вместо того чтобы думать о предстоящих съемках. И несет от них сивухой. В довершение ко всему на территории съемок появились прокурор города, несколько милицейских чинов среднего звена и куча парней, представившихся оперативными работниками. Она была вынуждена схватить Демьяна Джигу за рукав и со слезами на глазах упрашивать его, чтобы тот сам убедил работников правоохранительной системы немного погодить с расследованием, чтобы не сбивать рабочий ритм съемок. Дема сначала наорал на нее за то, что он обо всем узнает последним, а потом все-таки отправился к прокурору, после чего вышел и вовсе взъяренный, и сейчас, сидя в широком кресле и кипя от бешенства, он смотрел на Марфу взглядом удава перед добычей, матерился через каждую секунду и задавал один и тот же вопрос: «Так мы будем снимать или мы не будем снимать?» После

очередного такого «ремейка» Марфа тоже выматерилась, демонстративно села на краешек стола, перекинула ногу на ногу, посмотрела с улыбкой гюрзы на Джигу и проговорила по слогам:

— Я этого не знаю, уважаемый господин Джига.

Барчук, находящийся тут же, поперхнулся минералкой, которую он с утра поглощал в больших количествах, а Демьян схватился за сердце, потом помассировал вздувшуюся печенку, а после жалко улыбнулся и пробормотал:

— И чего теперь?

И после этого вопроса Марфа вдруг успокоилась, слезла со стола, обошла его, села в свое кресло и, подняв подбородок, своим обычным уверенным взглядом посмотрела сначала на Барчука, потом на Демьяна, а потом на Лиду Ефремову, которая, забившись в проем между шкафом и ксероксом, молила только об одном — чтобы о ее присутствии здесь забыли.

— Во-первых, переносим съемки на вторую половину дня, — сказала она.

Джига икнул.

— Ничего, заплатишь жюри за переработку, — сказала Марфа. — Пусть до трех часов погуляют по окрестностям, воздухом подышат, искупаются, в конце концов. Не думаю, что они не обрадуются такой возможности.

— Но Зон... — простонал Джига. — Я его с таким трудом уломал. Я его с заседания Думы выдернул.

— На его месте я бы сказала тебе за это «спасибо», — усмехнулась Марфа. — Но если ты так его боишься, я могу сама с ним поговорить.

— Очень хорошо, — Джига воспрянул духом. — А твои артисты придут в себя к трем часам?

— Артисты придут в себя к трем часам? — тоном барыни-самодурки спросила Марфа у Лиды.

— Я... Д-да... — Лида Ефремова часто-часто закивала головой. — Только вот Ласточкина... Я не уверена...

— Ну, это мы врачей попросим ее в чувство привести, — сказала Король. — Что еще? Прокурор и компани. Этот вопрос тебе, Демьян, придется взять на себя. Попроси их еще раз, чтобы они не дергали никого из наших до съемок. После — сколько угодно.

— Я уже просил, — Джига развел руками, но уверенность генерального продюсера канала начинала возвращаться к нему.

— Просто так просил? — Марфа пристально посмотрела на Джигу.

— А что ему я тоже должен проплачивать простой? Как звездам мирового уровня типа Зона? — взвился Демьян. — Он говорит, что промедление в расследовании может позволить преступнику скрыться. Сунь я ему в лапу, он расценит это как укрывательство или, как правильно? Покрывательство? Слушай, ну почему ты мне ничего не сообщила о втором убийстве? Почему не сказала, что у Гриши отпечатки пальцев снимали? И вообще...

— Лида, вы свободны! — резко проговорила Марфа. — Готовьте артистов. Делайте, что хотите: бейте, парьте в бане, жарьте. Но чтобы в три часа они пели лучше Агутина и Варум. — А когда Ефремова, облегченно переведя дух, выскользнула из офиса, посмотрела в упор на Демьяна. — Укрывательство-покровительство, говоришь? А может быть, Демьян, ты действительно покрываешь преступника? А может быть, это ты сам расправился с Вениамином? Ведь, оказывается, у вас был общий бизнес. Только почему-то я узнаю об этом

от следователя, а не от тебя и не от своего мужа. Не скажешь, отчего так?

— Ты узнала от следователя, что у нас был общий бизнес? — сипло произнес Джига. — Но... это невозможно...

Марфа удовлетворенно перевела дух. Она не «узнала» от следователя, что Веня вложил немалую сумму в проект «Звездолет». Перепелкин просто задал ей вопрос: а не финансировал ли частично ее покойный муж съемки проекта? Она ничего об этом не знала, но вопрос показался ей резонным. Вениамин несколько раз говорил ей, что только благодаря ему, съемки будут происходить под Петербургом, и только благодаря ему, осуществлять практическую сторону проекта доверили ей. Что означает это «благодаря ему»? Красноречием своим, что ли, он уломал Джигу? Смешно. Ораторское искусство на Дему впечатления не производит. А вот если он вложил какие-то средства, что, конечно, мог себе позволить, тогда совершенно другое дело. Сейчас, «пытая» Демьяна, Марфа просто брала его «на пушку». Но кажется попала в цель.

— Что невозможно? — прищурившись, спросила она. — Что следствие в курсе всех твоих дел? Почему же? Ты думаешь, что все следователи и менты такие же тупые, как в сериалах, которые ты строгаешь со скоростью лесопилки? В этом твоя большая ошибка.

— Да нет, я не об этом... — совсем растерялся Демьян. — Зачем мне убивать своего партнера? Что я — идиот?

— Ну как, — Марфу охватило вдохновение. — Во-первых, теперь можно ни с кем не делиться. Ведь супруга покойного, она же наследница, ничего не знает о вложении мужа. Во-вторых, какой драматический сюжет образовался в самом проекте. Никогда не забуду, как ты нахваливал меня за то, что мы сняли все, что было связано с убийством Вениамина. А не ты ли настоял, чтобы этот сюжет пошел в эфир? А как ты хвалил меня за мужество... Ведь это была не моя идея — рассказать зрителям об убийстве поэта-песенника. Все думают, что — моя, и считают меня монстром. Мне наплевать, кем они меня считают. Я, может быть, тоже сообразила бы пустить «криминал» в эфир. Но первым, Дема, додумался до этого ты.

— Ну и что, что первым? — совсем по-детски жалобно спросил Джига. — Не думаешь же ты, что я это убийство задумал, чтобы потом показать его телевизионной аудитории? До этого ни один сумасшедший не додумается.

— Может быть, сумасшедший и не додумается, — презрительно пожала плечами Марфа. — А ты у нас очень даже здравомыслящий.

— Бред какой... — пробормотал Джига. — Я цивилизованный человек. И... я давнсс хотел тебе сказать... то есть сегодня хотел сказать, что теперь ты мой партнер... как наследница...

— Это мне следователь сказал, а не ты, — жестко произнесла она. — А теперь иди и говори с прокурором. Это ведь и в твоих интересах, чтобы сегодня съемки прошли нормально.

— Ладно, — кивнул Демьян. — Только... Ты будешь смеяться, но я никогда не проплачивал прокурора. Какая у них такса?

— В этих вопросах я плохой консультант, — усмехнулась Марфа.

Когда Демьян, тяжело покряхтывая и поддерживая свой необъятный «пивной живот», вышел, Марфа сникла и беззащитно взглянула на Григория. Такой ее взгляд он видел впервые.

— Кажется, все разваливается, — сказала она тихо. — Хотя никто об этом и не

догадывается. Не нужно было продолжать, когда Веня умер. Ведь понятно, что такие события не проходят бесследно в детских душах. Вот они и пошли вразнос. А если артисты не тянут, то никакой профессионализм сценаристов и режиссеров не спасет.

— Я бы не рассматривал ситуацию так драматично, — сказал Барчук, впервые ощущая себя с Марфой настоящим мужчиной — то есть особью, в поддержке которой нуждается женщина. — Хотя ты их и ругаешь, но некоторые из них вполне смогут стать неплохими артистами. Пусть не эстрадными — киношными, сериальными... Ты их многому научила. И другие дрессировщики — тоже. А дурь всякая с возрастом проходит. Будет нормальная работа, забудут они и о сомнительных развлечениях, и о пиве с портвейном вперемешку. Да и вообще должен тебе сказать, что пьют и курят из них единицы. Остальные обходятся кофе с молоком и безопасным сексом.

— И ночными драками, — вздохнула она. — Слушай, ты ведь в деревне детство провел. Неужели деревенские без драк никак обходиться не могут, даже когда в крупный город приезжают?

— Во-первых, Репино, а вернее, территория, отведенная для съемок, — не такой уж и крупный город, — рассмеялся Барчук. — Во-вторых, Петров — не из деревни, а из поселка городского типа. А в-третьих, он не дрался. Он гнался за преступником. А тот ему в глаз дал. Скажи спасибо, что не убил.

— Увижу, обязательно скажу, — мрачно проговорила она. — А почему Петров гнался за преступником? Ты, похоже, об этой истории знаешь больше. Следовательно мне ничего не говорит, Петров молчит, как партизан, Кошелкина — как партизанка.

— И я буду молчать, извини, — покачал головой Григорий. — Потом, когда все выяснится, они сами тебе расскажут. Может быть, даже в камеру дадут интервью. Проект еще новыми красками заиграет, как ты любишь выражаться.

— Черт, все всё знают, только я — вдова убитого — не имею права знать? — с надрывом проговорила Марфа.

— Имеешь. Но я дал слово. Извини. А ты правда Дему подозреваешь? Или просто подстегнуть хотела?

— Ну... — Григорию показалось, что Марфа всхлипнула. — Я не знаю. Ты говоришь, что Петров вчера гонялся за преступником. Вряд ли это был Дема Джига. Я с трудом могу себе представить бегущего Джигу.

— Я полагаю, что Петров гонялся за исполнителем, — серьезно сказал Барчук. — Только вот очень мне не хочется, чтобы заказчиком оказался мой лучший друг Дема. Зря ты на него напала. Кстати, ты меня прости, но точно на таких основаниях он мог бы обвинить тебя.

— Меня? — Марфа захлебнулась в возмущении. — Я могла убить Вениамина? Зачем? Любимого человека? Ты же знаешь прекрасно, что я его любила!

— Успокойся, — Барчук пожалел о своих словах. — Я просто сказал, что Дема тоже мог тебя обвинить. Лично я не считаю, что ты могла убить. Что ты вскинулась?

— Господи! — Марфа вскочила и снова заходила по офису. — До чего же вы, мужики, толстокожие! Сначала он говорит, что я могла убить, а потом говорит: успокойся!

Григорию Барчуку показалось, что последняя речь Марфы была уж слишком надрывна. Как говорят в актерской среде: это был «наигрыш». Переигрывала Марфа, вот что...

И он, в очередной раз думая о Марфе, расстроился.

«А кто теперь в ответе за убийство?»

Шекспир. «Гамлет», акт 4, сцена 1

Алексей Викторович Перепелкин был уже не рад, что поднял такую волну и не только волну, но и прокурора — на ноги. Он даже удивился себе. В управлении поговаривали, что нынешний прокурор, хоть и достаточно молодой человек, но не спускался «на землю», чтобы на ней «потоптать» и осуществлял свой прокурорский надзор над простыми операми и следками крайне редко. Можно сказать — почти никогда. Но, видимо, сообщение Перепелкина о том, что на съемки должен прибыть сам Зон — любимый певец всего российского народа, а ныне еще и депутат Государственной думы, возымело свое действие. Прокурор не только покинул утром границы своего кабинета, но и по дороге, пользуясь качественной мобильной связью, удивленным тоном поинтересовался у начальника УВД, почему господин Перепелкин работает по такому сложному преступлению в репинском пансионате в одиночестве. Сразу же после этого по оперативно-следственному составу управления последовала команда «Свистать всем наверх». То есть, наоборот, вниз, «на землю». Прибытие десятка оперативников ускорило оперативно-следственные мероприятия, и у Алексея Викторовича камень с души свалился. Но вот то, что ребята эти топали по всем этажам, заглядывали в каждый номер, раздражали организаторов съемок, было плохо. Для следствия это было плохо. Потому что теперь преступник мог затаиться и надолго. Ах, какого все-таки дал маху Алексей Викторович ночью! Ведь убийца был почти в руках. А в том, что перед ним и Аней Ласточкиной на крыше стоял убийца, Алексей Викторович не сомневался. И что убийца был артистом, Перепелкин был в этом уверен. Какая игра, какие декорации! Да и сценарий... И главное — потребность в зрителе. Алексей Викторович помнил, как кто-то когда-то ему сказал, чем артист отличается от прочих. Не умением, и не талантом, и не внешностью. И умелость у артистов разная, и внешность не всегда привлекательная и обаятельная, и талант не у всех имеется. Но есть одно, что всех их объединяет. Все без исключения артисты без зрителя скукоживаются и хиреют. Потребность у них такая — себя напоказ выставлять. Типа болезни. Вот поэтому преступник записку Перепелкину прислал. Чтобы тот свидетелем очередного преступления стал. Вернее, зрителем.

Ах, если бы он не опростоволосился, или если бы Сережа Петров оказался посильнее, убийца давно оказался бы в руках правосудия. И все бы радовались, и съемки проходили бы спокойно, а любимый певец Алексея Викторовича Моисей Зон, возможно, пожал бы ему или Сергею руку, в зависимости от того, кто бы негодя задержал. Но, к несчастью, никто его пока не задержал...

У Сергея Петрова и Глории Кошелкиной не было другого выхода, как только все рассказать Перепелкину. Он находился в медицинском пункте возле бездыханной Ани Ласточкиной, после страшного «спектакля» обнаруженной им на лестнице, когда за окнами раздались выстрелы. Перепелкин рванулся к выходу, натолкнулся на начальника охраны, вместе они выбежали, но застали уже финал действия. Охранник-«будочник» растерянно перезаряжал пистолет, а по аллее к ним навстречу шли Сережа Петров, прикрывающий левый глаз ладонью, и прихрамывающая Глория Кошелкина с разодранными коленками.

Перепелкин понял, что у него есть прекрасный повод вернуться в медпункт, а когда «ночным странникам» была оказана первая помощь, сумел разговорить возбужденных юношу и девушку. Да они, кажется, и не собирались ничего скрывать. Но он все равно их пожурил.

— Как же вы могли? Почему ничего не сказали о «привидении»? Ведь если бы я знал, то был бы готов к захвату преступника. А если с Ласточкиной случилось бы то же, что с Мушкиным?

— А вы бы нам поверили? — усмехнулся Петров. — Вот если бы я своими глазами его не увидел, ни за что бы не поверил.

Перепелкину пришлось согласиться с этим серьезным доводом. Интересно, что за фосфоресцирующую гадость использует этот Моня-артист? Хорошо и эксперты из горуправы приехали. Сейчас вовсю на крыше работают. А они ребята дотошные и ответственные. Не было еще случая, чтобы они на месте происшествия отпечатков пальцев или других каких следов не обнаружили бы. Ведь преступник обязательно следы оставляет, даже самый осторожный. Только вот не все эти следы обнаруживают. Бывают халтурщики, которые говорят: «Преступник все отпечатки стер... Платочком носовым...» А потом авторы сериалов эту чушь повторяют. Ни один нормальный человек, если он, конечно, не обучался в специальной школе супер-агентов, не способен стопроцентно запомнить все точки на плоскостях, которых касался. Но супер-агенты редко попадают под следствие правоохранительных органов.

Сейчас номер Алексея Викторовича превратился в небольшой штаб, куда стекалась все новая и новая информация. Информация прибывала по определенной, но довольно-таки жесткой схеме. Распахивалась дверь (опера почему-то не считали нужным стучаться), тот или иной сотрудник управы плюхался прямо на кровать следователя, почему-то спрашивал про наличие у Алексея Викторовича холодного пива, косясь на холодильник, и только получив отрицательный ответ, начинал лениво и скучно докладывать ситуацию, явно набивая себе цену. А ситуация с каждым часом все больше прояснялась. Во-первых, оперативники, вооруженные показаниями Глории Кошелкиной, отправились в хозблок. И нашли временное пристанище «духа». Оказалось, что артист, предпочитающий играть привидений и прочую нечисть, жил, почти ни от кого не таясь, в одной из маленьких комнаток, предназначенных для обслуживающего персонала. В комнатке были найдены: пакет с химическим составом, который при тлении начинает дымиться и светиться розовым светом, очки Вениамина Молочника (Марфа Король подтвердила, что это именно его очки), ноутбук Игоря Николаевича Мушкина, спрятанный на постели под подушкой, балахон с капюшоном, гримерные принадлежности и крем для снятия грима. Была опрошена уборщица, которая так рьяно защищала «духа» от агрессивных намерений Глории. Выяснилась удивительная вещь, объясняющая, впрочем, причину, по которой никто из хозяйственных работников не удивлялся соседству привидения.

— Не, Алексей Викторович, я умираю от наивности нашего народа, — кривился опер, докладывающий о результатах допроса этой свидетельницы. — Оказывается, этот клоун пришел к ним в общагу, или как она там у них называется, собрал нескольких теток преклонных лет и прямо заявил, что он — артист и намерен разыграть тут спектакль. И попросил предоставить убежище. Они его резонно спрашивают, что это за идиотизм такой — в привидение играть и детей пугать. А он говорит: «Вы детей предупредите, что это всего лишь артист дурачится. И всех остальных, конечно, тоже в известность поставьте». Они

снова его резонно спрашивают: а для кого тогда спектакль?

— А действительно? — нахмурился Перепелкин. — Если все знают, что он артист?

— Не догоняете, Алексей Викторович, — покровительственно хмыкнул молодой опер. — Не все знают. А только люди, обслуживающие хозяйство. Да и из этих людей один не знает.

— Грузчик... Анатолий... — вспомнил Перепелкин показания Глории Кошелкиной.

— Теперь теплее... — оперативник потянулся. — У вас, действительно, пива нету?

Говорят, здесь постояльцам дают.

— В баре, на этаже, — сдержанно проговорил Алексей Викторович. — Правду говорят: страх операм неведом. Ни Бога, ни черта, ни прокурора городского не боитесь.

— Вот как раз прокурор пивом не обделен, — вздохнул оперативник. — Гуляет сейчас чуть не в обнимку с какой-то красоткой и баночное «Балтийское» через трубочку посасывает.

— Дослужись до его лычек и тоже посасывай на работе в присутствии подчиненных, — наставительно сказал Перепелкин. — А в присутствии начальства — чревато. Так что — грузчик? Для него спектакль?

— Как сказать, — помотал головой оперативник. — Этому что спектакль разыгрывай, что настоящий дух появишься, ему без разницы. А вот на его клиентов пьеса еще могла произвести впечатление.

— На Петрухину и Ласточкину?

— Вот кто там у него в клиентах ходил, я не знаю, потому что этот тип сам их по именам не знает — памяти никакой. Лица вспоминает и в соответствии с их пристрастиями сопоставляет. Вот такая нехитрая оперативная память.

— Ну хорошо... — пробормотал Перепелкин, чувствуя себя полным идиотом. — Спектакль не для торговца алкоголем, а для его клиентов. Все равно не понимаю, почему эти дамы из хозяйственной части согласились потворствовать нашему артисту. Он им денег дал?

Оперативник снова потянулся и открыто улыбнулся Алексею Викторовичу. Ему импонировало, что молодой следак не делает умное лицо при отсутствии мыслей, как многие из следаковской и прокурорской братии. Да и вообще Перепелкин слыл в управлении парнем толковым и не паразитирующим на чужой, оперской шкуре, поэтому вызывал уважение среди рядовых оперативников.

— Денег они, может быть, и не взяли, — сказал опер. — Заподозрили бы чего-нибудь нехорошее, да и начальству пожаловались бы. Или Мушкину. Ведь все-таки на территории убийство недавно произошло. Какая-нибудь тетка-уборщица обязательно бы стукнула, подумав, как бы чего не вышло. Артист умнее к вопросу подошел. Он им сказал, что действует по поручению организаторов съемок. Они, мол, его и наняли. Чтобы звездных мальчиков и девочек от хозблока отпугивать, от пагубной привычки отвращать и торговлю грузчика Анатолия на нет свести. Дамочки артиста поддержали, потому что их этот Анатолий самих достал. И клиенты его — тоже.

— Что за глупость? — удивился Перепелкин. — Не проще было уволить этого торговца или передать в руки правосудия? Эти дамочки могли хоть на минуту поставить себя на место организаторов? Им не показалась такая борьба с подпольной торговлей алкоголем странной?

— Не проще, и не показалась, — хмыкнул оперативник. — Этот грузчик — сынишка

директора пансионата. Настучат они на него — работы лишатся. А почему они не удивились тому, что организаторы съемок таким странным образом с алкогольными пристрастиями борются? Удивились. Но артист Моня им и это объяснил. Начальники, говорит, съемочного процесса — люди умные, образованные и творческие. Они прекрасно знают, что запреты любителям выпить по барабану. Их надо сложными методами лечить. Ситуативными. Одна тетка это его слово долго вспоминала, но вспомнила-таки. В общем, он голову им задурил капитально. И убедил в праведности намерений.

— Да, молодец... — протянул Перепелкин. — Самое страшное, что мы его упустили. И розыск ничего не даст. Если он гримироваться умеет так талантливо, что его все за убитого принимали, даже те, кто хорошо Молочника знал, то пиши пропало.

— Пожалуй, — согласился оперативник. — Хотя есть маленькая надежда, что он захочет выйти на своего сообщника.

— На сообщника? — переспросил Алексей Викторович. — Почему — сообщника?

— Вы же сами утром говорили, когда нас инструктировали, что, возможно, у артиста есть сообщник, — удивленно проговорил молодой опер. — Забыли?

— Возможность и действительность — две большие разницы, — вздохнул Перепелкин. — Да была у меня такая мысль. Когда я думал о мотивах действий этого артиста. А вдруг он женщинам из хозчасти и не врал вовсе? Вдруг его, действительно, наняли? То есть, наверняка наняли! Какой артист будет работать бесплатно? И я думаю, что его мог нанять кто-то из участников проекта.

— Мы с ребятами тоже склоняемся к этой версии, — сказал оперативник. — Игра называется «вышибала». В задачу этого призрака входило вывести из равновесия как можно больше народу из «звездолетчиков». Вы говорили: первый раз он появился перед Петрухиной и Ласточкиной, потом попросил, чтобы привели на крышу Кошелкину. Дамочки в шоке — вот минус три претендентки на главный приз. Возможно, он собирался каждую ночь так куролесить. Да вот Мушкин ему помешал. И Кошелкина оказалась не такой неврастеничкой, как ее заклятые подружки.

— Очень похоже на правду, — сказал Алексей Викторович. — Начали с самых... тонких натур. Перед парнями ведь он не выступал. Одно меня смущает: зачем он меня на крышу пригласил? Был уверен, что я тоже поверю в его бестелесность? Или в то, что не сумею справиться с ним?

— Или он был уверен, что кто-то его в сложной ситуации подстрахует, — предположил оперативник. — А эта Ласточкина... Она, действительно, жертва, а не сообщница? Может быть, они вдвоем перед вами спектакль разыгрывали?

— При таком количестве алкоголя в крови очень трудно сознательно играть роль, — ответил Перепелкин. — Но не исключено, что это именно артист напоил ее до бесчувствия.

— Дура, — рассеянно проговорил оперативник. — Алексей Викторович, ну, точно пива нет? Жажда мучит, сил нет. Что у вас в холодильнике-то?

— Я сегодня его не открывал, — сердито ответил Перепелкин. — Но обычно по моей просьбе туда ставят только минералку.

— Тогда я пошел, — грустно сказал молодой опер. — Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок.

— Оскорбленному чувству? — встрепенулся Алексей Викторович, но оперативник уже закрыл за собой дверь.

А Перепелкин вскочил и стал ходить по номеру, ничего не видя перед собой. А что если

все это — актерская месть? Глория Кошелкина сказала, что Моня был оперным артистом, а потом стал собирать бутылки на пляже и просить милостыню. Зарабатывал хорошо, но ведь не своей профессией. А тут рядышком — такой проект. И масса народа — бесталанного, безголосого, с точки зрения оперного певца, на сцену рвется. Вот и не выдержала душа артиста. Оскорбили его в лучших чувствах. Может такое быть? Может. Но разве узнаешь это точно, пока преступник в бегах? «Упустил, упустил, — как заведенный, повторял про себя Перепелкин. — Ну, какой же я тоже... бесталанный...»

«Кто хочет говорить со мной?»

Шекспир. «Гамлет», акт 4, сцена 6

С утра зашгормило, метровые волны ожесточенно набрасывались на берег, и редкий пляжник решался нырнуть в волну. Да и пляжников сегодня было немного — песчаные вихри, поднимавшиеся как миниатюрные торнадо, отбили охоту валяться на песочке даже самым рьяным лежебокам. Поэтому «спасатели» «выходить в море» раздумали, сидели рядком на деревянном крылечке спасательной станции и созерцали игру стихии.

— Что будем делать? — через полчаса, после того как они уселись, нарушил молчание Жорик, первым не выдержавший медитативных упражнений.

— Вообще или конкретно? — лениво отозвался Коля Радостев.

— А в чем разница? — удивился Жорик.

— «Вообще» — это вопрос насчет работы, — охотно объяснил Коля. — И сдастся мне, что у нас сегодня выходной. И мы вполне можем помочь Галке в ее благородном предприятии. А «конкретно» — это про то, что у нас в подсобке валяется. Кстати, кто-нибудь проверял — он там еще?

— Ты на что намекаешь? — обиженно встрепенулся Паша-Танк. — На то, что я морские узлы вязать не умею?

— Ой, прости, пожалуйста, — дурачась, всплеснул руками Коля. — Какие мы все обидчивые. Уже и спросить ничего нельзя просто так.

— Так чего делать-то будем? — не успокоился Жорик. — А вдруг он опять буяннить начнет?

— Не начнет, — фыркнул Паша-Танк. — А начнет, я ему лекцию прочту. Ему мои воспитательные беседы, кажется, не нравятся.

— А здоровый бугай оказался, — с мечтательным выражением лица, проговорил Жорик. — Кто бы мог подумать. С виду — хилак, а мускулы — стальные. Разве так бывает?

— А ты китайцев-единоборцев видел? — хмыкнул Коля. — С виду маленькие, а как начнут ногами-руками махать — приятно посмотреть.

— Видел я китайцев в Зеленогорске, — сказал печально Паша-Танк. — Махали ногами-руками — это да. Только мы вдвоем с Ромой-Клыкком пятнадцать китаезов за две минуты успокоили. Даже как-то скучно стало. Мы ведь тогда на большое развлечение подрядились. А тут такой облом.

— Учиться тебе надо, — нарушил свое долгое молчание Боб-Борис. — И наукам, и боевому искусству. Тогда развлечения будешь в другом месте искать. Теперь о деле. Есть два варианта. Первый — передать преступника в правоохранительные органы.

— Не пойдешь, — Жорик передразнил эпизодического персонажа из фильма «Русское поле». — Правоохранительные органы его сразу выпустят. За недостаточностью... этого... улики и оснований. И состава преступления.

— Допустим... — нахмурился Боб. — Второй вариант мне нравится меньше. Потому что он насквозь незаконный.

— Выбить показания самостоятельно, — радостно проговорил Жорик. — А уже с этими показаниями сдать его ментам.

— Д-да... — кивнул Боб. — Но хочу повторить — этот вариант мне нравится меньше. То есть, ребята, совсем не нравится.

— У нас времени нет, — решительно сказал Коля Радостев. — Нам с Галкиными будущими спонсорами разбираться надо, отлавливать их, уговаривать. Поэтому предлагаю: быстро колем подследственного, сдаем прокурору, а потом ловим Моню Зона. Кстати, я бы и сам не прочь ему пару песен показать. А вдруг понравится?

— Коля-Коля... — укоризненно покачал головой Борис. — Тебе тоже нравится Зон? Тебе — будущей рок-звезде?

— Зон — профи, — с вызовом произнес Коля. — Так, как он про Штирлица поет, никому не спеть. Рок или попса — на самом деле без разницы. Главное, чтобы это профи делали. Я Зона очень уважаю. Хотя и болтают про него разное. По-моему, он умный и талантливый мужик. И Галке, если она на него выйдет, объективный приговор объявит. И если он скажет, что она — никакая не артистка, тогда ей, действительно, надо чем-то другим заняться. Хотя замуж за Жорика выйти, что ли...

— Ты че, чувак?... — покраснел Жорик. — Следи за базаром.

— Если Зон скажет, что из меня артистка никакая, — сказала Галка, — то я за Жорика выйду. Не потому что мне прописка нужна. Прописку я купить и без Жорика смогу. А потому что... — она глубоко вдохнула. — Потому что Жорик мне по нраву пришелся.

— Ой, девочки! — пискнула Оля. — У нас, кажется, осенняя свадьба намечается. Давно я на свадьбе не гуляла.

— Это че? — Жорик от смущения никак не мог перейти с дурашливого тона на нормальный. — Эт-то, типа, ты мне в любви объясняешься, Галка?

— Ничего не «типа...» — Галка тоже покраснела. — Вы зачем на меня стрелку перевели так междудельно? Давайте уже что-нибудь с задержанным решать.

— Да! — торжественно воскликнул Боб и поднялся. — Павел, пошли. Поговорим с подследственным.

— А мы? — вразнобой поинтересовались «спасатели».

— А вы на стреме, — скомандовал Борис. — Или кто-то еще собирается в противозаконных действиях участвовать? Имейте в виду, если еще кто-то с нами будет, по групповой статье пойдем.

— А вы с Пашей — не группа? — удивилась Алена.

— Паша — несовершеннолетний, — улыбнулся Боб. — Тут вся ответственность на меня ложится.

— Паша — несовершеннолетний, — вдохновенно продекламировал Коля Радостев. — Кто бы мог подумать? Мне это и в голову никогда не приходило. А нам и за дверью подслушивать нельзя?

— За дверью? — Боб сделал вид, что задумался. — За дверью, пожалуй, можно.

— А дверь может быть приоткрыта? — уточнил Коля.

— Самую малость, — разрешил Борис.

«Но всякую любовь рождает время».

Шекспир. «Гамлет», акт 4, сцена 7

— И раз, два, три! Поворот, поклон! — Марфа лично командовала генеральным «прогоном». Только Гриша Барчук, сидевший в последнем ряду, знал, чего ей это стоило. Уютно устроившийся в кресле и скрытый от глаз артистов, работавших на сцене, он в полной мере мог насладиться одиночеством и предаться размышлениям. И при этом был в полной боевой готовности, зная, что в любую минуту «главнокомандующий» может вызвать его на площадку — ведущий в предстоящем действе тоже должен был активно участвовать. Марфа держалась молодцом, и это не могло не вызвать восхищения Барчука. Следя сейчас за ее работой, он не мог отвести от Марфы глаз. «Вот интересно, — говорил он себе. — Эта женщина вызывает в моей душе самые высокие чувства, а если говорить не о душе, а о теле, то можно констатировать повышение кровяного давления и пульса. Когда я ее вижу, то хочу... обнять... Хочу, чтобы и она бросилась мне на шею. Специалисты сказали бы, что все это с полным правом можно назвать влюбленностью. Но то — специалисты. А что могу сказать я? Я могу сказать, что через минуту, после того как она исчезнет из поля моего зрения, я перестану о ней думать. И что скажут специалисты на этот счет?»

Между тем, отрепетировав поклоны (известно, что они на любой генеральной репетиции отрабатываются первыми, как самый сложный элемент), Марфа Король принялась за основную часть — то есть за выступления «троек». На сцену вышли Костя Вацура, Оксана Лобода и Дима Краев. Мальчики отличались идеальным телосложением и прекрасной пластикой. Брюнет Костя, кроме того, мастерски исполнял нижний брейк, а блондинчик Краев обладал невероятной энергетикой — от него невозможно было оторвать взгляда, что бы он ни делал. На фоне парней Оксана Лобода — стройная шатенка среднего роста, внешне, но не талантом, похожая на Софию Ротару в молодости, — со сценической точки зрения выглядела не очень привлекательно. У нее не было ни изощренного пластического изящества Вацуры, ни обаяния Краева. Барчук понял, что Марфе такой расклад не нравится. Да и какому режиссеру он мог бы понравиться? Разве только тому, который захотел бы «утопить» Оксану?

— Оксана, — проговорила Марфа негромко, но акустика зала была такова, что даже шепот в нем был слышен. — Вы планируете сегодня уехать домой?

— Нет, Марфа Ивановна! — испуганно воскликнула девушка.

— Нет? — саркастически улыбнулась Марфа. — Вы надеетесь на поддержку вашего дядюшки? На то, что он оплатит десять тысяч эсмээсок, и вы, благодаря этому, станете любимицей телезрителей?

— Нет, Марфа Ивановна, — повторила Оксана еще испуганнее.

— Тогда перестаньте думать о себе, когда исполняете песню, — сказала Марфа. — Это вам мешает. И производит скверное впечатление. Постарайтесь забыть о том, как вы выглядите, как двигаетесь, как поете и как дышите. Найдите другой объект для ваших мучительных раздумий.

Оксана Лобода застыла и во все глаза уставилась на Марфу Король. Она напоминала человека, к которому только что обратились на незнакомом языке.

— Не понимаете? — усмехнулась Марфа. — Хорошо, я объясню. Вот вы поете: «Я теперь гуляю по Парижу, я тебя больше не увижу...» Кстати, кто нынче пишет текстовки? Шестую песню слушаю и вполне созрела для того, чтобы задушить автора. Ну, с этим мы позже разберемся. Оксаночка, любую чушь можно исполнить талантливо. Вы поете — я гуляю по Парижу. Что вы при этом представляете?

— Ну... — Оксаночка закатила глаза. — Я представляю, как я гуляю по Елисейским полям.

— И как вы гуляете?

— Медленно, — улыбнулась Лобода. — Наслаждаюсь красивыми видами. Улыбаюсь прохожим, собакам и птичкам.

— Угу... — сказала Марфа. — А теперь спойте эту строчку так, как будто бы вам улыбаются прохожие, собаки и птички. И вот эти два парня. Которые из кожи вон лезут, чтобы вам понравиться. И вытащить вас в финал. Все вам улыбаются, а вы при этом помните, что где-то на Чукотке, откуда вы приехали, остался юноша, которого вы никогда больше не увидите.

— Я приехала не с Чукотки... — растерянно пробормотала девушка.

— Тьфу ты! — воскликнула Марфа. — Вот и учи их актерскому мастерству! Я знаю, что вы приехали не с Чукотки. Вы представьте себе, что приехали оттуда. Разница понятна?

— Да... — прошептала Лобода.

— Тогда начали, — скомандовала Марфа.

Оксана запела, Вацура и Краев заплясали, а Барчук обалдел. То ли от испуга, то ли благодаря таланту, но теперь девушка, действительно, видела прохожих, собак и птичек, которые ей улыбались. И думала не о себе, а о покинутом парне, который остался на Чукотском полуострове оленей пасти. В голосе ее при этом обнаружились объем и обертона, которых раньше и в помине не было. И лицо Оксаны стало совсем другим. Оно стало по-настоящему красивым и живым. Маска испуганной куколки исчезла напрочь. Григорий подумал, что теперь у девицы есть все шансы на победу, вне зависимости от того, пошлет ли ее дядюшка десять тысяч эсмээсок или нет.

— Ну-ну... — небрежно проговорила Марфа, когда исполнение закончилось. — Теперь что касается красавчиков. Вы, ребята, думаете начать карьеру в мужском стрип-шоу? Могу составить протекцию...

«Глория сказала, что «дух» взывал к отмщению, — думал Григорий, пока Марфа Король наставляла на путь истинный юных артистов. — Отомстить следовало Марфе. До недавнего времени Глория Кошелкина у нас и за дурочку слыла, и за особу с тонкой душевной организацией. За девушку, которая дружила с Вениамином, восхищалась его стихами и вообще прижималась к его хрупкому плечу при каждом удобном случае. Если бы она поверила в привидение (ну, кто же мог предположить, что она не поверит?), то она вполне могла бы выполнить завет призрака. И расправиться с Марфой. А кому выгодно, чтобы Глория Кошелкина расправилась с Марфой? Кому-то мешает Глория Кошелкина или Марфа Король? Глория мешает тем, кто окажется слабее ее на сцене. Но мало кто видит в ней серьезную конкурентку. А вот Марфа... Марфа из любой неопытной дурочки может примадонну сделать, если время позволит. Захочет — сделает, не захочет — не сделает».

Барчук опечалился. Ведь Оксаночка — товар. И Глория Кошелкина — товар, и Петров, и Вацура с Краевым. За них уже сегодня будут большие деньги предлагать. Или маленькие. Или вообще ничего не предлагать. Это только зрители думают, что на очередном

отборочном этапе половина артистов получит от ворот поворот и поедет... как это Марфа выражается? Коров пасти? На самом деле, покупатели на ребят, выбывших из проекта, уже есть. Лица этих покупателей не будут фиксироваться объективами телекамер. Эти люди будут сидеть вне зоны охвата съемочной техники и прикидывать перспективы «бесперспективных» артистов. Возможно, они даже устроят аукцион. Кстати, Джига и его партнеры окупят свой проект уже на данном этапе. Потому что за каждую «звезду», даже упавшую, некоторые предприимчивые индивидуумы готовы выложить кругленькую сумму. Ведь две недели «Звездолет» выходил в эфир. Две недели мелькали на экране лица «звездонавтов». Зритель к ним привык. А если зритель привык к «лицу», то теперь это «лицо» можно раскручивать без особых затрат. Потому что популярность в наше время определяется не талантом, не обаянием и не красивой внешностью артиста. Она определяется привычкой зрителя к артисту. Правильно кто-то сказал: если показывать на телеэкране простого, никакими талантами не отличающегося слесаря Ивана Ивановича хотя бы десять раз на дню мельком, через некоторое время телезритель будет считать его суперзвездой. Так уж устроено зрение современного телезрителя. И мозги.

Итак, Марфа может сделать так, что не очень талантливая, на первый взгляд, Оксана Лобода или «гадкий утенок» Глория Кошелкина пройдут в финал, а какой-нибудь яркий и артистичный Петров — нет. И если она благоволит Васе и не любит Дашу, то Даша понимая, что зависит от Марфы, естественно хочет отомстить продюсеру, режиссеру и репетитору в одном лице. Если бы не одно «но». Марфа пытается «вытащить» всех. И значит ни один «звездолетчик» не должен желать ей зла. Тогда кто? Режиссер, на которого она когда-то сгоряча накричала? Гример, которого она уволила? А кстати... Уволила ли кого-нибудь Марфа Король за все это время? Интересно, Перепелкин проверял этот факт? Теперь сам Гриша Барчук. Кто-то подкинул ему записные книжки Молочника с целью навести тень на плетень, а точнее, на него, Григория. И тогда «призрак» и его сообщник (если, конечно, у «призрака» есть сообщник) хочет расправиться и с Марфой, и с Григорием. А кто может быть одновременно обижен и на нее, и на него? «Веня, — сказал себе Барчук. — Только он мог жаждать отмщения нам обоим, если бы был ревнив и если бы был жив. Но он не был ревнив и он — мертв. Тогда отмщения может жаждать его призрак. Ну да. Призрак Вени Молочника и взывает к отмщению. И в сны является. И наверняка записные книжки свои мне подсунул...» Тут Барчук понял, что его занесло, и переключил внимание на репетицию. На сцене тройку Лобода — Вацура — Краев сменили Сережа Петров, Лена Петрухина и Глория Кошелкина. Когда Григорий увидел Глорию, сердце его слегка изменило обычный ритм. «Это что еще такое? — удивился Барчук данному факту. — Какая-то девчонка, пусть я и был для нее капитаном Греем, вызывает в моем организме нарушение сердечного ритма. Как Марфа... Но разве так бывает? Чтобы две женщины одновременно заставляли меня волноваться?» Григорий почувствовал, что теряется. «Одновременно... — сказал он себе. — Но не одинаково. Марфа — это Марфа. А девочка — это девочка». И больше он ничего не смог себе объяснить. И вообще впал в легкий транс. Даже перестал следить за ходом репетиции. А очнулся только тогда, когда запела Глория Кошелкина. «Что? — поразился он. — Разве это она поет?»

— Какой удивительный голос, — услышал он за спиной. — И сколько чувства. Так наполнить смыслом бессмыслицу. «Пиво... красиво...» Господи, что творится в этом мире! Гриша, вы не подскажете имя этой девочки?

Барчук оглянулся. В проходе между креслами стоял сам Моисей Зон и не отрываясь

смотрел на сцену.

— Здравствуй, Моисей Симеонович... — пробормотал Григорий. — Ее зовут Глория.

— Прекрасно, — кивнул Зон. — И имя для сцены подходящее. Я ее покупаю.

— Вы... покупаете?... — Барчук плохо соображал.

— Да, у меня намечается некий проект... — рассеянно ответил великий певец. — Так что я нынче тоже покупатель.

— Понятно... — протянул Григорий. — Но должен сказать вам, Моисей Симеонович, что во-первых, голос у нее только сейчас прорезался. Возможно, случайно. Обычно она пищит.

— Ну, значит, педагоги плохо его ставили, — скривился Зон. — А что во-вторых? Вы хотите сказать, что на нее уже есть покупатель?

— Вы удивительно догадливы, — сказал Барчук. — Ее покупаю я.

— Вы занялись шоу-бизнесом, Григорий? — тон Зона стал ледяным.

— Нет, я продолжаю заниматься кино, — улыбнулся Гриша. — Хочу вернуться в режиссуру. И собираюсь снимать в своем сериале Глорию.

— Сколько? — спросил Зон.

— Что — сколько? — не понял Барчук.

— Сколько отступного? — не глядя на Григория, вальяжно поинтересовался Моисей Симеонович.

— Не понял, — удивился Григорий. — Кто кому должен заплатить?

— У вас, Гриша, денег не хватит, чтобы мне платить, — хмыкнул Зон. — Но я готов вам заплатить. Во избежание обид и недоразумений.

— Нет, — сказал Барчук. — Денег я не возьму. Глупо как-то за собственную невесту деньги брать. Какая-то Средняя Азия получается.

— Пардон, — слегка поклонился Зон. — Но вы уверены, что вашей будущей жене лучше будет сниматься в сериале, а не работать у меня?

— Будущей жене, — сказал Барчук, — лучше быть около будущего мужа.

А сам подумал: «Что я несу? Какая жена? Откуда вообще взялась эта импровизация?» А когда Зон отошел, Григорий пришел к выводу, что импровизация не так уж и плоха. Главное, чтобы Глория не очень долго упиралась. Потому что бабушку-то он всяко уломает... Но чем больше он наблюдал за репетицией, чем больше размышлял, тем больше ругал себя за совершенно нелепую и безумную идею...

«Все идет к развязке...»

Шекспир. «Гамлет», акт 5, сцена 1

К середине дня паломничество оперативников в номер Перепелкина сошло на нет, а картина убийства Игоря Мушкина в сознании следователя стала немного проясняться. Непонятным оставался мотив поведения «призрака». То ли бывший оперный артист Моня действовал по своей инициативе, придумав и осуществив странный спектакль с элементами «ужастика», то ли его кто-то нанял для осуществления своей цели — вывести из равновесия участников проекта «Звездолет». И главная задача была пока не решена — преступник находился вне зоны досягаемости следствия. Дело же по убийству поэта Вениамина Молочника вообще пока не сдвинулось ни на йоту. Обнаруженный у наркомана-грузчика ноутбук Игоря Мушкина нисколько не помог. Алексей Викторович с удивлением обнаружил, что на всех файлах установлена защита, взломать которую он был не в состоянии. Это показалось Перепелкину странным — он помнил, что Игорь не имел обыкновения ставить хитрые пароли на документы, чтобы коллеги и начальство всегда могли ознакомиться с нужными материалами. От оперативников, занимающихся проверками телефонов Оли, Маши, Тани и прочих девушек, известий пока не было. Два раза с побережья звонил прокурор и бодрым тоном интересовался «подвижками» в деле. Так он и выражался: «Ну, уважаемый Алексей Викторович, какие у нас на сей момент подвижки?» «Работаем», — стандартно отвечал Перепелкин. А что он мог еще ответить?

В дверь постучались. Перепелкин догадался, что это не оперативники, вежливостью и изысканным воспитанием не отличающиеся. Он отозвался, и в номер вошел высокий молодой блондин в строгом костюме серого цвета и при галстук.

— Добрый день, Алексей Викторович, — улыбаясь, поздоровался он. Но улыбка его была ненастоящей, а какой-то... приклеенной. — Меня зовут Михаил Михайлович. Городское управление федеральной службы безопасности.

Брови Алексея Викторовича, помимо его воли, поползли вверх. ФСБ? Она-то здесь при чем?

— Прошу простить, если отвлек вас от работы, — продолжал улыбаться эфэсбешник приклеенной улыбкой. — Я, собственно, ненадолго. Даже садиться не буду.

Алексей Викторович смутился от своей непроизвольной невежливости и поднялся сам.

— Чем могу?... — пробормотал он.

— Как вы понимаете, я к вам с просьбой, — как-то излишне игриво проговорил высокий блондин. — С настоящей, естественно. Тут у нас появилась информация, что вы разрабатываете связи Вениамина Молочника. По его телефонной книжке, как мне известно.

— Быстро до вас доходит информация, — уважительно произнес Перепелкин.

— Не буду изображать перед вами непревзойденного мастера своего дела, говорить, что нашей службе всегда все известно, — усмехнулся Михаил Михайлович. — Эта информация могла бы вообще до нас не дойти. Если бы мы сами не разрабатывали эти телефончики. И довольно долгое время.

— Вот как... — протянул Алексей Викторович. — Как всегда, выясняется печальная истина о досадной разобщенности силовых ведомств. Мы тут не знаем, с какой стороны к

делу подойти, а вы, оказывается, долгое время занимались связями убитого Молочника.

— Мы занимались его связями еще до того, как он был убит, — охотно сообщил Михаил Михайлович. — И хотели бы довести дело до конца. А ваши оперативники с их методами работы, прошу прощения, выступают некоторой помехой. Вы не могли бы их отозвать и попросить прекратить заниматься порученным делом?

— Видите ли, Михаил Михайлович... — деликатным тоном начал Перепелкин, но эфэсбешник его перебил:

— Да-да, я знаю, что вы скажете. Что у нас свои дела, а у вас свои. Но согласитесь, что если мы занимаемся делом, то оно несоизмеримо серьезнее ваших дел.

Перепелкин отдал должное изысканной манере выражений Михаила Михайловича, но оскорбился на неприкрытый снобизм представителя соседского ведомства.

— Конечно, — язвительно проговорил он. — Вы занимаетесь делами государственной важности. А мы — чрезвычайными происшествиями районного масштаба. Ерундой, другими словами. Не могу с вами не согласиться, Михаил Михайлович. Только что же вы ко мне, простому следаку, пожаловали? Вы бы сразу к нашему прокурору обратились. Если он порекомендует мне прекратить дело, которым я занимаюсь, я его прекращу.

— Вы меня не так поняли, — улыбнулся эфэсбешник. — Я не призываю вас прекратить дело. Я...

— Да-да, повторяться не нужно, — рассерженно усмехнулся Перепелкин. — Я вас прекрасно понял. Надеюсь, и вы меня поняли. Я занимаюсь двумя убийствами. Мелочовкой, в общем, как выражается молодое поколение. Но и про эту мелочовку начальство у меня спросит. А что я уважаемому начальству отвечу? Что пришел человек из соседней структуры и по-дружески попросил меня закрыть глаза на какие-то аспекты расследования?

— Все развивается по стандартной схеме, — развеселился Михаил Михайлович. — ФСБ просит, УВД набивает себе цену, выгоду выторговывает. Мое начальство, предвидя подобный оборот, уполномочило меня раскрыть перед вами некоторые карты. И я их раскрою. Мне потребуется на это минут десять. Но за десять минут ваши оперативники могут таких дров наломать... Поэтому я вас очень прошу — возьмите телефонную трубку прямо сейчас и отдайте команду.

— Хорошо, я приторможу процесс, — согласился Перепелкин. — Но если карты ваши окажутся краплеными...

— А вот это уже прямое оскорбление, — обиделся высокий блондин. — Что же вы все по стереотипу демократов девяностых годов мыслите? Если перед вами эфэсбешник — ждите от него пакости или карт крапленых. А ведь в нашей структуре давно уже другие методы в чести.

— Угу... — согласно кивнул Перепелкин и даже небрежно махнул рукой, чтобы пыл Михаила Михайловича не подвиг того к исполнению праведного и гневного монолога до бесконечности. И взял телефонную трубку, жестом пригласив незваного гостя все-таки присесть. А потом, переговорив с одним из оперативных сотрудников, вопросительно уставился на эфэсбешника.

Тот развел руками, словно хотел показать, что скрывать ему совершенно нечего.

— Вообще, уважаемый Алексей Викторович, — благожелательно проговорил он, — вы нам очень помогли. Благодаря вам, мы сегодня узнали имя человека, который более трех месяцев был для нас инкогнито. Мы знали его кличку — «Поэт», но никак не могли соотнести его с конкретным именем. Теперь мы знаем, как его зовут. Более того, мы теперь

знаем, что работал он не в одиночку, и его сообщник по-прежнему действует. И действует здесь — на территории пансионата.

— Мое любопытство вы возбудили до крайней степени, — вежливо произнес Алексей Викторович. — Я вас внимательно слушаю. Чем же таким ужасным занимался «Поэт», что заинтересовал столь уважаемую контору?

— Заказами специфического свойства, — сдержанно ответил Михаил Михайлович. — Как стало известно, несколько лет он выступал посредником между уважаемыми фирмами и клиентами, нуждающимися в услугах этих фирм. Клиентов он разыскивал по Сети, а фирмы... Мы еще не пришли к определенному выводу, как он вышел на эти фирмы. Не исключено, что он сам их и создал. Но это еще предстоит выяснить.

— Вы хотите сказать, что телефоны в записной книжке Молочника — всех этих Оль, Тань и Галин — на самом деле телефоны... м-м... специфических фирм?

— Ваш сотрудник любезно дал подержать мне в руках один из талмудов «Поэта», — кивнул эфэсбешник. — У меня нет сомнения в том, что там нет ни одного номера, абонентом которого была бы обычная, нормальная девушка. Все эти имена — попросту кодовые названия фирм.

— Значит, неделю назад здесь был убит вовсе не простой гражданин, — задумчиво проговорил Перепелкин. — Мой коллега подошел к разгадке, и поэтому его тоже убили...

— Возможно, — осторожно сказал Михаил Михайлович. — Мы знаем, что он сделал несколько пробных звонков. Буквально накануне своей смерти.

— Но тогда получается, что сообщник... — начал Перепелкин. — Нет, что-то тут не то... А почему вы решили, что у Молочника был сообщник, что он находился и по-прежнему находится здесь? Это не секрет?

— Да нет, пожалуй... — пожал плечами эфэсбешник. — Видите ли, на финишной прямой нашего расследования мы отслеживаем звонки... Заказы продолжают поступать на электронный адрес «Поэта», и некто под его именем по-прежнему связывается с фирмами. Например, не далее, как вчера был звонок из пансионата — звонили в фирму «Аля».

— Это я звонил, — признался Перепелкин. — Хотел выяснить, что это за девушки.

— Да? — поднял брови Михаил Михайлович. — Это хорошо, что вы сказали, но ничего существенного эта информация не меняет. Кроме звонков Але были еще и другие звонки. Вы звонили нескольким девушкам?

— Нет, не успел, — сказал Алексей Викторович.

— Ну, вот, — кивнул собеседник. — А «Поэт» выходил на связь и вчера, и позавчера, и три дня назад.

— Это был мужской голос? — спросил Перепелкин.

— Да, это был мужской голос, — подтвердил Михаил Михайлович.

— Вы меня озадачили, — признался Перепелкин. — Я полагал, что дело обстоит гораздо проще. Поэт — посредник... А его призрак?

— Что, простите? — глаза Михаила Михайловича округлились.

— Да нет, это я так... — улыбнулся Алексей Викторович. — Видите ли, у нас тут собрались люди творческие, спектакли каждый день разыгрывают. А вы разве ничего не слышали о призраке?

Эфэсбешник посмотрел на Перепелкина с подозрением...

«Вниманье, судьи! Просим не зевать!»

Шекспир. «Гамлет», акт 5, сцена 2

Съемки последнего перед финалом отборочного тура, несмотря ни на что, начались. Уважаемое жюри расселось в первом ряду, на него сразу же были направлены яркие софиты, а «звездонавты», столпившиеся в кулисах, с ужасом поглядывали на известные лица. Ужас участников проекта был подробно зафиксирован объективами. На сцену вышел Григорий Барчук — улыбающийся, уверенный, в костюме с иголки — и объяснил несведущим телезрителям, для чего в первом ряду собралась столь уважаемая компания «супер-звезд». Несколько минут операторы вприсядку, приставными шагами и с помощью других физкультурных упражнений снимали Зона, Махалова, Хоменко и прочих знаменитостей. Те изображали скуку, покровительственное внимание, озабоченность, возбужденное нетерпение, но скоро им надоело что-либо изображать и они, забыв о камерах, занялись спонсорскими минералкой и пивом, выставленными перед жюри в невероятных количествах. Линейный режиссер, проследив это зрелище на всех трансляционных мониторах, дал команду операторам исчезнуть со сцены.

Концерт начался заурядно. Барчук объявлял участников, участники нервно и возбужденно улыбались жюри и столь же нервно и возбужденно начинали исполнять песни. Но после третьего выступления произошло не предусмотренное сценарием событие. Моисей Симеонович Зон, до этого с искренней доброжелательностью поглядывавший на юных артистов, вскочил со своего места и, багровея от злости, закричал на весь зал:

— Сейчас же прекратите это безобразие!

Барчук, привыкший в своей актерской жизни ко многим неожиданностям, тем не менее несколько раз открыл и закрыл рот, отчего стал похож на огромного сома, выброшенного из воды на берег. Члены жюри оторвались, наконец, от баночек и бутылочек и с ужасом уставились на мэтра. Режиссер в монтажке схватился за голову. «Звездонавты» застыли в оцепенении, кто — на сцене, кто — в кулисах. Лишь толстокожие операторы продолжали снимать шоу, как ни в чем не бывало. Несколько камер фиксировали крупный план Моисея Симеоновича.

— Сегодня я посетил генеральную репетицию! — продолжал кричать Зон. — Я прослушал одну песню с кошмарными словами и думал, что этот текст — досадное исключение из правил, не могут же все песни быть гениальными. Но теперь я понимаю, что пошлые тексты — тенденция этого проекта. И я заявляю со всей ответственностью, что в подобном мероприятии я участвовать отказываюсь. Эти песни услышат миллионы людей. Они будут думать, что так и надо, что такие песни и нужно исполнять на эстраде, что это — хорошо. Нет! Это не хорошо! Это очень плохо! Это полная безвкусица! Покажите мне автора этих текстов! Я... Я не знаю, что я с ним сделаю!

Ангелина Волк благоразумно скрылась в лабиринтах сценической машинерии. А Барчук, незаметно покинувший сцену, подошел к Марфе, которая стояла в левой кулисе и довольно улыбалась.

— Во влипли, да, — проговорил он, стараясь ее утешить. — Старик оказался воином. Сейчас прикроет всю нашу лавочку.

— И почему артисты поют перед пустым залом? — доносилось из первого ряда. — Как они могут выступать без зрителей? Или вам стыдно их показать народу? В телевизоре не стыдно показать, а зал заполнить стыдно? Прекратите сейчас же весь этот бардак! Я повторяю: песни, которые мы сейчас слышали, очень плохие песни!

— Отлично, — сказала Марфа тихо. — Я боялась, что он все-таки высидит до конца.

— Ты чего? — поразился Барчук. — Чему ты радуешься?

— Очередному сюжету, который нельзя было отрепетировать заранее, — еще шире улыбнулась Марфа. — Сейчас он заведет всех членов жюри, они начнут высказываться по поводу качества песен. Начнется небольшая драчка. Хоменко проявит свой незаурядный юмор, Джига встанет на защиту пошлости: он балдеет от песен Ангелины. И весь этот разговор о качестве современных песен пойдет в эфир. Зрителю, который нас смотрит, давно нужно было услышать, что такое хорошо и что такое плохо, и что такое настоящий вкус.

— А я-то думаю, почему ты выбрала для этого тура песни гримерши, а не Вениамина, — фыркнул Барчук. — Грешным делом, даже подозревал, что у тебя со вкусом не того...

— У Вениамина тоже песни так себе... — Марфа согнала улыбку с лица. — Вот они сейчас покричат с полчасика, а потом наши «звезды» будут петь старые советские песни. Экспромтом.

— И провалятся окончательно, — хмыкнул Барчук. — Без репетиций, без разучивания нот петь песни?

— Почему без репетиций? — пожала она плечами. — На прошлой неделе они репетировали эти песни. Просто ты упустил из виду этот момент.

— Ну ты даешь! — восхитился Барчук. — Самого Мойшу Зона из себя вывела. Это, я тебе скажу, эксклюзив. Я его в гневе даже у Махалова в «Терке» не видел.

— Говорят, он и не бывает в гневе, — сказала Марфа. — Учись, пока я жива. Как будущему режиссеру, тебе это пригодится. Ведь я слышала: ты собираешься снимать сериал?

— Кто настучал? — улыбнулся Барчук.

— Зон и настучал. Он просил, чтобы я тебя уговорила отдать ему Глорию Кошелкину. Говорит — заплатит любую сумму. Лично дольщикам проекта.

— А он сказал, что я ему ответил на его предложение? — с опаской спросил Григорий.

— Конечно, — вздохнула Марфа. — Ты, Гриша, молодец. Завидую я тебе. Ты еще способен совершать безумные поступки. Может, и мне какого-нибудь мальчугана в мужья взять?

— Не думаю, что тебе нужен мальчуган, — покачал головой Барчук. — Тебе Карабас-Барабас нужен. Такой, как Зон. Чтобы по утрам по кухне гонял за плохо сваренный кофе.

— Я обдумаю эту мысль, — усмехнулась Марфа.

«Кто это с барабанами сюда?»

Шекспир. «Гамлет», акт 5, последняя сцена

После выволочки великого мэтра организаторы проекта объявили перерыв. Марфа собрала всю съемочную группу и приказала отправляться на пляж и окрестности — собирать зрителей. Потом обрадовала молодых артистов и музыкантов известием о новом репертуаре, пригласила членов жюри в кафе-бар, а Моисея Симеоновича, Демьяна Джигу и Григория Барчука — в свой кабинет. Там к приходу именитого гостя тоже накрыли стол по высшему разряду, и Зон, увидев кулинарно-гастрономическое великолепие, слегка оттаял. Подождав, пока присутствующие утолят голод, Марфа попросила помощника принести кофе на четыре персоны и оглядела мужчин.

— Несмотря на кажущийся сбой в съемках, — проговорила она, глядя, в основном, на Зона, — мне кажется, что самое время поговорить о ближайших перспективах.

— Кажущийся сбой? — хохотнул Моисей Симеонович. — Вы оптимистка, Марфа Ивановна.

— Я оптимистка, — согласилась Марфа. — Через полчаса зрительный зал будет полон, а наши «звездонавты» будут исполнять совершенно иной репертуар, который, я уверена, придется вам по вкусу.

— Ваша мобильность достойна уважения, — благосклонно произнес Зон. — Вы умеете быстро исправлять ошибки.

— Ошибки, Моисей Симеонович? — теперь Марфа позволила себе хохотнуть. — Я не совершаю ошибок.

— А то, что вы позволили артистам выйти с таким халтурным материалом, ошибкой не является? — удивленно проговорил Зон.

— Нет, это продуманная акция, — виновато улыбнулась она. — Я должна извиниться перед вами, Моисей Симеонович. Я, безусловно, никак не могла предположить, что начнете об этом разговор именно вы, и, конечно, не думала, что вы примете все так близко к сердцу — ведь вы слывете абсолютно невозмутимым человеком. Но я надеялась на то, что кто-то из членов жюри обратит внимание на несовершенство текстов и подвигнет остальных к дискуссии.

— Вот как... — тяжело вздохнул мэтр российской эстрады. — Значит, вы все это подстроили. Даже не знаю, обижаться мне или восхищаться. Вы намерены продемонстрировать мой эмоциональный монолог в эфире?

— Если вы не будете возражать, — кивнула Марфа. — Полагаю, это будет прекрасным открытым уроком для нашей молодежи, не отличающей черное от белого. А вы так редко излагаете на публике свои принципы.

— Меня никто об этом не просит, — чуть обиженно сказал Зон. — Серьезные и честные разговоры об искусстве никому не интересны.

— Я так не думаю, — уверенно проговорила Марфа. — Значит, вы не против, чтобы мы показали ваше выступление телезрителям?

— Пожалуй, нет... — после некоторого раздумья сказал Зон.

— А теперь... мгм... — подал голос Джига. — Мы можем обсудить дальнейшие

перспективы? Основной аукцион мы устраиваем после финального концерта. Но вы, Моисей Симеонович, пользуетесь приоритетным правом выбора. Вам уже кто-то приглянулся?

— Я не всех видел, — Зон сразу поскуучнел. — Откровенно говоря, я мог бы заняться раскруткой одной девушки. Я вижу ее в перспективе. Но она, как мне дали понять, не продается...

— Как это? — Джига подскочил в кресле. — Мы продаем всех.

— Ваши партнеры так не думают, — усмехнулся Моисей Симеонович.

— Кто? — взвизгнул Демьян и посмотрел со злостью сначала на Марфу, потом на Григория.

— Ну, я, допустим, — ухмыльнулся Барчук.

— Но ты... Ты не имеешь права решать... — Джига побагровел. — Формально решаем только мы с Марфой...

— У-у-у... — прогудел Барчук. — Вот как заговорил мой лучший друг Дема Джига. Помнится, когда ты меня приглашал на это шоу, ты вел совсем другие разговоры.

— Да, конечно, но... — казалось, что Джига сейчас взорвется в буквальном смысле этого слова.

— Да ладно, — вдруг улыбнулся Барчук. — Забудь. Моисей Симеонович, я хочу сказать, что вы, конечно, можете откупить у хозяев проекта «Звездолет» контракт Глории Кошелкиной. Но насколько мне известно, она не собирается делать карьеру на эстраде. Вы просто выбросите деньги на ветер.

— Кошелкина... — промямлил Демьян. — Моисей Симеонович, я не ослышался? Вам нужна эта безголосая пичужка?

— По-моему, у нее прекрасные вокальные данные, — не без удивления проговорил Зон. — Вы ее слышали хоть раз, Демьян?

Джига растерянно покивал.

— Голос у Глории прорезался не далее как сегодня, — объяснил Барчук, обращаясь к Зону. — Количество репетиций, наконец, перешло в качество.

— Интересно, — сказал Зон. — Жаль, что она не хочет работать на эстраде. Это вы ей охоту отбили?

— Ага, — сказал Барчук. — Мы у кого хочешь охоту отобьем.

Разговор их был прерван настойчивым стуком в дверь, а затем какой-то громкой возней за нею.

— Это что еще такое? — вскочила Марфа и рванулась к двери, но та распахнулась, чуть не сбив Марфу с ног, в кабинет влетела растрепанная девушка, в талию которой вцепился охранник и пытался воспрепятствовать визиту.

Зон и Барчук с интересом ученых-исследователей поглядывали на это энергичное зрелище, Марфа была готова кинуться в драку, а Джига нечленораздельно заверещал. Этот звук был настолько чужеродным человеческой природе, что охранник и девушка тотчас прекратили возню, а Марфа отскочила к стене. Григорий и Моисей Симеонович рассмеялись. А девушка поправила прическу, улыбнулась Зону и вежливо проговорила:

— Здравсьте...

— Здравствуйте, — тотчас же доброжелательно откликнулся Зон. — Чем мы можем вам помочь?

— Я же говорила! — выкрикнула девушка в лицо охраннику. — Моисей Симеонович всегда готов оказать поддержку молодым талантам. А вы тут кордонов понаставили.

— Я все-таки уволю всю охрану целиком, — обессиленно проговорила Марфа. — Они так любого террориста сюда пропускают.

— Я не террористка, — сказала девушка. — Я — артистка. Я всю жизнь ждала возможности встретиться с Моисеем Симеоновичем Зоном. Это мой любимый певец, я его с младенчества люблю. Я под его песни, вместо колыбельной, засыпала, и вместо будильника, просыпалась. А вы его, как спящую царевну, в башню заперли на семь замков.

— Вы ошибаетесь, — Зон был по-прежнему сама любезность. — Никто меня не запер. Просто мы тут решили немного посоветоваться... Колыбельная и будильник, говорите? Ха... Кстати, как вас зовут, милая барышня?

Девушка расцвела и выпрямилась.

— Галка, — сказала она. — То есть Галина. Галина Звонарева.

— Мою жену зовут Галина, — сообщил Моисей Симеонович всем присутствующим. — А вы, Галина, конечно, хотите попросить устроить вам просмотр.

— Как вы проникательны! — восхитилась Галка.

— Опыт большой, — довольно хмыкнул Зон. — И что мы будем петь?

— Петь? — ужаснулась Марфа. — Моисей Симеонович! Эту девушку мы три раза слушали на отборочных турах. Поверьте, вы зря потратите время.

— Ну, надо же мне его куда-то тратить, — улыбнулся Зон. — Тем более, я понял, что деловая беседа у нас уже завершилась.

Джигга снова издал свой нечленораздельный звук и все снова вздрогнули.

— Дема, с тобой все в порядке? — весело спросил Барчук. — А вы, Галя, настойчивая девушка. Знаете, что я подумал? Не знаю, выйдет ли из вас толк на эстраде. Но вот роль в сериале у меня для вас, кажется, есть. Я ее только что придумал.

— Ой! — восторженно вскричала Галка, и все снова вздрогнули.

— Дурдом, — прошептала Марфа.

— Пойдемте на сцену, Галина Звонарева, — торжественно проговорил Моисей Симеонович. — Вы уже договорились с аккомпаниатором?

— Да, — кивнула Галка. — То есть, нет. У меня свой аккомпаниатор. То есть группа. Я привела группу.

— О Боже! — простонала Марфа.

— Очень хорошо, — сказал Зон. — Через пять минут я жду вас на сцене.

Через пять минут они были на сцене. Галка у микрофона, Коля Радостев с гитарой, Боб Берман за тамтамом, Жорик с бубном, Алена, Оля и Света встали в ряд у кулисы, приготовившись подпевать. У задника устроился Паша-Танк, придерживая какую-то непонятную фигуру в балахоне. Слух о том, что сам Зон собирается прослушивать непонятно откуда взявшихся артистов, распространился по территории достаточно быстро. В зале появились члены жюри в полном составе, некоторые участники проекта, зрители, которых успели «отловить» на пляже. Забрел сюда и Алексей Викторович Перепелкин, резоннс полагая, что вряд ли ему представится более удобный случай посмотреть на любимого Моисея Симеоновича в непосредственной близости. Высокий блондин-эфэсбешник тоже оказался здесь.

Галка от такого скопления уважаемого и простого народа приободрилась, чего нельзя было сказать об остальных участниках группы. Девчонки смущались и не знали, куда девать руки, Коля Радостев сгорбился и судорожно вцепился в гриф гитары, у Жорика вдруг обнаружился насморк, и он все время пошмыгивал носом. Боб, поняв, что еще немного и

группа просто сбежит со сцены, оставив Галку в одиночестве, стукнул ладонью по тугому брюху своего тамтама и хорошо поставленным, преподавательским голосом объявил:

— «Смеющаяся звезда». Исполняет Галина Звонарева и группа «Спасение утопающих».

В зале притихли.

— Пожалуйста, — в этой тишине мягко проговорил мэтр российской эстрады.

Галина сделала шаг вперед. Коля взял аккорд. Жорик тряхнул бубном... Галка запела:

Ветер окно распахнет ночью поздней.

Я открою глаза и увижу сквозь тьму танец звездный.

Я увижу звезду, что летит в вышине и смеется.

Подмигнет она мне, и сердце, как раньше, в надежде забьется...

Кто-то стонет в ночи, кто-то плачет вдали,

кто-то ждет, не дождется,

Кто-то воет по-волчьи, кто-то пугает детей,

а кто-то просто поет.

Кто-то останется в дальнем краю, кто-то забудет любовь,

кто-то вернется,

К дому родному путь непременно найдет...

А над толпою заблудших странников,

Таких, как ты и я,

Сияет сквозь тучи звезда моя.

Сияет моя звезда и смеется...

Ты моя звезда единственная,

Смейся надо мной, пожалуйста,

На свою судьбу не жалуясь.

Приговор не подлежит обжалованию...

В песне были еще слова. Много слов. Коля Радостев написал длинную песню. Но тут на заднем плане произошло шевеление.

— Ах ты! — воскликнул Паша-Танк совершенно не в соответствии со сценарием исполнения.

Фигура в балахоне, до этого момента стоявшая неподвижно, рванулась к кулисе. Паша вцепился в просторное одеяние, пытаясь сдержать беглеца, тот же заметался по сценической площадке, выбежал на авансцену, и тут Павел настиг его, заломил руки и слегка тряхнул. Капюшон, скрывавший лицо странного артиста, слетел с головы...

Зрители в зале замерли.

— А вот и Моня-артист, — в наступившей тишине негромкий голос Алексея Викторовича Перепелкина прозвучал достаточно звонко.

— Это не Моня, — хриловатым баском сказал Паша-Танк.

— Веня! — вскрикнула Марфа Король, вскочила и вдруг стала заваливаться на бок. Если бы Барчук не подхватил ее, она бы рухнула на пол.

— «Поэт»? — озадаченно проговорил высокий блондин Михаил Михайлович из ФСБ. — Чего только не бывает в местах, где собираются люди не от мира сего.

Прокурор города, опоздавший к началу представления, генеральским шагом

отмаршировал по проходу между рядами, с озадаченным видом огляделся и робко присел в первое попавшееся кресло.

— Спасибо тебе, Демьян, что вытащил меня с заседания Думы, — сказал Моисей Симеонович Джиге. — Там тоже, конечно, бывает весело. Но ваше шоу не идет ни в какое сравнение с парламентскими слушаниями. А песня хорошая. И девчонка ничего.

— Она у меня до третьего тура дошла, — похвалился перед членами жюри Коля Хоменко...

«Быть или не быть — вот в чем вопрос».

Шекспир. «Гамлет»

— Поправьте меня, если я что-то упустил, — сухо проговорил прокурор, строгим взглядом оглядев присутствующих в его номере Алексея Викторовича и Михаила Михайловича. — Итак, известный поэт Вениамин Молочник, именовавший себя в Сети «Поэтом», кроме своей основной деятельности, увлекался еще и посреднической деятельностью в сфере криминальных услуг.

— Скорее, наоборот, Николай Григорьевич, — не побоялся «поправить» высокое начальство Перепелкин. — Поэзия — была его хобби, а посреднические услуги — основной деятельностью.

— Ну да... — сердито кивнул прокурор. — Что потом?

— Потом он узнает из той же Сети, по которой ползал, как хотел, ибо для такого мастера, как он, не существовало никаких преград, что его самого кто-то «заказал», — сказал Перепелкин. — Вероятно, конкуренты, которых, как выясняется, существует не так уж и мало. Он понимает, что спастись от пули киллера практически невозможно. Тут Барчук отыскивает на местном пляже почти «двойника» Молочника и знакомит их друг с другом, с целью устроить невинный розыгрыш среди участников «Звездолета». Но поэт находит другое применение удачно подвернувшемуся Моне-артисту. Он, действительно, предлагает поучаствовать ему в розыгрыше. «Побудь мной недельку, — примерно так он говорит бывшему оперному певцу. — В накладе не останешься — я тебе заплачу. А потом посмотрим — заметит ли кто-нибудь подмену. Готов держать пари, что никто. Даже моя супруга». Моня поселяется в номере Молочника и даже пишет за него стихи. Паршивые, надо сказать, стихи. А в один прекрасный момент в его номер входит убийца.

— Не понимаю, — еще более сердито проговорил прокурор. — И никто не понял, что убили не поэта, а артиста? Кто проводил опознание тела?

— Ну... — вздохнул Перепелкин. — Кто же в этой ситуации будет проводить опознание по всем правилам? В кабинете поэта лежит тело, похожее на поэта. Не думаю, что кто-то очень сильно вглядывался в лицо...

— Кто проводил опознание? — повторил прокурор.

— Местная управа... — пробормотал Перепелкин.

— Поимеют они у меня! — рявкнул прокурор. — Значит убили ни в чем не повинного человека, а поэт стал скрываться на территории пансионата. И продолжал свою посредническую деятельность.

— Пытался, — вставил свое слово Михаил Михайлович. — Но поскольку конкуренты уже пустили слух, что «Поэт» убит, то к его очередному появлению в Сети отнеслись с осторожностью. Хотя с такой клиентской базой, как у него, можно было еще очень долго держать бизнес в своих руках.

— Ну и держал бы... — в голосе прокурора прозвучало недоумение. — Зачем он стал разыгрывать из себя тень папаши Гамлета?

— Быть или не быть — вот в чем вопрос, — улыбнулся Перепелкин. — Я почти целый день думал над этим. «Покойником» быть тоскливо, даже если прибыльный бизнес у тебя

остался. Общения недостает, людского внимания. А Вениамин привык к вниманию. Он не мог жить в келье. Вот и придумал себе спектакль. Да и некоторые личные мотивы тут свою роль сыграли. Захотелось пострашать жену-изменницу. Любовнику ее нервы пощекотать. Поэтому он и свои записные книжки ему подсунул.

— Но ведь тем самым он выдал свою клиентскую базу, — сказал прокурор.

— Не совсем так, — сказал Перепелкин. — Записные книжки уже были в руках у следствия. В руках у Игоря Николаевича Мушкина. Так что большого секрета номера телефонов «девушек» не составляли. Мушкин, кстати, почти приблизился к раскрытию преступления. Он и без помощи наших уважаемых соседей понял, чем занимался поэт Вениамин Молочник. Часа два назад, благодаря одному из молодых артистов, Сереже Петрову, удалось, наконец, снять защиту файлов на компьютере Игоря. Там есть подробные отчеты и прямым текстом написано о подмене жертвы.

— Сережа Петров? — заинтересовался Михаил Михайлович. — Уж не тот ли Сережа...

— Что? — требовательно спросил прокурор.

Эфэсбешник усмехнулся.

— Вы, наверное, знаете, что при нашем управлении открылся специальный институт. Я имею честь там преподавать. Так вот какой-то Сережа Петров из маленького провинциального городка взломал все наши засекреченные сайты.

Прокурор и Перепелкин не удержались и дружно фыркнули.

— Смешно? — обиделся Михаил Михайлович. — А нам было не до смеха. У нас лучшие специалисты над системами защиты работают. Постоянно новые технологии изобретают. Ни в Америке, ни в Европе им равных нет. А тут какой-то Сережа Петров. Хорошо, что, взломав систему, он написал, что хочет у нас учиться. Да мы бы его и так пригласили.

— Настоятельно... — сказал Перепелкин.

— Ну... — развел руками Михаил Михайлович. — Вы же понимаете, что такие таланты на вес золота.

— Да, не быть Сереже Петрову супер-звездой российской эстрады, — Перепелкин скорчил печальную мину.

— И хорошо, — уверенно произнес прокурор. — Мужчина должен делом заниматься, а не по сцене козлом скакать. Подведем итоги? Итак, у нас есть признание Вениамина Молочника...

— Простите, Николай Григорьевич, — перебил его Перепелкин. — У нас нет признания Вениамина Молочника.

— Не понял, — изумлению прокурора не было предела.

— Факт его посреднической деятельности еще предстоит доказывать нашим коллегам из ФСБ, — вздохнул Алексей Викторович. — И я им искренне сочувствую. Потому что доказать, что именно этот, а не другой человек нажимал на клавиши, подписываясь ником «Поэт», в принципе невозможно.

— А счета? А деньги? — вскинулся Михаил Михайлович.

— Вы еще про платежные поручения вспомните, — усмехнулся Перепелкин. — В них указывается содержание услуги, за которую производится оплата. Ведь понятно, что человек, занимающийся таким бизнесом, не мог не подстраховаться со всех сторон.

— Тем не менее, конкуренты его вычислили, — упрямо проговорил Михаил Михайлович.

— А вот это для меня остается абсолютной загадкой, — пожал плечами Перепелкин. —

Я не понимаю, как это возможно. Ведь Молочник пользовался беспроводным Интернетом.

— Но когда он вызывал исполнителей, он пользовался телефоном, — сказал Михаил Михайлович. — Иначе как бы мы вообще его ухватили?

— Вы вышли на него с другой стороны, — сказал Перепелкин. — И до последнего момента не знали, кто стоит за его неймом. Не так ли? Если бы не наши оперативники, которые, как вы утверждали, очень вам мешали, вы бы еще очень долго устанавливали его личность.

— Не понимаю, — покачал головой прокурор. — С одной стороны, такая осторожность. А с другой — полное безрассудство. Почему он, украв свои книжки у следователя Мушкина, тут же не уничтожил их? Почему не уничтожил ноутбук Игоря Николаевича?

— Ну, с ноутбуком он хотел еще повозиться, — сказал Алексей Викторович. — Такие защиты установить, чтобы их никто взломать не смог, даже Петров Сережа. Амбиции тоже не последняя вещь для бытия человеческого. А про книжки я объяснил. Он не был уверен, что информация о телефонах уже не ушла нашему начальству и в прокуратуру. А если и не ушла... Подумаешь, телефончики девушек. Кого это могло заинтересовать? Разве что супругу, то есть вдову...

— А почему вы говорите, что нет его признания? — обеспокоенно проговорил прокурор. — Откуда же тогда известна история с подменой?

— А он эту историю артистам-спасателям рассказал, когда они его у себя держали, — скривился Перепелкин. — Да и вообще он ничего от них не скрывал. Уж не знаю, почему...

— А вы этого бугая на сцене видели? — усмехнулся Михаил Михайлович. — Как его? Паша-Танк? Проехался, небось, по бедному Молочнику...

— Так-так-так... — начал свирепеть прокурор. — Значит, под протокол у нас ничего нет?

— Увы, — опустил глаза Алексей Викторович. — Под протокол он утверждает, что Моню он пригласил к себе ради розыгрыша, ради розыгрыша артистов пугал, Мушкина он убивать не хотел, тот сам упал, за трос зацепился. Ну и, понятно, что ни о каких страстях, о которых нам уважаемый коллега из ФСБ рассказал, понятия не имеет. Телефоны девушек в Интернете нашел, познакомиться хотел. Потому что жена его давно уже не любит... и так далее и тому подобное. А скрывался от всех по понятной причине — киллера боялся. Причем, говорит, киллера, наверняка, нанял поэт какой-нибудь, который мне лютой завистью завидует.

— Ух ты... — с яростью огнедышащего дракона выдохнул прокурор. — Значит, я и ордер на его арест подписать не могу?

— Ордер! Я и дела-то на него возбудить не могу, — сказал Перепелкин. — Хулиганство — не нашей компетенции статья. Этим участковый должен заниматься. Да и можно ли розыгрыш как хулиганство квалифицировать? Ведь в сущности, по его вине никто не пострадал.

— Если не считать Мушкина, Моню-артиста и всех жертв, которые пострадали, благодаря его посредничеству, — сказал Михаил Михайлович.

— Ну да, — спокойно сказал Перепелкин. — Но как квалифицировать его вину? Моня мог и не соглашаться на игру, Игорю не обязательно было на крышу лезть... Доказать умысел Молочника невозможно. А про остальное я уже высказал свое мнение. При этом искренне желаю успехов своим коллегам.

— Спасибо, — вежливо отозвался Михаил Михайлович.

В душном номере прокурора повисла гнетущая тишина.

Мой жребий посвящен его судьбе.

Шекспир. «Отелло»

«Здравствуй, дорогая Глория! Как поживаешь? Слышал, что ты делаешь большие успехи в кино. Мельком даже видел тебя в одной из серий «Смеющейся звезды». Но ты знаешь, что ящик мне смотреть абсолютно некогда — программа не позволяет растрачиваться на пустяки. Сплю по два-три часа в сутки. Но не жалею. Говорят, что у меня имеются серьезные шансы на получение хорошей работы в ведомстве. Понятно, что подробности рассказывать не могу. Вот когда ты бросишь своего Григория и станешь моей женой, тогда ты получишь право на приоткрытие завесы тайны моего существования. Скучаю, люблю и всегда буду любить. Прости, что не могу писать длинные письма — честное слово, минутки свободной нет. Привет Григорию, Галке, бабушке и всем, кто меня еще помнит. Твой Ежик».

Глория вздохнула и вышла из программы «Почта». Глупый Ежик. «Когда ты бросишь своего Григория...» Нет, ну каков наглец! И с такой уверенностью об этом писать. Дурак, наглец, воображала.

Раздался тихий стук в дверь и в комнату шаркающей походкой вошла бабушка.

— Не спишь еще, детка? — спросила она, подслеповато щурясь. — Второй час ночи, а у тебя съемка утренняя. Не выспишься, опять гримерши ругаться будут.

— Не будут, бабушка, — улыбнулась Глория. — Они меня боятся. У них так принято — бояться жен режиссеров. Думают: нажалуюсь Грише, он их уволит. Глупые.

— Глупые, — согласилась бабушка. — Не знают, что ты никогда ему не жалуешься. Даже когда костюмеры тебе застежку с подвохом соорудили, не пожаловалась, на себя все взяла. Это что же, теперь в чести такие шутки?

— Да, — рассмеялась Глория. — Получилось как во французской комедии, помнишь — с Бельмондо. Героиня шагает, а у нее платье — по швам. Смешно.

— Тебе, небось, не до смеху было, — недовольно проговорила бабушка.

— Почему? — пожалала плечами Глория. — Я тоже посмеялась. Правда, съемки задержали, и продюсер сильно ругался из-за перерасхода финансов. Но Гриша на него цыкнул.

— Да, Гриша... — вздохнула бабушка и присела на краешек дивана. — Если бы не он, жили бы мы до сих пор в своем Октябрьске. Вот ведь как бывает: всю жизнь мечтала в Ленинграде побывать, а приехала сюда и никак привыкнуть не могу. Народу столько, машины, суматоха... А если Гриша нас в Москву потащит? Там и вовсе жить нельзя, по моему.

— Не потащит, — улыбнулась Глория. — В Петербурге сериалы снимать дешевле. И артисты тут лучше. И вообще мы скоро будем жить в таком месте, которое на наши, октябрьские места похоже. С одной стороны, вроде как деревня. А с другой, — полчаса езды до центра города. Знаешь, у нас дом будет прямо рядом с полем, где коровы пасутся. Гриша планирует тебе собственный коровник построить. И дояров нанять. А захочешь — сама

дойти будешь.

— Конечно, сама дойти буду, — закивала бабушка. — Руки еще крепкие. А когда он строить-то собирается?

— Да уже построил почти, — Глория потянулась. — Вот печку сложит в доме, и переезжать можно будет. Правда, знаю я его. Потом баню будет строить, потом бассейн, потом конюшню, потом гараж, потом теннисный корт...

— Господи, когда же это он успеет? — удивилась бабушка. — Он ведь на съемках каждый день. Вот и сегодня — ночная смена...

— Ну, смены у него разные бывают. Вот завтра — утренняя, днем строить поедет, вечером — дома. Послезавтра утром будет строить, а днем снимать. И снова вечером дома.

— А спит-то он когда? — покачала головой бабушка. — Я ведь слышу: вы ночами поздно укладываетесь. Так недолго и здоровье потерять. Ведь он у тебя не мальчик.

— Мальчик, — засмеялась Глория. — Самый настоящий мальчишка. Ты знаешь, на чем он в деревню ездит? На скутере.

— Это еще что? — ужаснулась бабушка.

— Ну... типа мотоцикла, только маленький, и ездит медленнее.

— Медленнее — тогда ладно, — успокоилась бабушка. — А все-таки скажи ему, что коровник нам не к спеху. Вот банька — это хорошо. Кстати, забыла тебе сказать: днем Марфа звонила — Гришу спрашивала. Я ей сказала, что Гриша — теперь человек женатый. И она — замужем. А она посмеялась. Говорит, дела у них с Григорием. Это что еще такое? Какие у них могут быть дела? Ты гляди, детка. У них, у артистов, может, в порядке вещей женам изменять. Но я Григория предупреждала...

— Да ладно тебе, ба... — Глория присела рядом с бабушкой и погладила ее по голове. — Изменит, я его задушу. Как Отелло Дездемону. У меня тоже, как у тебя, руки крепкие.

— Балаболка, — сказала бабушка и, пожелав внучке спокойной ночи, пошла к себе.

А Глория подошла к окну и распахнула его. В комнату ворвался свежий ветер, дующий с Невы, гул моторов, смех поздних прохожих, пение сигнальных сирен и еще много чего, что составляет симфонию большого города. Она подумала, что прошло меньше года с того дня, когда Григорий появился в Октябрьске и перевернул всю ее жизнь. А может быть, ее жизнь перевернула Галка, которая затащила ее жарким июньским днем в Октябрьский дом культуры. Галка замуж за Жору вышла и заканчивает первый курс Театральной академии. Добилась-таки своего. И Гриша ее с удовольствием в своих сериалах снимает. А в последнем сериале Глория и Галка подруг играют. И сюжет фильма на прошлогодние их приключения смахивает. Он так и сказал: «А чего мы с тобой заморачиваться будем? Та история так и просится в сериал». Она сценарий до конца дочитала. Там все хорошо кончается — свадьбой главного героя и героини и наказанием главного злодея. Прямо как в сказке. В финале как бы жирная точка ставится — Гриша говорил, что так в этом жанре делать полагается. А вот в жизни жирную точку не поставишь. Жизнь — это многоточие, которое еще неизвестно чем заполниться может. Вот она бабушке не говорила ничего про Марфу. А ведь Марфа семь месяцев в больнице пролежала, психиатрической, и Гриша каждую неделю ее навещал. Иногда и Глорию с собой брал. Только она потом отказалась ходить — уж больно тягостное зрелище эта больница представляла. И теперь, когда Марфа из больницы вышла, Гриша ее поддерживает всячески, на работу помог вернуться, в деревню вот на скутере вывозит — на свежий воздух. Ее, Глорию, не вывозит, а Марфу вывозит. Как об этом бабушке рассказать?

Как рассказать бабушке о письмах Сережки Петрова? В последнем письме он вроде бы ничего такого не написал. А иногда что пишет? «Вот вырвусь из казармы — убью твоего Гришку...» И Веня ей письма шлет со стихами. И тоже почти что в любви объясняется. Только иначе, чем Сергей, — иносказательно. Между прочим, из тюрьмы пишет — посадили-таки Веню. И вот как с этим жизненным многоточием разобраться? Да и возможно ли?

Глория подняла голову и увидела, как сквозь серые тучи пробивается маленькая мерцающая звездочка. «Проснулась, спящая звезда, — удовлетворенно подумала она. — Проснулась и смеется. Как там Галка-то пела? Ты моя звезда единственная, смейся надо мной, пожалуйста? Конечно, смейся. Потому что, когда над тобой смеются, это еще ничего. Вот когда плакать начинают, тогда все — тушите свет... На свою судьбу не жалуйся... Приговор не подлежит обжалованию...»

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Имеется в виду Анжелика Варум, с немецкого слово «warum» переводится как «почему».

Здесь следователь употребляет оборот, принятый в старые времена, поскольку он любит такие обороты, в глубине души воображая себя господином Фандориным. «Наверное» — означает «наверняка».